

Кыргызстан: перспективы плюрализма¹

Эрика Марат*

Май 2015

ВВЕДЕНИЕ

Кыргызстан добился значительных успехов на пути к демократическому развитию со времени обретения независимости в 1991 году. Кыргызстан – единственная страна в Центральной Азии, которая провела свободные и честные выборы и имеет разнородное гражданское общество и независимые средства массовой информации. В столице страны Бишкеке происходят политические дебаты, находят отражение динамично развивающиеся современное искусство и культура, международные веяния и предпринимательская деятельность. Сообщество неправительственных организаций (НПО) и отдельные гражданские активисты активно участвуют в политическом процессе, озвучивая вопросы, волнующие широкие слои населения, поддержавшие демократические реформы. Возможности для сотрудничества между государством и обществом расширились, инициируя дебаты по важным вопросам проводимой политики.

Однако конкретный прогресс в вопросах плюрализма отстает. Политическая культура на юге Кыргызстана

значительно отличается, по сравнению с севером она более авторитарная и менее толерантна к этническим меньшинствам. В июне 2010 года в результате этнических конфликтов на юге Кыргызстана погибло 470 человек и 400 000 стали вынужденными переселенцами, среди которых были в основном этнические узбеки. В результате произошедшего насилия гораздо больше этнических узбеков по сравнению с этническими кыргызами было привлечено к ответственности за призывы к насилию. Вслед за произошедшими беспорядками этнические узбеки были вытеснены из органов местного самоуправления и подвергались нападкам в бизнес-секторе. После июньского конфликта все чаще стали слышны громкие и настойчивые призывы к ограничению политических прав этнических меньшинств и поддержке этнического большинства.

Помимо межэтнического насилия, во всей стране существует напряженность в зависимости от индивидуальных личностных признаков и особенностей самоопределения среди различных групп населения. Такие раскалывающие общество проблемы включают языковые различия между носителями и неносителями кыргызского языка (включая русскоязычных этнических кыргызов), различия между регионами, недостаточную представленность женщин в политике, различия между сельскими, городскими и новоявленными городскими жителями и экономические разрывы между богатыми и бедными. Некоторые вопросы, разделяющие общество, усугубились в процессе демократизации, поскольку

* Исследование, на котором основан данный доклад, было осуществлено в период, когда автор имела аффилиацию с Центром Вудро Вильсона, Вашингтон, округ Колумбия. Выраженные или подразумеваемые в нем мнения, выводы и рекомендации принадлежат автору и не обязательно отражают точку зрения Национального университета обороны, министерства обороны или любого другого органа федерального правительства США.

1 Данный доклад выполнен по заказу Глобального Центра Плюрализма. Содержание доклада было определено его автором и не обязательно отражает позицию Центра.

открытая политическая атмосфера дает возможность распространению как умеренных, так и радикальных идей. Другие виды напряженности в обществе включают в себя неравномерное экономическое развитие и отсутствие политической представленности всех слоев населения, что способствует продвижению узких интересов определенных групп.

Какая из систем демократического правления позволит обеспечить участие всех слоев населения в политическом процессе Кыргызстана? И, наоборот, что вызывает дискриминацию на бытовом уровне, глубоко укоренившуюся нетерпимость и жестокое насилие между этническими группами? По существу, каковы источники и вызовы плюрализма в Кыргызстане? В настоящем докладе эти непростые вопросы рассматриваются через призму исторического и политического анализа кыргызского общества. Нами будут определены как факторы, способствующие развитию плюрализма, так и подавляющие многообразие в обществе. “Плюрализм” определяется здесь как “этика уважения ценности многообразия в обществе” и “набор методов и результатов, а также намерений”.²

Данный доклад основан на исследовании и анализе, которые были осуществлены в 2013 году.³ В начале доклада предлагается обзор советской политики в отношении национального строительства в Центральной Азии. Границы Кыргызстана были определены советской властью при сотрудничестве с местными элитами в 1920-х и 1930-х годах. В течение семидесяти лет коммунистического правления национальное самосознание этнических кыргызов, считавшихся титульным населением Киргизской ССР, укрепилось и стало более развитым в результате сочетания пропаганды и методов принуждения.

2 Beverly Boutilier (2012), “Defining Pluralism”, *Pluralism Papers*, No. 1, Global Centre for Pluralism, 11.
http://www.pluralism.ca/images/stories/home_page/20120120--Defining_Pluralism_FINAL_EN.pdf.

3 Читатель должен учитывать, что социо-политическая обстановка в Кыргызстане динамична, и новые открытия, дебаты и ключевые игроки продолжают (заново) определять события и ответы, находящиеся в обсуждении.

4 Все давшие интервью лица дали свое согласие на их цитирование. В некоторых случаях сохранена конфиденциальность их личностей.

В разделе также анализируется то, как политические лидеры пытались сочетать этнический национализм и общегосударственное гражданское самосознание после распада Советского Союза. В частности, в докладе рассматриваются различные подходы, используемые четырьмя президентами страны по административной вертикали сверху вниз, для упорядочения отношений между этническими большинством и меньшинствами в Кыргызстане. В докладе также исследуются вопросы о том, как власть и общество реагировали на воспринимаемые угрозы территориальной целостности Кыргызстана, и, соответственно, считали необходимым обеспечить выживание кыргызов как этнической группы, а также пытались усилить символическое и физическое доминирование кыргызского большинства во всех сферах жизни.

Страхи среди этнических кыргызов относительно выживания кыргызской родины подогревались как внешними, так и внутренними факторами. На региональном уровне Узбекистан известен своим военным превосходством и непредсказуемостью, а также соседствующий Таджикистан с его быстро растущим населением беспокоит некоторых этнических кыргызов. На внутригосударственном уровне будущее Кыргызстана представляется неопределенным ввиду необоснованных страхов о притязаниях этнических узбеков на территориальную автономию, и нежелания как национальных меньшинств, так и русифицированного кыргызского населения принимать насаждаемые государством атрибуты “кыргызности”. Из-за недостаточной представленности в политике и чувства незащищенности, меньшинства не уверены в собственном будущем.

Второй раздел посвящен анализу истоков напряженности межэтнических отношений на юге Кыргызстана в 1990 и 2010 годах. В нем исследуется широкий круг исторических, политических и экономических факторов, которые способствовали возникновению напряжения и используются данные различных журналистских расследований, аналитических обзоров и интервью экспертов⁴ касательно насилия в Оше.

Далее в докладе рассматриваются элементы коллективного и индивидуального самоопределения

населения. В частности, определяются критерии самоопределения, связанные с социально-экономическим развитием, местом жительства (город/село), религией, образованием, возрастом и полом.

В основу настоящего доклада положен анализ ключевых политических событий в Кыргызстане, который демонстрирует, в чем именно процесс развития демократии и норм плюрализма в стране не имели последовательного характера. В первые годы независимости президент Аскар Акаев пропагандировал политическую и экономическую открытость. В начале 90-х предпринимательская деятельность расцветала, но вскоре была подавлена Акаевым после того, как он сделал поворот к авторитаризму и отказался расставаться с властью на выборах 2000 года. Наблюдатели событий считают, что смещение Акаева в марте 2005 года было результатом действий оппозиционных элит, борющихся за власть и доступ к экономическим ресурсам.⁵ Сменивший его на посту президента Курманбек Бакиев, однако, быстро перенял ту же самую коррупционную стратегию осуществления власти и прибег к еще более жестким методам политического угнетения.

После свержения Бакиева в 2010 году в стране начала зарождаться новая политическая атмосфера. Однако любые достижения в построении демократии после 2010 года скорее можно оценить как происходящие по умолчанию, нежели как результат усилий политических деятелей развить демократическое правление в стране. В отличие от соседних государств экономика Кыргызстана значительно децентрализована и имеет несколько политических центров в разных частях страны. После смены двух политических режимов насильственным путем, что в значительной степени было инсценировано богатыми, конкурирующими

между собой, политическими элитами, стремившимися к защите личных интересов, основные политические силы в Кыргызстане договорились о сотрудничестве по новым правилам, чтобы избежать очередного изменения режима. Конституция, принятая в июне 2010 года, через два месяца после свержения Бакиева, была построена таким образом, чтобы предотвратить появление единственной доминирующей политической силы, которая могла бы захватить основные экономические ресурсы страны и подавить политических оппонентов.⁶

Доклад завершается обзором факторов, которые способствуют и препятствуют развитию плюрализма в Кыргызстане.

I. ОБРАЗОВАНИЕ СОВЕТСКОГО КЫРГЫЗСТАНА

Кыргызстан – территория, определяющая границы проживания людей одноименной национальности, но включающая в себя десятки других этнических меньшинств – был творением советского режима в том виде, как его видели большевики, и на основании этнографических исследований, касающихся физических особенностей, языка и образа жизни коренного населения. Ко времени, когда большевики пришли в Центральную Азию в 1920-х годах, методы государственного управления царской России уже проникли в регион и русифицировали местных лидеров. Исходя из русских имперских теорий о необходимости модернизации коренных народов, большевики представили эти усилия как антиимперскую борьбу за национальную государственность.

Советский подход “разделяй и властвуй” в Туркестане, территории между Восточной Сибирью, Афганистаном и Каспийским морем, был обусловлен необходимостью сохранения контроля над регионом. Большевики использовали европейское понимание государства и нации путем установления марксистско-ленинской идеологии через пропаганду и систему принуждения и путем сотрудничества с местными элитами. Сложившиеся сегодня национальные территории в значительной степени результат усилий по определению границ советского государства и отражению советской политики сотрудничества с региональными элитами,

5 Erica Marat (2012), “Kyrgyzstan: A Parliamentary System Based on Inter-elite Consensus”, *Demokratizatsiya*, 20(4), 325-344; Scott Radnitz (2010), *Weapons of the Wealthy*. Ithaca: Cornell University Press.)

6 Первая конституция страны была принята в 1993 году, и впоследствии в нее были четыре раза внесены изменения, каждый раз усиливающие власть президента Аскара Акаева. В 2007 году парламент принял конституцию, которая существенно ослабляла президентскую власть. Однако спустя два месяца президент Курманбек Бакиев провел референдум по принятию его версии конституции, которая усилила исполнительную власть.

осуществлявшихся на протяжении двадцати лет в 1920-е и -1930-е годы.⁷ В конечном счете, цель заключалась в том, чтобы двигаться в направлении великого коммунистического будущего с четко определенными народами, тесно привязанными к конкретным территориям.

Советские этнографы сыграли важную роль в выявлении потенциальных народов и наций из множества местных кланов и племенных структур.⁸ До 1920-х годов жители Центральной Азии одновременно принадлежали к нескольким категориям населения, которые отражали религиозные, этнические, языковые и территориальные особенности, включая такие категории, как мусульмане, оседлые народы и турко-язычные группы.⁹ Эти идентичности не были взаимоисключающими. Этнографы взяли ответственность за процесс формирования национальностей, группируя коренное население в зависимости от расы, физических признаков и антропологических наблюдений. Подобные этнографические знания помогли стандартизировать и обобщить языки, культуру и историю множества локальных групп в характеристики нескольких согласованных национальных образований. Советский гражданин должен был ассоциироваться с одной – и только одной – отличительной чертой и этнической группой, независимо от того, была ли их семья этнически смешанной.

Большевики выдвинули идею “великой дружбы народов” в качестве объединяющей центральной темы, связывающей прогрессивно мыслящие народы Советского Союза. В переписанной добольшевистской истории различные национальности изображались как мирно сосуществующие.¹⁰ Упоминание о любой межэтнической

вражде в царской России либо намеренно опускалось, либо было представлено в виде классовой борьбы между угнетенными и угнетающими. Такой подход также снижал значение конфронтации, происходящей между русскими и другими группами населения. Русские (“старшие братья”, согласно Ленину) были отнесены к нации с сильной степенью самоопределения. В отличие от кыргызов, кочевое прошлое которых рассматривалось в качестве “отсталого”, узбеки классифицировались как более развитая нация с сильной предрасположенностью к самоопределению.

Процесс формирования наций в Центральной Азии осуществлялся по схеме, используемой советскими властями в Беларуси и Украине. Предполагаемое отсутствие сильной национальной самоидентификации среди кыргызов, таджиков и узбеков было компенсировано за счет создания стандартных атрибутов советского народа: определенной территории, национального флага, гимна, герба, языка, ключевого сектора экономики (хлопок, зерно, промышленность), академии наук и национального университета. Территориализации и этнитизации населения способствовали ассимиляции малочисленных этнических групп под крылом больших групп.¹¹ Меньшинства, которые говорили на собственном языке и отличались определенным образом жизни, но были связаны с Советской Социалистической Республикой (ССР), имели специальные, созданные Москвой школы, которые предлагали обучение на их родном языке. Однако советская пропаганда проникла во все сферы жизни региона, включая инфраструктуру, архитектуру, образование и средства массовой информации,¹² и эти усилия по модернизации осуществлялись посредством коллективизации и индустриализации экономик на республиканском уровне.

Киргизская ССР была образована в декабре 1936 года вследствие серии советских территориальных делений и реконфигурации государственных границ в период между 1919 и 1936 годами. Она была изначально организована как Кара-Киргизская автономная область в составе Российской Федерации, а затем стала автономной республикой Киргизии (территория современного Казахстана). Границы республик, определенные советским режимом, редко примыкали к земле, населенной другими крупными этническими

7 Francine Hirsch (2005), *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca: Cornell University Press.

8 Там же.

9 Ali Igmen (2012), *Speaking Soviet with an Accent: Culture and Power in Kyrgyzstan*. Pittsburg: University of Pittsburg Press.

10 Lowell R. Tillett (1969), *The Great Friendship: Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press.

11 Olivier Roy (2000), *The New Central Asia: The Creation of Nations*. New York: New York University Press.

12 Igmen (2012).

группами, и часто не поддавались логике.¹³ В соседних республиках были созданы “этнические островки” такие, как Самарканд, населенный преимущественно таджиками, но включенный в состав Узбекской ССР; Ош, населенный узбеками, но включенный в Киргизскую ССР; и населенный узбеками Чимкент, который был включен в Казахскую ССР.

Территориальные границы были определены в результате переговоров с местными властями в 1920-х годах через призму марксистско-ленинской идеологии, которая характеризовалась эссенциалистским пониманием нации и территории. Споры относительно распределения территорий между узбекскими, казахскими и кыргызскими чиновниками в основном решались таким образом, чтобы удовлетворить интересы местных элит и обеспечить равномерное распределение экономически значимых районов на спорной территории между республиками. В Ферганской долине, города Ош и Джалал-Абад, преимущественно населенные узбеками, были переданы Киргизской ССР ввиду их экономической значимости и близости к большинству кыргызских территорий.¹⁴ Густо населенные Андижан и Маргилан были включены в территорию Узбекской ССР. Многочисленные петиции от узбекских и кыргызских властей, оспаривающие делимитацию границ 1924 года, использовали понятие “национальность” для обоснования того, почему отдельные территории должны быть включены в состав Узбекской ССР, либо Киргизской Автономной Советской Социалистической Республики (АССР).

Пропаганда и учреждение большевиками современных школ в сотрудничестве с *джадидами* – мусульманскими модернистами-реформаторами – которые также верили

в важность национальных образований, превалировали до середины 1920-х годов. В конце 1920-х годов, однако, *джадиды* осудили анти-религиозную советскую пропаганду и обратились в сопротивление. Некоторые бежали из Центральной Азии, в то время как другие были казнены. Движение *басмачей*, возникшее в 1916 году как реакция в ответ на осуществленный царем военный призыв мусульман для участия в Первой мировой войне, противодействовало продвижению большевиков в Туркестан. Они были уничтожены большевиками в начале 1930-х годов.

Большевики рассматривали кочевой образ жизни и ислам как признаки отсталости, которые препятствовали модернизации и самоопределению кыргызов. Они насильственно организовали кочевников в колхозы. В 1920-е годы мусульманское духовенство было либо притеснено и подавлено, либо постепенно поглощено большевистскими административными структурами.¹⁵ Советское противодействие исламу как системе верований и культурных норм приняло более устрашающий характер в 1930-е годы, когда Сталин приказал уничтожить религиозные школы и мечети и изгнал или провел чистку духовенства и *джадидов*.¹⁵ Ислам подавлялся социалистической идеологией на протяжении всей советской эпохи, и проявления религии преследовались по закону. В рамках кампании по модернизации местной культуры, женщин принудили отказаться от ношения религиозных головных уборов и перенять европейский стиль одежды, практика, известная как *Худжум*.¹⁷ Так называемое освобождение мусульманских женщин имело целью превратить их в класс передовых пролетариев путем принуждения и пропаганды.

К 1930 году появилось первое поколение советских кыргызов в лице этнических урбанизированных интеллектуалов. Они были гораздо более ориентированы на Москву, чем на местные кыргызские сообщества, и с готовностью пропагандировали советские идеалы. Они были образцовыми представителями коренных жителей, призванными служить примерами для подражания – современными кыргызами, которые стремились к этническому самоопределению, как это было предписано Партией. Поэты, историки и журналисты воспевали свой устоявшийся оседлый образ жизни, приверженность ленинским идеям и власти пролетариата. Взамен, новая

13 Roy (2000); Steven Sabol (1995), “*The Creation of Soviet Central Asia: The 1924 National Delimitation*”, *Central Asia Survey*, 14(2), 225-41.

14 Hirsch (2005), 167-170; Arne Haugen (2004) *The Establishment of National Republics in Central Asia*; Palgrave Macmillan.

15 Roy (2000).

16 Adeb Khalid (2007), *Islam after Communism: Religion and Politics in Central Asia*. Berkeley: University of California Press, 56-70.

17 Douglas Northrop (2003), *Veiled Empire: Gender and Power in Stalinist Central Asia*. Ithaca: Cornell University Press; Marianne Kamp (2008), *The New Woman in Uzbekistan: Islam, Modernity, and Unveiling Under Communism*. Seattle: University of Washington Press.

интеллигенция вознаграждалась местами в партийной иерархии республики. Выражения кыргызской культуры и самобытности позволялись, но только не среди верхних эшелонах Партии.

Идея о том, что люди связаны с определенной территорией, получила дальнейшее развитие в период после Второй мировой войны. В Центральной Азии поощрялись углубленные исторические учения о нациях как об автохтонных сообществах. Данный подход, который “повышал значимость титульной нации”, процветал в регионе благодаря местной интеллигенции, состоящей к тому времени в основном из представителей этнического большинства.¹⁸ Историография, созданная такой национальной интеллигенцией, основывалась на сознательной ориентации исторических событий, логически соотносящейся как с этногенезом, так и с формированием советского государства. Сопротивление коренных народов большевизму было всячески раскритиковано и принижено, тогда как борьба с царской властью и проявление патриотизма против нацистского режима прославлялись.

Состав населения Кыргызстана находился в постоянном изменении ввиду миграции как внутри страны, так и за пределы Советского Союза. Согласно всесоюзной переписи населения 1926 года, население Киргизской автономной области было менее одного миллиона

человек, с 67 процентами, идентифицирующими себя как этнические кыргызы, 11 процентами – узбеков и 11 процентами – русских. Коллективизация и индустриализация привели к приросту русского населения в период с 1930-х по 1950-е годы, пока кыргызы не стали меньшинством.¹⁹ В рамках сталинской программы перемещения промышленных объектов из европейской части Советского Союза на восток во время Второй мировой войны состоялся крупнейший приток русских, различных народов Кавказа, корейцев, немцев Поволжья и других этнических групп. В результате индустриализации многие этнические кыргызы также были переселены из горных районов в колхозы и города.

По итогам переписи 1959 года, кыргызы составляли лишь 40,5 процентов населения и были в основном представлены в сельских и высокогорных районах, в то время как русские составляли целую треть населения.²⁰ Фрунзе, как назывался Бишкек в советское время, был преимущественно населен русскими или русскоязычными меньшинствами. К 1950 году русский язык стал “вторым языком” во всем Советском Союзе, что соответствовало, по Хрущеву, одному из признаков “интернационализма”.²¹ Стало важным получить образование и формальное обучение для продвижения по социальной лестнице и в географическом плане для в недавнем прошлом кочевого населения Кыргызстана.²²

Между после-сталинской эпохой и независимостью миграционные тенденции изменились в противоположную сторону. Хотя размер общей численности населения продолжал увеличиваться, русские и другие славянские этнические группы стали покидать Кыргызстан, переезжая в другие части Содружества Независимых Государств (СНГ). Начало 1990-х ознаменовало пик оттока населения, когда примерно 140 000 человек, в основном городские жители, уехали из Кыргызстана в Россию и другие страны СНГ на постоянное проживание²³ из-за отсутствия экономических перспектив и низкого уровня жизни.²⁴

Традиционно этнические русские назначались первыми секретарями нерусских республик. Однако в 1950 году Исхак Раззаков, кыргыз, обученный в России, стал Первым Секретарем Киргизской ССР и продолжал

18 Laruelle, Marlene (2008), “The Concept of Ethnogenesis in Central Asia: Political Context and Institutional Mediators (1940-1950)”, *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 9(1), 169-188.

19 *Население Кыргызстана*. Бишкек: Национальный Статистический Комитет Кыргызской Республики. Под ред. З.И. Кудобаева, Мишеля Гуиллотта и М.Б. Денисенко, (2004).

20 Там же.

21 William Fierman (2009), Identity, Symbolism, and the Politics of Language in Central Asia, *Europe-Asia Studies*, 61(7), 1207-1228.

22 Alan DeYoung, Rakhat Zholdoshalieva and Umut Zholdoshalieva (2013), “Creating and Contesting Meanings of Place and Community in the Ylay Talaa Valley of Kyrgyzstan”, *Central Asian Survey*, 32(1).

23 Matthias Schmidt and Lira Sagynbekova (2008), “Migration Past and Present: Changing Patterns in Kyrgyzstan”, *Central Asian Survey*, 27(1), 111-127.

24 Aijaz A. Bandey and Farooq Ahmad Rather (2013), “Socio-economic and Political Motivations of Russian out-migration from Central Asia”, *Journal of Eurasian Studies*. <http://dx.doi.org/10.1016/j.euras.2013.03.004>.

возглавлять республику до 1961 года. Его сменил Турдакун Усубалиев, находящийся у власти до 1985 года. Такие длинные сроки пребывания в должности отражали политику Москвы о достижении неформальных договоренностей с лидерами в Центральной Азии по обеспечению гарантий их руководящих позиций в обмен на лояльность к Москве. В Киргизской ССР выбор Раззакова, родом из Ферганской долины, и Усубалиева, родом из Нарына, также отражало попытки Москвы балансировать между южной и северной элитами. Абсамат Масалиев, из Ошской области (регион), был назначен на пост главы республики в 1985 году. Масалиев, однако, утратил свое политическое влияние в Кыргызском Верховном Совете летом 1990 года, когда Горбачев не стал вмешиваться и поддерживать лидера после межнационального конфликта между кыргызами и узбеками в Оше и Узгене.²⁵ Вместо этого, руководить республикой парламент избрал относительно молодого академика Аскара Акаева. После обретения страной независимости Масалиев бросил вызов Акаеву на президентских выборах 1995 года, получив значительную поддержку на юге Кыргызстана.

Влияние советского национального строительства 1920-1950-х годов до сих пор заметно в Центральной Азии с точки зрения определенных границ, структуры местных языков и даже в предметах материальной культуры. Роджерс Брубейкер, писавший о советском государственном строительстве, утверждает, что “ни одно другое государство не зашло так далеко в спонсировании, кодификации, институционализации, даже (в некоторых случаях) изобретении ощущения национальной принадлежности и национальностей на региональном государственном уровне, в то же время ничего не делая для их институционализации на уровне государства в целом.”²⁶ Институционализированное определение национальной государственной принадлежности времен Советского Союза по-прежнему продолжает формировать национальное самосознание в государствах-правопреемниках.

25 Eric McGlinchey (2011), *Chaos, Violence, Dynasty: Politics and Islam in Central Asia*. Pittsburg: University of Pittsburg Press.

26 Rogers Brubaker (1994), “Nationhood and the National Question in the Soviet Union and Post-Soviet Eurasia: An Institutional Account,” *Theory and Society*, 23(1).

27 McGlinchey (2001).

После распада Советского Союза, государства-преемники использовали те же самые шаблоны для пропагандирования определенных политических отношений между массами и выражения отношения к нации как к “конкретным коллективным общностям людей”. Идея этногенеза о том, что этнические группы развиваются и проходят через различные этапы развития, получила дальнейшее продвижение у академика Юлиана Бромлея в период с 1966 по 1989 годы, когда он возглавлял Институт этнографии Академии Наук СССР. Учение этногенеза как социальной науки пережило крах советской власти и до сих пор используется в академических кругах во всем СНГ благодаря наличию в ней последовательных логических обоснований и обилию авторских работ.

II. ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: МЕЖДУ ЭТНИЧЕСКИМ НАЦИОНАЛИЗМОМ И ИДЕЕЙ ГРАЖДАНСТВА

Первый Президент Кыргызстана Акаев пытался заполнить вакуум, образовавшийся в результате краха советской идеологии, воззрениями нового вида, которые бы определяли Кыргызстан в качестве независимого государства. По сравнению с его коллегами Исламом Каримовым в Узбекистане и Нурсултаном Назарбаевым в Казахстане, которые были первыми секретарями во времена Советского Союза, позиции Акаева были слабее. В отличие от них, Акаев был новичком в политической сфере – большую часть своей жизни он провел в академической среде. Он стремительно взшел к власти в 1990 году, когда парламент отказался переизбрать Абсамата Масалиева.²⁷ Идеологические проекты Акаева пропагандировали идеалы, основанные на идеях гражданских прав, воссоздавая советскую модель межнационального взаимодействия и единения, а также плюрализма под лозунгом “великой дружбы народов”. Однако по мере того, как в середине 1990-х годов Акаев терял свою популярность, политик сменил свой подход на более этноцентричный.

Акаев подошел к созданию идеологии как к динамичному процессу, отражающему популярные настроения в стране. Его модель отличалась от более типичной модели, используемой в соседних государствах, где идеологические проекты, как правило, были более

статичны и насаждались сверху вниз. Постсоветские идеологические проекты в других странах региона пытались “реконструировать отношения между государством и обществом.”²⁸ Несмотря на то, что государственные идеологические концепции пытались дистанцировать страны Центральной Азии от коммунистического прошлого, они, тем не менее, находились под влиянием советского видения того, как воспроизводились истории наций и понятия о том, что у наций существует потребность на самоопределение.

Наиболее существенным отходом от советских историографических традиций, предпринятых Акаевым, было разделение гражданства, национальности и этноса на отдельные концепции. Акаев учитывал существование этнических меньшинств в Кыргызстане и призывал их думать о себе как о гражданах страны. Благодаря его либеральному подходу Кыргызстан заработал себе репутацию одной из самых гостеприимных стран постсоветского пространства для русских и других этнических меньшинств.²⁹ К примеру, Акаев поддерживал открытие школ и университетов в Оше и Джалал-Абаде с преподаванием на узбекском языке. Далее, он предоставил этническим узбекам (и другим этническим меньшинствам) экономические свободы. Таким образом Акаев обеспечил себе сильную политическую поддержку на юге страны.³⁰ К началу

2000-х лишней политической репрезентативности, а также наделяния узбекского языка статусом официального.

Проведение Акаевым празднований 1000-летия эпоса Манас и 3000-летия Оша были стратегически спланированы с целью обеспечить ему поддержку перед президентскими выборами 1995 и 2000 годов, соответственно.³¹ Подчеркивая наследие Манаса, кыргызско-центричного литературного героя, Акаев косвенно прославлял межэтническое согласие, одновременно также апеллируя к чувствам этнических кыргызов.³² “Семь заветов Манаса” определяли: (1) Единство нации, (2) Межэтническое согласие, дружбу и сотрудничество, (3) Национальную честь и патриотизм, (4) Через кропотливый труд и знания – к процветанию и благосостоянию (5) Гуманизм, щедрость и терпимость, (6) Здоровый образ жизни в гармонии с природой и (7) Укрепление и защиту лишней степени интеллектуальным изобретением эпохи Акаева, они по-прежнему пользуются признанием среди избирателей и политиков Кыргызстана.

Основанная на гражданских свободах идеология лидера признавала вклад различных этнических групп в развитие в советское время. Он особенно апеллировал к группам русскоязычного населения (русским, немцам и евреям),³³ которые традиционно составляли высокообразованную часть городского населения. Программа Акаева “Кыргызстан–наш общий дом” также была призвана остановить эмиграцию представителей славянских национальностей и немцев в 1990-х годах. Акаев резюмировал свой подход следующим образом: “Давайте согласимся: Ваша страна – это ваш Дом. То же самое с нашим Кыргызстаном – это наш общий дом. Дом с большой буквы”.³⁴

В начале 2000-х годов, когда Акаев уступил территории Китаю, этно-националистическая риторика стала звучать особенно заметно. Расстрел пяти демонстрантов, протестующих против разграничения границ в южной деревне Аксы 17 марта 2002 года, побудил сильные антиакаевские настроения, носившие оппозиционный националистический характер. Пытаясь удержаться у власти, президент начал усиливать государственный аппарат через этноцентристские идеологические проекты. Ему бросили вызов элиты со схожими националистическими настроениями, обвинившие

28 Asel Murzakulova and John Schoeberlein (2009), “The Invention of Legitimacy: Struggles in Kyrgyzstan to Craft and Effective Nation-State Ideology”, *Europe-Asia Studies*, 61(7).

29 Erica Marat (2008), “Imagined Past, Uncertain Future: The Creation of National Ideologies in Kyrgyzstan and Tajikistan”, *Problems of Post-Communism*, 55(1).

30 Neil Melvin (2011), “Promoting a Stable and Multiethnic Kyrgyzstan: Overcoming the Causes and Legacies of Violence”. *Central Eurasia Project Occasional Paper Series No. 3*.

31 Erica Marat (2008), “National Ideology and State-Building in Kyrgyzstan and Tajikistan”, *Silk Road Paper*, Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program.

32 Nick Megoran (2012), “Averting Violence in Kyrgyzstan: Understanding and Responding to Nationalism”, *Russia and Eurasia Programme Paper*, Chatham House, 2012/3.

33 При советском режиме евреи были категоризированы как этническая группа.

34 Выступление Акаева на Курултае народов Кыргызстана в Бишкеке, 22 января 1994 года.

его в коррупции, ценой которой стала национально-территориальная целостность страны. В течение последующих десяти лет, правительство перестало создавать и спускать сверху проекты, способствующие этническому и культурному плюрализму. Вместо этого, с 2002 года национализм и дискриминационная политика стали в значительной степени доминирующими в политической сфере.

Сменивший Акаева Курманбек Бакиев уделял гораздо меньше внимания необходимости создания государственных идеологий. Его собственная позиция касательно значимости межэтнических отношений оставалась неясной. Вместо этого он делегировал идеологические дискуссии государственному секретарю, должности, которой специально предписывалось заниматься созданием идеологии.³⁵ Среди тех, кто занимал эти должности, были Дастан Сарыгулов (2005-2006) и Адахан Мадумаров (2006-2007), каждый из которых стремился популяризировать свои собственные взгляды на всекыргызскую идеологию. Сарыгулов известен как один из самых активных пропагандистов тенгрианства – древней тюркской религии, восходящей к четвертому веку до нашей эры. Его проект тенгрианства, хотя и проповедовал терпимость по отношению к другим национальностям и вероисповеданиям, характеризовался сильными этно-центристскими тенденциями и отдавал предпочтение всекыргызским и все тюркским взглядам. Мадумаров же пошел дальше, оппонируя выдвинутому Акаевым лозунгу “общего дома”, он заявил, что “Кыргызстан, конечно, наш общий дом, но другие народы в нем квартиренты”.³⁶

Множество разных политиков и политических групп проявляли инициативу по продвижению собственных

националистических идей, чтобы заполнить идеологический вакуум режима Бакиева. Южные политические лидеры были особенно заинтересованы в пропагандировании национализма с целью его использования против конкурирующих политических сил.³⁷ Сам Бакиев регулярно ссылался на факт длительного периода правления страной политиками с севера, чтобы подчеркнуть то, что разделение страны на север и юг составляет главную опасность для кыргызской нации. Он использовал региональные различия с целью укрепления собственной власти вопреки низкой общественной поддержке и позиционировал себя в качестве лидера, борющегося за объединение нации.

В то время как Бакиев дистанцировал себя от своих сторонников – политиков с севера, которые ранее выступали против Акаева, он увеличил представительство чиновников из южных частей страны. Его кабинет министров и администрация в основном состояли из кадров с юга, которые не были заинтересованы в продвижении межэтнического баланса в политической сфере.

Бакиев игнорировал потребности этнических и других меньшинств, которые нуждались в политической защите и политической репрезентативности. При его режиме количество этнических узбеков в местных и в центральных правительственных органах сократилось. По результатам внеочередных парламентских выборов 2007 года, которые часто рассматриваются как сфальсифицированные, доля этнических меньшинств в законодательной власти увеличилась, но представительство узбеков сократилось с 9,3 до 6,4 процентов. Такое снижение имело существенное значение, поскольку новая конституция Бакиева увеличила количество депутатов парламента с 75 до 90. Доля узбекских депутатов сократилась еще больше в парламентских выборах 2010 года. Только три из 120 депутатов были узбеками (2,5 процента), в то время как доля кыргызских депутатов достигла рекордно высокого уровня в 88 процентов.³⁸

В августе 2006 года давний сторонник Акаева и признанный лидер узбекской общины Мухаммаджон Мамасаидов был отстранен от должности главы

35 Узбекская общественность Джалалабада сделала заявление по поводу Курултая народов Киргизии”, *Ferghana.ru*, August 12, 2006.

36 Эгамберди Кабулов, “Киргизия: правозащитники обеспокоены усилением в обществе национальных тенденций”, *Ferghana.ru*, 7 марта, 2007 года.

37 Marlene Laruelle (2012), “The Paradigm of Nationalism in Kyrgyzstan. Evolving Narrative, the Sovereignty Issue, and Political Agenda”. *Communist and Post-Communist Studies*, 45, 39–49.

38 Oleh Protsyk and Medet Tiulegenov. “Do Electoral Rules Matter? Ethnic Minority Representation under Different Electoral System Designs in Kyrgyzstan”, Paper prepared for the 2012 Association for the Study of Nationalities 2012 World Convention, New York City, April 19-21, 2012.

Республиканской Национальной Узбекской Ассоциации. После смены режима Акаева в марте 2005 года предприниматель Кадыржан Батыров выступил в качестве главного идеолога узбекской общины. Он требовал большего внимания к проблеме недостаточного политического представительства этнических узбеков, возможно, увидев удачную возможность для продвижения своих идей после “тюльпановой революции”. Однако Батыров и другие активисты были вскоре разочарованы, поскольку централизация власти и уровень коррупции при Бакиеве превзошли те, что были при Акаеве.³⁹ Падение режима Бакиева в апреле 2010 года открыло дорогу для накопившейся и искавшей выхода этнической напряженности, что, в итоге, спровоцировало столкновения в июне 2010 года.

Ни Президент Кыргызстана переходного периода Роза Отунбаева, ни избранный в 2011 году Алмазбек Атамбаев не возродили используемую в 1990-х годах практику разработки идеологических проектов, спускаемых сверху вниз. Политические программы, направленные на национальное единение, стали носить менее определенный характер. Отсутствующую государственную пропаганду заменили дебаты о том, какие идеалы должно развивать население Кыргызстана. Разнообразные мыслители, политики и активисты давали интервью, публиковали книги и делали публичные заявления касательно современной роли кыргызов как этнической группы. В этой какофонии мнений, идеи которые выступали за навязывание “кыргызности”, определяемой в языке и идеалах Манаса, на все слои населения (включая русифицированных этнических кыргызов), преобладали над голосами, призывающими к плюрализму.

В качестве Президента Кыргызстана переходного периода с июня 2010 года по ноябрь 2011 года, Отунбаева имела ограниченные возможности влияния на идеологический дискурс. Националистические голоса всех мастей стали раздаваться особенно громко после конфликта 2010 года, находя возможность для выражения своих взглядов в средствах массовой информации, а также опираясь на восприимчивую аудиторию. Президент пыталась сбалансировать

этно-националистическую риторику, одновременно призывая к межнациональному согласию. Президент Атамбаев, в свою очередь, использовал символы национального единения, призывающие к объединению граждан и особо выделяющие кыргызов, прибегая к политике символов, тогда, когда ему было необходимо заручиться поддержкой избирателей. Идеи сплочения не были для президента конкретным приоритетом.

В преддверии президентских выборов в октябре 2011 года Атамбаев, будучи в то время премьер-министром, апеллировал как к этно-националистическим, так и к идеалам, основанным на гражданских свободах. Под руководством Атамбаева было возведено больше памятников известных кыргызских фигур (Манаса и Чингиза Айтматова) в центральных районах Бишкека на месте, которое ранее занимали скульптура, символизирующая свободу, а до нее – статуя Ленина. В то же время, его агитационные плакаты напоминали кампанию “общего дома” времен Акаева и призывали к объединению нации, “Вместе мы - Кыргызстан”. В выступлении, посвященном третьей годовщине падения Бакиева, Атамбаев оперировал идеалами гражданских свобод: “Нам надо построить новый Кыргызстан, где каждый, кто хочет честно трудиться, сможет найти себе работу, сможет обеспечить свою семью, поставить детей на ноги. Где каждый, вне зависимости от национальности, вероисповедания, социального статуса будет чувствовать себя равноправным, полноценным гражданином”.⁴⁰ Однако в своих действиях президент предпринял мало усилий для того, чтобы противостоять выражениям кыргызского национализма в парламенте, министерствах и судах, а также увеличить число представителей этнических меньшинств в правительстве.

Существенный по своему значению, однако зачастую недооцененный, аспект в развитии со времен 2010 года включает в себя изменения в преамбуле конституции. Преамбула Конституции, принятая через две недели после конфликта в 2010 году, не содержит упоминаний о том, что кыргызская этническая общность подлежит “национальному возрождению”. Опускание этой фразы знаменует существенный отход от советского представления о том, что доминирующая этническая группа образует государство. Вместо этого,

³⁹ Melvin (2011).

⁴⁰ Обращение Президента к нации на 3-х-летнюю годовщину Апрельской Революции”, *24.kg*, 7 апреля, 2013 года

Конституция вновь заявляет, что все граждане имеют равные права: “Кыргызская Республика гарантирует представителям всех этносов, образующих народ Кыргызстана, право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития». Также имеет место такой существенный факт, что Кыргызстан наряду с Казахстаном предоставил русскому языку статус официального.

Государственные инициативы после конфликта в июне 2010 года

В апреле 2013 президент Атамбаев подписал “Концепцию укрепления единства народа и межэтнических отношений в Кыргызской Республике”.⁴¹ Он впервые обнародовал данный документ в январе 2012 года как одну из своих первых политических инициатив. Представители всех парламентских фракций и гражданского общества оказали помощь в разработке документа. В нем используется эссенциалистский и устаревший подход к определению этничности, особенно в отношении кыргызов, как к характеризующейся принадлежностью к определенной территории и общими культурными чертами. Не упоминается разнообразие людей внутри этнической категории, и этнос позиционируется как наиболее важный идентификатор индивидуальной и групповой принадлежности лиц. Документ обращается к советским понятиям; идеал дружбы народов определяется как исторический феномен, в то время как кыргызы позиционируются в качестве государствообразующей общности, в большой степени в традициях марксизма-ленинизма.

Тем не менее, Концепция – это смелая попытка снизить напряженность после трагедических событий в июне 2010 года в Оше и предотвратить вспышки насилия в будущем.⁴² Она стремится установить баланс между демократическими принципами и гражданскими правами, с одной стороны, и официальным использованием кыргызского языка всем населением, с другой. Концепция отмечает, что этнические столкновения представляют собой угрозу территориальной целостности страны.

⁴¹ Концепция укрепления единства народа и межэтнических отношений, 10 апреля, 2013 года. http://www.president.kg/files/docs/kontseptsiya_ukrepleniya_edinstva_naroda_i_mejetnicheskikh_otnosheniy_v_kr.pdf.

⁴² Детальный анализ потенциального влияния документа см. в Главе X.

Для избежания насилия все институты власти от общенациональных до местных, также как и неправительственные организации (НПО), должны признать идею “единства в многообразии”. Разнообразие “народа Кыргызстана” определяется в этнических, культурных, языковых и возрастных параметрах. Единство всех этнических групп в Кыргызстане определяется как наиболее значимый фактор для “благополучия, стабильности, мира и согласия” в стране. Концепция, по существу, ставит целью снизить опасения дискриминации среди этнических меньшинств и нейтрализовать опасения этнического большинства относительно сохранения государственности. Документ пытается развить новую гражданскую идентичность, основанную на знании кыргызского языка и уважении культурного многообразия.

Важно отметить, что в Концепции предпринята попытка объяснить межэтническую напряженность не через этническую призму, а путем рассмотрения экономических, демографических и политических преобразований в Кыргызстане. Рост населения среди некоторых этнических групп и эмиграция изменили демографический состав страны. В Концепции утверждается, что права этнических меньшинств в значительной степени игнорировались после 2005 года. Новая Концепция предназначена для использования в качестве основы для преобразования правовой сферы и работы государственных органов в целях развития многообразия и укрепления национального единства.

Однако позиционирование кыргызского языка в качестве основы создания общегражданской идентичности несвоевременно из-за отсутствия как стимулов, так и возможностей обучения языку для этнических меньшинств и русифицированных кыргызов. По сравнению с материалами на русском языке, количество учебников и литературных произведений на кыргызском языке отстает от количества материалов на русском. Государство не в силах изменить эту ситуацию в ближайшее время, особенно, учитывая, что многие государственные чиновники не владеют кыргызским языком. Более того, знание кыргызского языка не влияет на возможности трудоустройства в государственном секторе и не гарантирует меньшинствам защиты их гражданских прав.

После публикации концепции на кыргызском и русском языках, документ пока не вызвал дискуссий относительно его потенциала или способности смоделировать будущее мирное сосуществование, и политические эксперты остаются настроенными скептически по отношению к его потенциально возможной значимости.⁴³

Этническое самоопределение в повседневной жизни

Исследования посвященные самоидентификации людей в этнически смешанных обществах, показывают, что в повседневной жизни этническое самоопределение носит ситуационный характер и часто зависит от политики властей. Вопрос в том, как часто этническая принадлежность оказывается предопределяющей для индивидуальных и коллективных действий?

Брубейкер и др. показали на примере Трансильвании, что, несмотря на националистическую политику центральных и местных органов власти, этническая принадлежность играет незначительную роль в коллективных действиях людей.⁴⁴ “Этнитизация” идентичности носит ситуативный характер, и зачастую используется как повод для обоснования собственных действий через обвинения или “включения в число своих” других членов общества. До июньского конфликта 2010 года этническая принадлежность в Кыргызстане играла в основном второстепенную роль в повседневной жизни: этнические группы жили своей обычной жизнью, разделяя общие экономические проблемы. Как объясняет Лиу, даже если жители южного Кыргызстана идентифицировали себя в первую очередь с этнической группой, это не мешало им относить себя и к другим идентичностям.

43 В Главе X предлагается более детальный анализ сложностей реализации Концепции в Кыргызстане.

44 Roger Brubaker, Margit Feischmidt, Jon Fox and Liana Grancea (2008), *Nationalist Politics and Everyday Ethnicity in a Transylvanian Town*. Princeton: Princeton University Press, 226-228.

45 Morgan Y. Liu. (2012), *Under Solomon's Throne: Uzbek Vision of Renewal of Osh*. Pittsburg: University of Pittsburg Press. 7, 169, 208.

46 Там же, 7.

47 Valery Tishkov (1995), “Don't Kill Me, I'm a Kyrgyz!": An Anthropological Analysis of Violence in the Osh Ethnic Conflict”, *Journal of Peace Research*, 32(2), 133-149.

Например, несмотря на то, что потасовки, казалось бы, по этническому признаку среди молодежи в Оше были распространенным явлением, они на самом деле были проявлением территориальных разборок между *махаллями* (узбекскими общинами в городских районах) и квартирными жилыми комплексами, нежели этническими конфликтами.⁴⁵ Другими словами, до конфликта в июне 2010 года этническая принадлежность была лишь одной из множества интерпретаций идентичности, и приобретала важное значение только в определенные моменты и в определенном контексте.

В Кыргызстане есть районы, в основном это города и их пригороды, где различные этнические группы проживают в смешанных сообществах, посещают общие школы, больницы, магазины и пользуются другими общими публичными услугами, при этом сохраняя обособленные культурные пространства. Эти обособленные места включают дома, частные школы, религиозные учреждения и офисы врачей. Этнические группы в этих местах разделены в основном по географическому признаку, когда этнически однородные общины редко посещаются представителями других этнических групп.⁴⁶ Деление на разные этносы также может быть вопросом визуального восприятия, особенно в городских этнически смешанных пространствах. На юге Кыргызстана, например, этническая принадлежность характеризуется оценкой целого ряда факторов, которые иногда выступают в качестве самоидентификации: язык, акцент, имена, головные уборы, одежда и профессия. Со стороны значение таких характеристик могут трактоваться неправильно – иногда даже местные жители могут ошибаться в определении этнической принадлежности на основе этих характеристик. Виновники событий в июне 1990 года, например, не всегда были уверены, атакуют ли они этнического чужака или представителя собственного этноса.⁴⁷

В отличие от этнического большинства этнические меньшинства Кыргызстана чаще более вовлечены в частный сектор, нежели в государственную службу. Некоторые этнические группы занимают конкретные ниши. Корейцы и дунгане главным образом вовлечены в сельскохозяйственном секторе, в то время как этнические узбеки – в секторах услуг и торговли. Для этнических меньшинств накопление экономических благ,

Таблица 1 – Население кыргызов и узбеков в Ошской области (и городе Ош)⁴⁸

Год	Этническая группа	Общая численность населения	От общей численности населения		% от общей численности населения	
			Городское	Сельское	Городское	Сельское
1989	Кыргызы	534,268	60,620	473,648	22.6	70.3
	Узбеки	299,620	131,409	168,211	49.1	25.0
1999	Кыргызы	750,595	91,579	659,016	33.6	72.9
	Узбеки	365,646	152,525	213,121	56.0	23.6
1999 (без города Ош)	Кыргызы	647,422	10,838	636,584	17.0	72.4
	Узбеки	261,776	49,585	212,191	77.5	24.1
1999 (город Ош)	Кыргызы	103,173	80,741	22,432	38.7	93.8
	Узбеки	103,870	102,940	930	49.4	3.9
2009 (без города Ош)	Кыргызы	758,036	15,253	742,783	17.4	73.1
	Узбеки	308,688	69,713	238,975	79.4	23.5
2009 (город Ош)	Кыргызы	123,738	100,218	23,520	43.1	93.0
	Узбеки	114,036	112,469	1,567	48.3	6.2

Источник: Национальный Статистический Комитет Кыргызской Республики

а не участие в политической жизни, становится доступным способом по обеспечению их безопасности, и трудоустройство в частном секторе становится для них единственным приемлемым видом деятельности. До того, как в июне 2010 года вспыхнуло насилие, такие видные узбекские предприниматели, как Кадыржан Батыров, рассматривали свой экономический успех как источник их личной безопасности и политического влияния. После июньских

событий когда экономическая деятельность по-прежнему рассматривается как источник безопасности, экономическое благосостояние не защищает местное население от нападков со стороны правоохранительных органов.⁴⁹

В то же время, для этнического большинства богатство этнических меньшинств часто кажется несправедливым и опасным. В обстановке, когда все этнические группы имеют возможность заниматься предпринимательской деятельностью, но некоторые из них подвергаются дискриминации, нерепрезентативная представленность населения в политике ведет к напряженности в отношениях между этническим большинством и этническими меньшинствами.⁵⁰ В Кыргызстане националисты указывают на соседние Узбекистан и Таджикистан, где этнические узбеки не имеют такой же уровень экономического процветания, как в Кыргызстане.⁵¹ Возможно, мы не наблюдаем этнической вражды в других странах Центральной Азии только потому, что этнические меньшинства не имеют возможности участвовать как в рыночных отношениях, так и в политической жизни.⁵²

48 Национальный Статистический Комитет Кыргызской Республики, “Население Кыргызстана: Итоги первой национальной переписи населения Кыргызской Республики 1999 года в таблицах, Книга II (Часть 1)”, 2000; и “Перепись населения и жилищного фонда Кыргызской Республики 2009 года, Книга II (часть первая)” (2010). Население Ошской области составляло 941,763 (1989), 1,175,998 (1999, без города Оша 943,566, город Ош 232,432) и 1,104,248 (2010 – без города Оша) и 258,111 (2010 – город Ош).

49 Интервью с двумя руководителями неправительственных организаций по защите прав человека, Бишкек, июнь 2013 г.

50 Amy Chua (2004), *World on Fire: How Exporting Free Market Democracy Breeds Ethnic Hatred and Global Instability*. New York: Anchor Books.

51 Laruelle (2012).

52 “Tajikistan’s Ethnic Uzbeks: Poor Like Everyone, But Sidelined More”, *Eurasianet.org*, February 24, 2011.

Таблица 2. Этнический состав Кыргызстана, 1989-2012.

Этническая группа	1989*		1999*		2009*		2012	
	Численность	%	Численность	%	Численность	Численность	%	
Кыргызы	2,229,663	52.4	3,128,147	64.9	3,804,788	4,006,009	72.2	
Узбеки	550,096	12.9	664,950	13.8	768,405	796,291	14.3	
Русские	916,558	21.5	603,201	12.5	419,583	381,562	6.9	
Дунгане	36,928	0.9	51,766	1.1	58,409	61,372	1.1	
Уйгуры	36,779	0.9	46,944	1.0	48,543	50,346	0.9	
Таджики	33,518	0.8	42,636	0.9	46,105	48,033	0.9	
Турки	21,294	0.5	33,327	0.7	39,133	39,913	0.7	
Казахи	37,318	0.9	42,657	0.9	33,198	32,981	0.6	
Татары	70,068	1.6	45,503	0.9	31,491	28,656	0.5	
Азербайджанцы	15,775	0.4	14,014	0.3	17,267	18,046	0.3	
Корейцы	18,355	0.4	19,784	0.4	17,299	16,711	0.3	
Украинцы	108,027	2.5	50,442	1.0	21,924	16,657	0.3	
Немцы	101,309	2.4	21,471	0.4	9,487	8,766	0.2	
Туркмены	899	>0.1	430	>0.1	2,005	2,037	>0.1	
Чеченцы	2,873	0.1	2,612		1,875	1,740		
Армяне			1,364		890	807		
Грузины			710		598	571		
Молдоване			778		505	430		
Евреи			1,571		604	508		
Литовцы			240		139	138		
Белорусы			3,208		1,394	109		
Эстонцы			238		105	104		
Латыши			195		82	62		
Другие	49,740	1.2	46 750	1.0	38 964	39 039	0.7	
Всего:	4,257,755		4,822,938		5,362,793	5,551,888		

* Годы, когда была проведена перепись населения

Источник: Национальный Статистический Комитет Кыргызской Республики

Этнический состав Кыргызстана

Население Кыргызстана увеличилось на один миллион человек с начала 1990-х годов, в основном благодаря высокой рождаемости среди кыргызского и узбекского населения. Начиная с 1989 года число русских стремительно сокращалось, сделав узбеков самой большой группой среди национальных меньшинств в 2000-х годах. До 1990-х годов, русские и другие славянские группы составляли почти две трети населения Бишкека, в то время как кыргызы в столице были в меньшинстве (22 процента). Доля украинцев, немцев и татар значительно сократилась за последнее десятилетие. Также наблюдался устойчивый рост среди

мусульман в различных этнических группах.

Пропорциональное соотношение кыргызов с узбеками остается неизменным 5:1 с 1999 года, давая основания полагать, что рост в обеих группах был сопоставимым. Доля дунган, уйгуров, турок и таджиков в общей численности населения также остается стабильной. Примечательно, что за последние два десятилетия число кыргызов выросло примерно с половины населения до его подавляющего большинства (свыше 72 процентов).

Независимо от этничности подавляющее большинство населения говорит на двух и более языках. На севере больше людей, владеющих двумя или несколькими

языками, тогда как более трети населения юга говорит только на одном языке. Наиболее распространенный язык – кыргызский (88 процентов), далее следуют русский (67 процентов) и узбекский (29 процентов) языки. Данные показывают, что многие неузбеки владеют узбекским языком.

III. ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

С момента обретения независимости языковая политика была одним из наиболее острых и дискуссионных вопросов в Кыргызстане. В бывшем Советском Союзе кыргызский относился к одному из наиболее уязвимых национальных языков, в котором отсутствовал понятийный аппарат, необходимый для успешного ведения документооборота в повседневной жизни.⁵³ И хотя по состоянию на 1989 год этнические кыргызы составляли более половины населения союзной республики, языком общения образованной элиты, начиная с 1950-х годов, был русский. Узбекский язык также широко используется особенно на юге. Когда в 1991 году произошел распад Советского Союза, русский язык был основным языком общения для 84 процента этнических кыргызов в Бишкеке, и, вероятно, большинство из них владело кыргызским языком лишь на элементарном уровне.⁵⁴ В постсоветское время русский по-прежнему остается языком межэтнического и внутриэтнического общения. Несмотря на то, что по инициативе государства в школах и университетах были введены уроки кыргызского языка, это практически не увеличило количество людей, которые на нем говорили.⁵⁵ Уровень владения кыргызским языком лишь незначительно повысился среди русскоговорящих жителей Бишкека.

Сегодня русский язык создает языковой барьер между городским населением, и жителями сельских и новых урбанизированных районов. Менее одного процента этнических меньшинств, проживающих в городах на севере страны, включая славян, кавказцев, дунган и корейцев, говорят или понимают кыргызский язык, и еще меньше заинтересованы в его изучении. Меньшинства воспринимают изучение кыргызского языка как своего рода уступку, способную подорвать статус русского и других языков меньшинств. Такой категоричный подход частично связан с недостатком экономических стимулов для изучения кыргызского языка среди меньшинств, которые в их повседневной жизни могут обойтись знанием только их родного языка. Во времена правления Акаева некоторые члены парламента призывали к предоставлению узбекскому языку специального статуса. Однако это требование игнорировалось как националистически настроенными, так и умеренными политическими силами. И те, и другие опасались, что придание специального статуса узбекскому языку может закончиться либо выходом территорий из состава Кыргызстана, либо воссоединением территорий, заселенных этническими узбеками.

Плохое знание кыргызского языка продолжает волновать националистически настроенных политиков, которые считают, что по сравнению с другими языками, используемыми в стране, кыргызскому должен быть присвоен более высокий статус. Бескомпромиссные “языковые” националисты не понимают, как развитие плюрализма на самом деле позволило бы лучше защитить кыргызские традиции, и при этом дать возможность развитию других исторических традиций, языков и идей. Именно в результате давления со стороны таких националистов конституция Кыргызстана 1993 года определила кыргызский в качестве единственного государственного языка. Несмотря на это, со времени обретения независимости мало что было сделано для содействия развитию языка с помощью системы образования или для поощрения его использования среди государственных чиновников Бишкека. Причинами, не позволившими желаниям националистов осуществиться, стали ограниченные возможности со стороны государства, а также недостаток ресурсов и планирования.⁵⁶

53 Eugene Huskey (1995), “The Politics of Language in Kyrgyzstan”, *Nationalities Papers*, 3, 549-72; Bhavna Dave (2004), “A Shrinking Reach of the State? Language Policy and Implementation in Kazakhstan and Kyrgyzstan” in Pauline Jones Luong (ed) *The Transformation of Central Asia*. Ithaca: Cornell University Press.

54 Там же, Dave (2004).

55 Britta Kroth and Beatrice Schultzer (2003), “Multilingual Education for Increased Multiethnic Understanding in Kyrgyzstan”. http://www.cimera.org/files/biling/en/MLG_Text1.pdf

56 Dave (2004).

В 2000 году отчасти в качестве “кивка” в пользу отношений страны с Россией, а отчасти признавая существующие реалии, Акаев подписал закон, предоставляющий русскому языку официальный статус. Однако, ни конституция, ни закон, подписанный Акаевым, не оказали существенного влияния на реальный характер и степень использования кыргызского и русского языков на государственном уровне. Кыргызский язык начал использоваться более широко в парламенте и правительстве страны вследствие увеличения среди государственных служащих и членов парламента количества представителей южных и отдаленных районов страны, а не в результате осознанного “переключения” на использование кыргызского языка. Для депутатов и представителей средств массовой информации в парламенте обеспечивается синхронный перевод заседаний на русский или кыргызский языки.

После июньских событий 2010 года языковой вопрос продолжает оставаться крайне политизированным в Кыргызстане даже для людей, которые в целом согласны с тем, что все граждане государства должны иметь равные права. По имеющимся данным, несмотря на то, что более 70 процентов населения согласны с необходимостью предоставления этническим меньшинствам возможности сохранения их культурного наследия и с тем, что нужно предпринимать меры для искоренения дискриминации, только половина населения считает, что меньшинствам должна быть предоставлена возможность обучаться или иметь доступ к телевидению и радио на их родном языке.⁵⁷ Такое несоответствие говорит о том, что население исключает владение государственным языком как дополнительный атрибут к праву меньшинств на сохранение их собственного лингвистического наследия. Это означает, что поскольку кыргызстанцы должны знать кыргызский, создание условий для изучения языков меньшинств не рассматривается как неотложная необходимость.

57 Из доклада, посвященного Презентации Регионального Отделения по Центральной Азии Управления Верховного Комиссара По Правам Человека (ОНЧР РОСА) о правах меньшинств и межэтнических отношениях, Бишкек, 27 мая, 2013 года. О методологии опроса см. следующую главу.

58 Интервью, Бишкек, 30 мая 2013 года.

59 Там же.

В сложившейся после 2010 года обстановке споры по поводу повышения статуса кыргызского языка и других символов кыргызской культуры стали эффективными инструментами в руках политических оппонентов правительства Атамбаева. Согласно одному из правительственных чиновников, для того, чтобы нивелировать националистические призывы по усилению кыргызского языка за счет притеснения языков меньшинств, президентской администрации теперь необходимо позиционировать себя как главного сторонника этнических кыргызов, отстаивающих собственные интересы. Это означает, что администрации необходимо стать ведущим идеологом в повышении уровня владения кыргызским языком по всей стране, но одновременно еще и убедиться в соблюдении уважения прав меньшинств.

Председатель Национальной комиссии по государственному языку Эгемберди Эрматов утверждает, что националисты, которые на протяжении 20 лет независимости Кыргызстана политизировали языковой вопрос, не предприняли ничего, чтобы позаботиться о существовании соответствующих учреждений для обучения языку.⁵⁸ В то же время данный вопрос в основном актуален для Бишкека и Чуйской области, где и этнические кыргызы, и этнические меньшинства характеризуются недостаточным уровнем знания кыргызского языка. В областях с большой концентрацией этнических узбеков, включая Джалал-Абад и Ош, кыргызский язык на самом деле широко распространен. Эрматов утверждает, что для деполитизирования вопроса необходимо перестать рассматривать уровень владения кыргызским языком через политическую призму, и переосмыслить его в качестве задачи развития, как “способ общения, взаимопонимания и установления мира”.⁵⁹

Решение президента летом 2013 года отразило попытки удержать сложный баланс между требованиями националистической оппозиции распространять кыргызский язык и усилиями одновременно обеспечить защиту языков этнических меньшинств. Атамбаев отказался подписывать представленный парламентом законопроект, который бы обязал всю государственную администрацию пользоваться исключительно кыргызским языком, мотивируя это тем, что проект был сырым и содержал большое количество юридически не

согласованных положений. В то же время президентская администрация объявила о том, что на развитие национального языка в школах и правительственных учреждениях, было выделено около 213 000 долларов США (10 миллионов кыргызских сомов).⁶⁰ Данные средства будут использоваться для улучшения системы преподавания кыргызского языка путем внедрения современных технологий и перевода иностранной литературы на кыргызский язык. Другие инициативы по совершенствованию обучения кыргызскому языку включают разработку новой онлайн системы тестирования уровня владения кыргызским языком. Направляя свои усилия на то, чтобы снять опасения кыргызскоязычного населения относительно слабой позиции языка в стране, правительство рассчитывает на то, что эти граждане станут более благоприятно настроены и к лингвистическому плюрализму.

В дополнение к указанным государственным инициативам, несколько молодых активистов Бишкека работают над проектами по популяризации кыргызского языка, включая создание модуля кыргызского языка для Google Translate и съемку фильмов о малоизвестных кыргызских поэтах на кыргызском. В Бишкеке знание кыргызского языка без свободного знания русского не должно приравниваться к отсталости. По всей стране, и особенно в Чуйской и Ошской областях, лица, свободно владеющие языком меньшинства, но не кыргызским, не должны считаться непатриотами. У них скорее попросту могли отсутствовать ресурсы или экономические стимулы для изучения кыргызского языка.

60 “Сообщает пресс-служба президента КР: Алмазбек Атамбаев подписал Указ “О мерах по развитию государственного языка и совершенствованию языковой политики в КР”, 24.kg, 1 июля, 2013 года.

61 Nick Megoran (2012), “Averting Violence in Kyrgyzstan: Understanding and Responding to Nationalism”, *Chatham House, Russia and Eurasia Programme Paper*, December; Andrew Baruch Wachtel (2013), “Kyrgyzstan between Democratization and Ethnic Intolerance”, *Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity*, March.

62 Dave (2004).

63 In line with analysis by Rogers Brubaker and Frederick Cooper (2000), “Beyond ‘Identity’”, *Theory and Society*, 29(1), 1-47.

64 OHCHR ROCA (2013).

По существу, политические лидеры Кыргызстана столкнулись с дилеммой определения оптимального баланса между развитием и популяризацией кыргызского языка на территории всей страны и сохранением лингвистического и культурного плюрализма. Это – сложный вопрос построения нации и укрепления демократии в стране.⁶¹ Ни евроцентристская модель по типу “одна культура, одна нация” и один язык, ни индийский опыт, исключая установление национального языка, не подходят в качестве модели плюрализма для Кыргызстана.⁶² Чтобы быть готовыми к встрече с вызовами постколониализма и эпохой демократического развития, Кыргызстану предстоит найти свой собственный уникальный путь.

IV. ЭЛЕМЕНТЫ ИНДИВИДУАЛЬНОГО И КОЛЛЕКТИВНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Помимо этнической принадлежности, в Кыргызстане также широко используются другие коллективные идентичности, определяющие принадлежность индивида к социальной группе. Для целей настоящего доклада “идентичность” определяется как категория, используемая при анализе как индивидуального, так и коллективного самоопределения. Данная и последующие главы содержат данные, демонстрирующие как формирование некоторых идентичностей происходит в результате влияния политических интересов.⁶³ В данной главе внимание сосредоточено на внеэтнических маркерах идентичности, таких как регион, религия, возраст и место проживания – городское и сельское.

Исследования Управления Верховного комиссара ООН по правам человека, проведенные Региональным Офисом по Центральной Азии (OHCHR ROCA), показывают, что в то время, как этническая принадлежность рассматривается этническими кыргызами (особенно на юге страны) как наиболее важный показатель, определяющий идентичность, представители других этнических групп придают больше значение гражданству. Этническая идентичность представляется особенно важной для этнических кыргызов на юге Кыргызстана (70 процентов).⁶⁴ Это почти вдвое превышает аналогичный показатель для узбеков, которые ставят гражданскую идентичность (56 процентов) выше

этнической идентичности (38 процентов). Наиболее развитым гражданским самосознанием, по сравнению с другими этническими группами, обладают русские, дунгане и уйгуры. Помимо этого, большинство этнических кыргызов (более 70 процентов) выступают за то, чтобы этническая принадлежность была указана в официальных документах, удостоверяющих личность, в то время как по мнению большинства этнических меньшинств вопрос об указании или полном исключении данных об этнической принадлежности в документах должен оставаться на усмотрение на индивидуальном уровне. Данные социопроса были получены по результатам стратифицированной выборки 3600 респондентов из семи областей и столицы Кыргызстана.

Однако важно отметить, что согласно данным Управления Верховного комиссара ООН по правам человека несмотря на имеющиеся межэтнические, региональные, гендерные и экономические различия в Кыргызстане, представители 91 процента его населения отметили, что “очень гордятся”, либо “гордятся” быть гражданами Кыргызстана. Это гораздо выше аналогичного показателя других мультиэтнических постсоветских обществ; например, в Латвии – 81 процент высказались, что они гордятся быть гражданами своей страны, в России – 71 процент и в Украине – только 61 процент).⁶⁵

Другое общенациональное исследование, в котором были опрошены 1000 домохозяйств, определенных путем случайной выборки, просило своих респондентов “определить три главные характеристики, определяющие их как личность”. Большинство в первую очередь называли глубоко индивидуальные характеристики,

хотя при этом видели себя и в качестве части более крупного целого. Когда респондентов попросили обозначить индивидуальные черты, определяющие их как личность, более 13,3 процентов назвали внеэтнические характеристики, такие как “доброта”, вслед за которым были указаны “гражданин моей страны” (8,3 процента) и “трудолюбие” (7,4 процента).⁶⁶

Принадлежность к группам наиболее часто определялась жителями южных районов страны в качестве личной идентичности. Примечательно, что такая характеристика как “гражданин моей страны” наиболее часто по сравнению с другими районами упоминалась в Ошском регионе (16,5 процента). Семейные показатели идентичности (такие как мать или отец) были также особенно популярны в Ошском регионе (10 процентов). Такие результаты свидетельствуют о том, что глубоко индивидуалистические и позитивные характеристики идентичности приобретают главное значение, когда этническая принадлежность не порождает напряженности или не ставится ее участниками на первый план. Результаты исследования также указывают на то, что, даже если кыргызстанцы прибегают к этническим или лингвистическим маркерам идентичности когда эти маркеры подвергаются атаке, тем не менее существует основа для плюралистической идентичности, свойственной при групповых взаимодействиях или при участии в коллективных мероприятиях.

“Деление на север и юг”

Клановые объединения внутри парламента Кыргызстана часто именуется “северными” и “южными” политическими силами. Эти группы не связаны семейными связями, а строго зависят от региональной принадлежности. Северные группы включают Чуйскую, Иссык-Кульскую, Таласскую и Нарынскую области, тогда как южные включают Ошскую, Джалалабадскую и Баткенскую области.⁶⁷ Северные члены парламента описывают политиков с юга как традиционных, националистических, вовлеченных в организованную преступность, расчетливых и старомодных.⁶⁸ Похожим образом депутаты с юга описывают своих коллег с севера как разобщенных, связанных с отмыванием денег, высокомерных и не желающих делить власть. Некоторые характерные черты, отражающие культурные различия северных/южных политиков, включают следующие

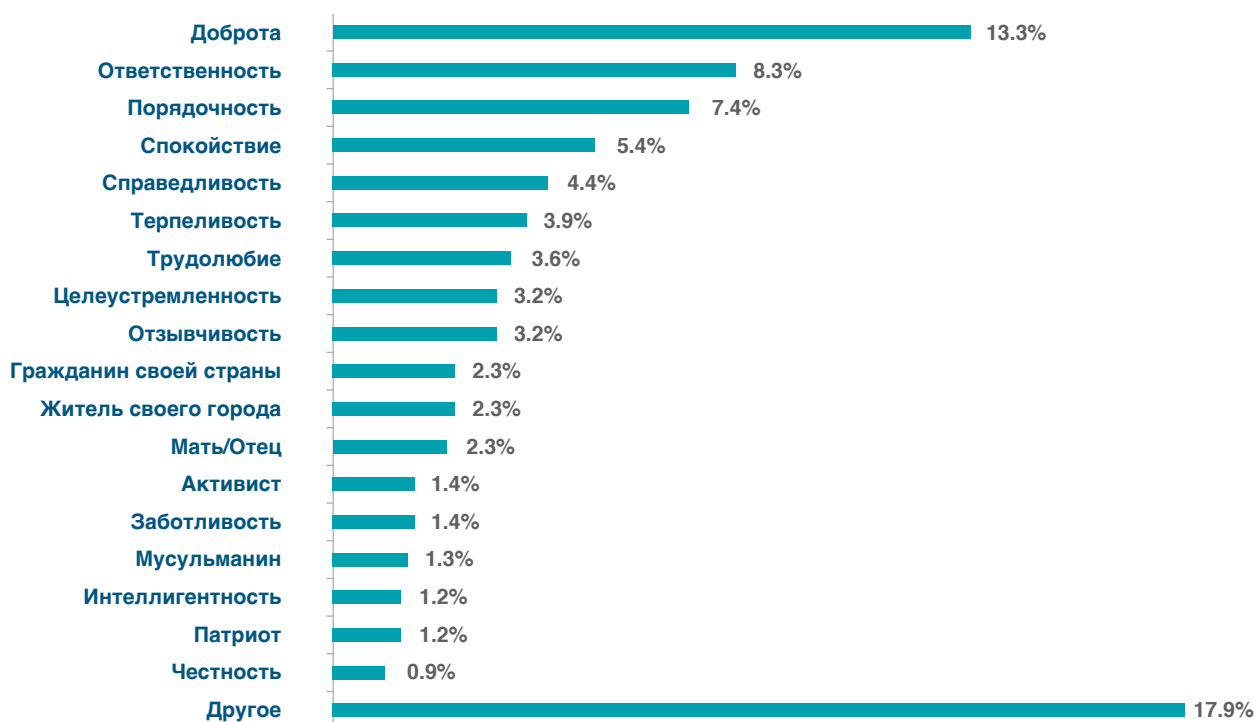
65 ОНЧР РОСА (2013).

66 В июне 2013 года SIAR Исследования и Консалтинг, находящийся в Бишкеке, провел национальный опрос с участием 1000 респондентов. Неопубликованный документ.

67 Pauline Jones Luong (2002), *Institutional Change and Political Continuity in Post-Soviet Central Asia: Power, Perceptions, and Pacts*. Cambridge and New York: Cambridge University Press; Gullette argues that politicians use regional identities to manipulate voters. See David Gullette (2010), *The Genealogical Construction of the Kyrgyz Republic: Kinship, State and ‘Tribalism’*. Brill - Global Oriental: Folkestone.

68 Несколько интервью с депутатами парламента и сотрудниками правительства, проведенные между 2010 и 2013 годами.

Таблица 3. Характеристики, которые описывают Вас как личность

Источник: SIAR Исследования и Консалтинг

дихотомии: в то время как политики с юга сами входят в организованные преступные сообщества, политики с севера готовы сотрудничать с преступными элементами для достижения собственных политических целей; если южане – традиционалисты, то северяне – русифицированные; если южане лучше консолидированы, то северяне – индивидуалисты; и в то время как южане политически недопредставлены на общенациональном уровне, северяне пребывают в постоянном страхе, что массы с юга восстанут против “северных правящих кругов”.

Предрассудки о существовании северной/южной предвзятости действительно существуют и часто цитируются политиками и подтверждаются поведением избирателей. Однако существует лишь несколько конкретных примеров влияния региональных разделений на политику в периоды между выборами. Можно предположить, что региональные идентичности приобретают особое значение тогда, когда все остальные стратегии, обеспечивающие получение выборной должности, исчерпаны. Такие стереотипные образы

мышления распространены. Однако регионализм проявляется лишь во время политических кризисов (политических арестов, изменений режима, выборов), а не в повседневной политической жизни. Например, беспорядки в июне 2010 года продемонстрировали, что во времена политической нестабильности местное население Оша рассматривало конкуренцию за ресурсы и политическую репрезентацию в первую очередь через этническую призму. Однако различия, якобы существующие между севером и югом, редко упоминаются открыто во время парламентских сессий. По сравнению с действиями северян действия южной группы депутатов парламента представляются более слаженными. Южным политикам удавалось объединиться как против, так и в поддержку некоторых кадровых решений. Однако ни одного заметного проявления объединенных действий северной коалиции в противовес южным политическим силам до настоящего времени не наблюдалось. Южные члены парламента также были замечены в столкновениях друг с другом по ряду вопросов, таких как контроль ресурсов в Ошской и Джалал-Абадской областях.⁶⁹

69 Интервью с тремя депутатами парламента, февраль 2012 года.

Более того, некоторые партийные лидеры с юга Кыргызстана находят общие интересы с политиками с севера. Южные депутаты представлены во всех политических партиях и иногда объединяются с северными депутатами для поддержки южных кандидатов на ключевые позиции в правительстве. Вместе с тем, расколы были замечены внутри партии *Ата-Журт*, которая, как считается, представляет южный Кыргызстан, так как большинство ее членов – выходцы из Джалал-Абадской и Ошской областей. *Ар-Намыс*, возглавляемая Феликсом Куловым, привлекая в свои партийные списки этнических русских, узбеков и русифицированных кыргызов, считается самой этнически разнообразной партией. *Республику* и Социал-демократическую партию Кыргызстана (СДПК) возглавляют северяне, которые пытаются дистанцировать себя от региональных и этнических делений. В иерархиях всех партий политики с севера также занимают должности среднего звена.

Городская молодежь

Исследования, посвященные городской молодежи Кыргызстана, указывают на интересные комбинации идентичностей, которые в значительной степени ситуационные и зачастую не обусловлены этнической принадлежностью. Идеологический вакуум, образовавшийся после распада Советского Союза, был быстро заполнен западными, русскими и исламскими культурными идеями во многом благодаря экономической и политической открытости Кыргызстана. Молодежь, особенно в городских районах, подвержена влиянию и поглощает множество разнонаправленных глобальных и региональных культур⁷⁰. Молодое поколение Кыргызстана убеждено в том, что оно имеет право выбирать и потреблять весь спектр различных выражений культуры. Их предпочтения не случайны, а скорее демонстрируют осознанный выбор “потребителя” в отношении религиозной риторики, американских

автомобилей или русской поп-музыки. Их предпочтения охватывают многочисленные культурные идеологии и переступают этнические границы, и их выбор ярко прослеживается в городском пространстве.

Наблюдения молодежной культуры в Бишкеке показывают, что этническая принадлежность не играет существенного значения в городской молодежной среде, особенно для молодых мужчин. Вместо этого, юноши группируются в зависимости от районов обитания в Бишкеке, где практикуется деление на постоянных жителей и “новоселов”. В центральном Бишкеке устоявшееся городское население, проживающее в мультиэтнических сообществах, причисляет себя к определенным группам в зависимости от района проживания и уровня владения русским языком. В отличие от них, переезжающие в город этнические кыргызы поселяются в изолированных районах Бишкека, где проживают выходцы из их региона. Уровень знания русского языка среди них варьируется, и этнические кыргызы и другие жители города зачастую настроены к ним враждебно. Эти две группы – устоявшееся городское население и новоселы – часто посещают разные заведения досуга, рестораны и торговые центры и пользуются услугами разных школ и больниц, а также других общественных заведений.

Бишкекские юноши чаще находят друзей среди сверстников, проживающих по соседству, независимо от их этнического происхождения. В центральном Бишкеке около 60 процентов населения составляют этнические кыргызы, либо русские, давно проживающие в городе; другие 40 процентов – недавно переехавшие в город этнические кыргызы. Молодые городские кыргызы и русские разделяют похожие взгляды в отношении кыргызов, только переехавших в городскую столицу; мигранты считаются некультурными, грубыми, плохо одевающимися и, вполне вероятно, плохо пахнущими и плохо говорящими на русском языке.⁷⁰ Подобные стереотипы возможно существуют потому, что городская и сельская молодежь практически ничего не знают друг о друге или не общаются между собой.

Другие исследования определили, что местопроживание и язык представляют два наиболее сильных детерминанта идентичности в Кыргызстане. В своих исследованиях

70 Stefan B. Kirmse (2010), “In the Marketplace for Styles and Identities: Globalization and Youth Culture in Southern Kyrgyzstan”, *Central Asian Survey*, 29:4, 389-403; Kathleen Kuehnast (1998), “From Pioneers to Entrepreneurs: Young Women, Consumerism, and the ‘World picture’ in Kyrgyzstan”, *Central Asian Survey*, 17(4), 639-654.

71 Philipp Schroeder (2010), “‘Urbanizing’ Bishkek: Interrelations of Boundaries, Migration, Group size and Opportunity Structure”, *Central Asian Survey*, 29(4), 453-467.

Бишкека и Оша Шредер и Лиу подчеркивают три фактора, которые играют гораздо более значительную роль в формировании однородных сообществ, чем этничность: городское или сельское происхождение, район проживания и владение кыргызским, русским или узбекским языками.

Как правило, в отличие от своих сестер, юноши имеют более широкий выбор разнообразных культурных влияний, а также доступ к большему количеству общественных заведений. От интернет кафе до спортивных клубов – независимый Кыргызстан обеспечил мужчин широким кругом возможностей для “поощрения мужских качеств”.⁷² Родители более трепетно оберегают незамужних дочерей, которые рискуют подвергнуться насилию в общественных местах или даже рискуют оказаться похищенными или принужденными к вступлению в брак.⁷³

Городская молодежь более расположена к вступлению в различные организации гражданского общества, по сравнению с молодежью из глубинки. Городские ассоциации и идейные активисты в Бишкеке и Оше представляют собой невероятные ресурсы для развития плюрализма. В столице молодые активисты занимаются поддержкой парламентских инициатив по ряду направлений, включая права женщин, загрязнение окружающей среды, реформу полиции и городской инфраструктуры. В Оше молодые активисты пропагандируют мультязычные средства массовой информации и усилия по примирению. Многие активисты осуществляют свою деятельность при скромном финансовом обеспечении и поддержке со стороны международного сообщества.

72 Kirmse (2010).

73 Более подробно см. главу VIII о вопросах пола..

74 Cai Wilkinson and Anna Kirey (2010), “What’s in a Name? The Personal and Political Meanings of ‘LGBT’ for Non-heterosexual and Transgender Youth in Kyrgyzstan”, *Central Asian Survey*, 29(4), 485-499.

75 Farideh Heyat (2004), “Re-Islamisation in Kyrgyzstan: Gender, New poverty and the Moral Dimension”, *Central Asian Survey*, 23(3-4).

76 Sebastien Peyrouse (2007), “Christians as the Main Religious Minority” in Jeff Sahadeo and Russell Zanca (eds). *Everyday Life in Central Asia: Past and Present*, Bloomington: Indiana University Press.

Бишкек также относится к одному из немногих мест в Центральной Азии в котором существует активное сообщество лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров (ЛГБТ), защищающее права представителей ЛГБТ в политике государства. Сообщество в основном состоит из молодых активистов. Кыргызское правительство откликнулось на некоторые рекомендации, касающиеся защиты прав ЛГБТ, однако места для встреч представителей ЛГБТ ограничиваются специальными ночными клубами, неправительственными организациями и частными домами.⁷⁴

Исследования городской молодежи демонстрируют, что для привития обществу принципов плюрализма, важно обеспечить раскрепощение общественного мнения относительно различных идентичностей. За последнее десятилетие, в котором население страны стало свидетелем разнообразных движений, приведших к возникновению мнимой и реальной борьбы за ресурсы, отношение к лицам иной идентичности у многих людей в Кыргызстане ухудшилось.

V. РЕЛИГИЯ

Во времена правления Акаева в Кыргызстане стали появляться иностранные религиозные организации, включая христианские и исламские миссионерские приходы, которые были допущены к осуществлению деятельности на территории страны.⁷⁵ Начиная с конца 1980-х, иностранные миссионеры рассматривали христианское и мусульманское население страны, которое было вынуждено подавлять собственную религиозную идентичность в атеистическом коммунистическом обществе, в качестве “легкой добычи”, готовой к вступлению в ряды верующих после краха советской идеологии.⁷⁶ Христианские миссионеры из Соединенных Штатов, Европы и Южной Кореи нашли наиболее восприимчивую публику на севере страны, даже среди неславянских и неевропейских этнических групп. Исламские влияния в основном из Турции и арабских стран больше прижились на юге и включали в себя образование, финансирование строительства мечетей и программы студенческих обменов.

В результате либеральной политики в отношении религиозных групп в 1990-х гг., сегодня в Кыргызстане действует целый ряд религиозных организаций. Официально

признаваемые мусульманские организации включают *муфтият* или Духовное Управление Мусульман Кыргызстана (ДУМК, *ханафитский мазхаб суннитского ислама*), а также движение “Таблиги Джамаат”, шиитские мечети и исламские благотворительные фонды. Христианские деноминации охватывают русскую православную церковь, староверов, православных старообрядцев, католическую церковь, протестантскую церковь (баптисты, пятидесятники, лютеране, реформисты, адвентисты седьмого дня, библейские христиане-методисты, пресвитериане и харизматы), и свидетелей Иеговы.⁷⁷ Существуют буддистское сообщество “*Чамсен*” и еврейское религиозное сообщество, зарегистрированные в Бишкеке, а также 34 других религиозных движения, включая саентологию, мессианский иудаизм “Бейт Иешуа” и лютеранскую церковь Конкордия.⁷⁸ И, наконец, в Кыргызстане имеются последователи тенгрианства, доисламского верования в Тенгри – обожествлённое небо.

Группы, признаваемые сектами и террористическими или экстремистскими организациями, были запрещены Государственной комиссией по делам религий в соответствии с решениями Верховного суда. В списке экстремистских организаций доминируют движения с региональной или международной политической повесткой. Например, для сохранения хороших отношений с Турцией и Китаем в Кыргызстане были запрещены организации, пропагандирующие идеи создания Восточного Туркестана. Аналогичным образом запрещены курдские группы, включая Исламскую партию Восточного Туркестана, Организацию освобождения Восточного Туркестана (*Шарки Азат Туркестан*), Исламскую партию Туркестана (также известную как Исламское движение Узбекистана) и *Хизб-ут-Тахрир*. Террористические организации включают Аль-Каиду, Талибан, Курдский Народный Конгресс и Группу Джихада. В список запрещенных сект включены Церковь объединения Сан Мён Муна,

Международное общество сознания Кришны, Церковь Иисуса Христа святых последних дней, Церковь Шри Чинмоя, Долнара Ханнонг, Фалуныгун, Ауробиндо Гхоша, Белое братство и сатанисты.⁷⁹

Наибольшее количество христианских и мусульманских организаций зарегистрировано в Бишкеке и Чуйской области, 127 и 156, соответственно. Наибольшее количество зарегистрированных мусульманских организаций и богослужбных заведений находится в Ошской области – 669, следом за ней идет Джалал-Абад с 464 организациями. Существуют также незарегистрированные организации, количество которых трудно назвать.

Сегодня до 88 процентов населения Кыргызстана или 5 миллионов человек идентифицируют себя как мусульмане-сунниты, в то время как христиане составляют 11 процентов. По сравнению с 1990-ми, когда только 55 процентов этнических кыргызов и 87 процентов этнических узбеков относили себя к мусульманам, в конце первой декады 2000-х гг. 97 процентов этнических кыргызов и 99 процентов этнических узбеков определяли себя в качестве мусульман.⁸⁰ Однако гораздо меньшее в процентном соотношении количество людей в действительности практикует ислам на ежедневной основе. Для многих ислам – это набор традиций, который был осознанно выбран, заново открыт и истолкован после семидесяти лет советского правления; его практикуют в основном во время важнейших событий в жизни людей, таких как рождение детей, праздники, свадьбы и похороны. Исламские традиции порой практикуются параллельно с обычаями эпохи зороастризма, в то время как некоторые досоветские практики, такие как кража невесты и многоженство, ошибочно принимаются за исламские.

Значимость религии в качестве маркера идентичности варьируется в зависимости от этноса, возраста и региона. Религия “очень важна” для подавляющего большинства этнических узбеков (80 процентов) по сравнению с 54 процентами этнических кыргызов и 38,5 процентами этнических русских. Людей в возрасте от 26 до 35 лет отличает более высокий уровень значимости религии – 58 процентов из них рассматривают религию как “очень важную”. Большинство жителей Баткена (82 процентов)

77 Dmitry Kabak and Almaz Esengeldiev (2011), “*Freedom of Religion and Belief in the Kyrgyz Republic: Overview of the Legislation and Practice*”. Bishkek: Open Viewpoint Public Foundation.

78 Там же.

79 Там же.

80 Eric McGlinchey (2009), “Islamic Revivalism and State Failure in Kyrgyzstan”, *Problems of Post-Communism*, 56(3), 16-28.

и Джалал-Абада (68 процентов) также считают религию “очень важной”, в то время как для большинства жителей остальной части Кыргызстана религия представляется важной лишь в некоторой степени.⁸¹ Согласно Исследовательскому центру Пью, 68 процентов мусульман в Кыргызстане заявляют, что обладают возможностью свободного исповедования религии, а более 90 процентов из них убеждены, что свобода исповедания предоставлена также и другим религиям.⁸²

Возрождение ислама в Кыргызстане произошло на фоне распада Советского Союза. Религия может помочь возродить межличностное и общественное доверие, а при невозможности осуществления гражданских церемоний местное духовенство может выполнять функции госслужащих в проведении общественных мероприятий, таких как свадьбы. Благодаря их способности мобилизовать ресурсы для решения местных проблем, игнорируемых правительством, такие запрещенные группы, как *Хизб-ут-Тахрир*, сумели привлечь к себе новых последователей.⁸³ Исламские благотворительные организации помогают группам уязвимого населения в случаях, когда государство не способно этого сделать. Ученые также связывают возрождение ислама в Центральной Азии с потребностью населения в восстановлении их “национального культурного наследия” в постколониальный период.⁸⁴ Согласно этой точке зрения, во времена Горбачева и распада СССР возрождение ислама означало укрепление национальных корней, противопоставляя кыргызскую идентичность русской/советской идентичности.

81 SIAR (2013).

82 Pew Research Center, “The World’s Muslims: Religion, Politics, and Society”, April 30, 2013, <<http://www.pewforum.org/2013/04/30/the-worlds-muslims-religion-politics-society-religion-and-politics/>>, accessed on May 10, 2015. .

83 McGlinchey (2009).

84 Adeeb Khalid (2003), “A Secular Islam: Nation, State, and Religion in Uzbekistan,” *International Journal of Middle East Studies*, 35(4), 120.

85 Peyrouse (2007).

86 Kabak and Esengeliyev (2011).

87 Stuart Kahn, “Freedom House: Freedom of Worship is Limited in Kyrgyzstan”, *Voice of Freedom*, December 15, 2012.

88 Felix Corley, “Kyrgyzstan: New Religious Law Changes Being Done ‘Democratically’”, *Forum 18*, December 19, 2012.

На юге Кыргызстана религия связывается с этнической принадлежностью особенно тесно. В мечетях кыргызских и узбекских районов проповеди проводятся на языке их общин. Однако другие рассматривают религию и этничность как две несвязанные категории, определяющие идентичность.⁸⁵ В общественных дискуссиях религия и этническая принадлежность зачастую упоминаются как совпадающие характеристики, однако такое изображение обманчиво применительно к некоторым жителям северного Кыргызстана, которые более открыты к христианским миссионерским веяниям извне.⁸⁶

Во времена Бакиева регламентирование деятельности религиозных групп стало более жестким и остается без изменений при действующей власти. Их введение обосновывалось наличием якобы существующей необходимости подавления радикальных форм ислама, и в силу тесного сотрудничества государства с *муфтиятом* и Русской православной церковью, двумя главными религиозными институтами в стране. В 2009 году Бакиев издал закон ограничивающий свободу религиозных групп. Для получения регистрации религиозным группам теперь было необходимо иметь как минимум 200 членов в отличие от ранее применяемого порога в десять членов. Как ДУМК, так и Русская православная церковь были обеспокоены неконтролируемой экспансией в стране иностранных исламских и христианских групп и выступили в поддержку ограничений.

В конце 2012 года кыргызский парламент внес новые изменения в закон, принятый Бакиевым в 2009 году, еще больше ограничивая религиозные свободы. Закон теперь запрещает студентам уезжать за границу с целью получения религиозного образования без соответствующего разрешения государства; иностранным религиозным организациям запрещается осуществлять деятельность без получения государственной лицензии; и вводится более строгая цензура для религиозной литературы. Закон был принят без проведения обширной дискуссии в парламенте и поспешно подписан президентом.⁸⁷ Ограничения в отношении деятельности иностранных миссионерских групп приводили к отказу местных властей и мусульманского духовенства предоставлять протестантам, бахаи, свидетелям Иеговы и верующим Харе Кришны прав захоронения их последователей в соответствии с их религиозными обрядами.⁸⁸ Свидетели

Иеговы подвергаются регулярным гонениям на юге Кыргызстана.⁸⁹

Муфтият Кыргызстана поддерживает видение правительства в отношении ислама и часто встречает соответствующий уровень уважения со стороны государства. Он мирно сосуществует с официальным государством и регулярно координирует с правительством выдачу выездных виз на *хадж* и для публичных молений.⁹⁰ Бакиев пытался усилить политический контроль над ДУМК путем разработки дизайна специальных костюмов для религиозных лидеров. Администрация президента утверждала, что новые костюмы воплотили бы в себе сочетание “исконных” этнических кыргызских и исламских дизайнов, в частности, традиционной кыргызской вышивки и специальной этикетки, изображающей Черный камень в Мекке. Данные планы по этнитизации ДУМК так и не были воплощены в жизнь.

Силовые структуры Кыргызстана часто ссылаются на исламских экстремистов как на абстрактные “третьи силы” и используют их в качестве козлов отпущения для объяснения всплеск нестабильности – от небольших драк до этнического конфликта в Оше.⁹¹ Они регулярно осуществляют аресты предполагаемых членов исламистских экстремистских групп. Наибольшую тревогу вызывает *Хизб-ут-Тахрир* – движение, которому по некоторым оценкам уже удалось привлечь в свои ряды до 20 000 человек в Кыргызстане и многих других странах по всему региону.⁹²

Страхи правительства по поводу потенциального распространения экстремизма безосновательны. Опросы показывают, что только 7 процентов населения Кыргызстана одобряют идеологию *Хизб-ут-Тахрир*.⁹³ Недавнее исследование показало, что 32 процента населения Кыргызстана волнует распространение исламского экстремизма, тогда как 20 процентов обеспокоены как исламским, так и христианским экстремизмом. Подавляющее большинство не оправдывают экстремистскую религиозную деятельность, такую как теракты, совершаемые террористами-смертниками во имя ислама.⁹⁴

Кыргызские политические лидеры, от Акаева до Атамбаева, ввели в общественную жизнь страны некоторые символические атрибуты ислама. Однако большинство представителей политической элиты предпочитают разделять религиозную идентичность с их общественной жизнью. Ряд религиозных праздников стали государственными выходными днями, включая исламские праздники Орозо айт и Курман айт, зороастрийский новый год – *Нооруз* и православное Рождество (6 января). Такие праздники как Новый год, День защитника Отечества и Международный женский день, отмечаемые с советских времен, продолжают быть популярными в городских районах страны, в то время как “западные” празднования, такие как День святого Валентина, теперь генерируют существенную коммерческую активность.

VI. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Макро-экономическая картина

Кыргызстан относится к одной из беднейших стран бывшего Советского Союза. Его экономика, основу которой когда-то составляло сельское хозяйство, теперь в большей степени зависит от экспорта золота и торговли. В мае 1993 года Кыргызстан стал первым государством Центральной Азии, покинувшим рублевую зону и выпустившим собственную национальную валюту.⁹⁵ Раннее вступление страны во Всемирную Торговую Организацию (ВТО) в 1998 году помогло ей стать региональным центром для транзита китайских товаров и развить челночную торговлю, рынки и базары.

89 Felix Corley, “Kyrgyzstan: Eight Reids, Two Official Warnings in Three Months”, *Forum 18*, April 8, 2012.

90 McGlinchey (2009).

91 Bruce Pannier. “Wary Locals Question Allegations Of Islamist Role In Kyrgyzstan’s Ethnic Violence”, *Eurasianet.org*, July 24, 2010.

92 “В Кыргызстане действуют около 20 000 членов Хизб-ут-Тахрир”, *Fergananeews*, 14 мая, 2013 года; Joanna Paraszczuk, “More Than 330 Kyrgyz Said To Be Fighting Alongside ISIS in Syria, Iraq”, *RFE/RL*, April 21, 2015.

93 Kathleen Collins (2007), “Ideas, Networks, and Islamist Movements: Evidence from Central Asia and the Caucasus”, *World Politics*, 60, October, 64–96.

94 Pew Research Center, “Concerns About Religious Extremism in Boston Bombings Suspects’ Homelands”, April 23, 2013.

95 Richard Pomfret (2006), *The Central Asian Economies Since Independence*. Princeton: Princeton University Press, 74.

Однако смена режимов в 2005 и 2010 годах существенно замедлила экономическое развитие страны и отсрочила запуск освоения и разработки новых промышленных месторождений со стороны правительства. Гидроэнергетический сектор Кыргызстана представляет собой еще один потенциальный источник будущего развития экономики.

Программа либерализации экономики, проведенная вслед за обретением страной независимости, принесла результаты в конце 1990-х годов. Жилая недвижимость и государственные предприятия были приватизированы относительно быстро, и к концу 2000-х годов частный сектор приносил до 60 процентов Валового Внутреннего Продукта (ВВП) страны. Приблизительно 500 колхозов и совхозов были поделены на более чем 60 000 хозяйств (со средним размером каждого – 2500 гектар), которые преимущественно находились в собственности и эксплуатации индивидуальных фермеров, а также частных и государственных предприятий.⁹⁶ Однако коррупция, патронаж, а также отсутствие предпринимательского опыта быстро привели к увеличивающемуся разрыву между богатыми и бедными. Слабое управление макроэкономикой Акаевым привело к огромному бюджетному дефициту, достигшему рекордных 17 процентов ВВП в 1996 году и зависимости от международных подаяний.⁹⁷ В 2000-х годах управление макроэкономикой улучшилось, и в Кыргызстане наблюдался более сильный рост.

96 Там же, 76.

97 Там же.

98 Индекс Человеческого Развития Организации Объединенных Наций, <http://hdr.undp.org/en/content/human-development-index-hdi-table>; Индекс Джини, <http://hdr.undp.org/en/content/income-gini-coefficient>, последняя оценка была проведена 10 мая 2015 г.

99 Джоомарт Оторбаев был Премьер-министром Кыргызстана с марта 2013 г. по май 2015 г.

100 “Вице-премьер Кыргызстана рассказал о программе его правительства «100 дней»”, *Голос Америки*, 20 апреля, 2012 г. [*Golos Ameriki*, April 20, 2012].

101 Всемирный Банк, “World Development Indicators 2015”, <<http://databank.worldbank.org/data/home.aspx>>, данные оценки от 10 мая, 2015.

102 Там же.

103 Там же.

Согласно последнему Индексу Человеческого Развития Организации Объединенных Наций Кыргызстан занимает 125-е место среди 187 стран мира, с Индексом Джини, равным 33,4 в 2013 году.⁹⁸

С момента смены режима в 2010 году Кыргызстан предпринимал попытки по развитию рыночной конкуренции. Государство приступило к реализации ряда масштабных инфраструктурных проектов, тем самым демонстрируя то, что не все внешние кредиты и займы идут на текущие расходы. Далее, бывший первый вице-премьер-министр Джоомарт Оторбаев пообещал смягчить государственное регулирование и обуздать теневую экономику.⁹⁹ Согласно Оторбаеву, реальный ВВП Кыргызстана в три раза выше официальных цифр за счет теневой экономики, и значительная часть теневой экономики контролируется влиятельными политическими фигурами, уклоняющимися от уплаты налогов. Если бы правительству удалось добиться успехов в уменьшении размера теневой экономики, государственный бюджет Кыргызстана мог бы возрасти вдвое.¹⁰⁰ Доклад Всемирного Банка “Ведение бизнеса 2015” указывает на то, что по благоприятности условий ведения бизнеса Кыргызстан занимает 102-е место среди 189 экономик мира.

Экономика Кыргызстана восстановилась после политических потрясений 2010 года. В 2013 году ВВП составлял 7,2 млрд. долларов США, что на десять с половиной процентов превышает показатель предыдущего года. ВВП на душу населения вырос до 3212 долларов США с 2920 долларов США в 2012 году.¹⁰¹ Указанный экономический рост сопровождался умеренной инфляцией (6,6%). Официальный уровень безработицы в 2013 году составлял 8 процентов, но возможно, что ее реальный уровень выше.¹⁰²

В конце 2011 года внешний долг Кыргызстана достиг 6 млрд. долларов, что составляет около 80% ВВП и в два раза превышает уровень 2010 года.¹⁰³ И хотя долг продолжает расти с 1990-х годов, соотношение долга к ВВП снизилось благодаря экономическому росту после 2005 года. В отличие от 1990-х, фискальная и долговая политика правительства в целом ориентированы на сохранение макроэкономической стабильности. По оценкам Международного Валютного Фонда,

уровень внешнего долга при текущей ставке выплаты задолженности не представляет угрозы для макроэкономической стабильности в обозримом будущем.¹⁰⁴ В 2013 году произошел небольшой рост иностранных инвестиций, которые достигли 757 миллионов долларов.¹⁰⁵ Суммарные резервы иностранной валюты Кыргызстана увеличились в 2013 году до 2,1 млрд. долларов по сравнению с 1,9 млрд. долларов в 2012 году. В 2014 и в начале 2015 года Национальный Банк продал около 300 миллионов долларов для стабилизации курса валют, тем самым вызвав опасения о быстро снижающихся резервах.¹⁰⁶

Согласно официальным данным правительства, частный бизнес составляет приблизительно 40 процентов экономики и трудоустраивает 15 процентов населения. По оценкам Всемирного Банка доля частного сектора достигает 75 процентов экономики. Как подтверждают бишкекские предприниматели, с момента смещения Бакиева бизнес в Кыргызстане стало вести легче, поскольку теперь им не приходится платить неофициальные налоги сыну президента Максиму Бакиеву.¹⁰⁷ Вместе с тем, после смены режима в 2010 году рыночная конкуренция по-прежнему подвержена влиянию политической конъюнктуры и политизированных интересов.

Золотодобывающая промышленность вызывает особые опасения; инвестиции отличаются хрупкостью и сложностью их привлечения из-за непредсказуемости

политического ландшафта. По подтвержденным данным, золотые резервы Кыргызстана составляют около 1000 тонн, будучи третьими по размеру среди бывших стран Советского Союза после резервов России и Узбекистана. Экспорт золота составляет 40 процентов всего экспорта Кыргызстана и 10 процентов ВВП страны.¹⁰⁸ Кыргызстан – миноритарный акционер золотоносного рудника Кумтор, который приносит 12 процентов ВВП страны.¹⁰⁹ Канадская компания Центерра Голд, управляющая рудником Кумтор на востоке Кыргызстана, заключила во времена правления Акаева выгодное соглашение с Кыргызстаном, условия которого были пересмотрены без особых изменений для Кыргызстана в 2009 году при Бакиеве. Есть вероятность, что личную выгоду из этих сделок извлекли оба президента. Для оппозиционных сил Центерра Голд стала поводом для организации протестов с толпами людей, требующих отстранения Атамбаева от власти в 2012 и 2013 годах. В феврале 2013 года парламент отменил соглашение 2009 года, отправив правительство вновь за стол переговоров с Центерра Голд. В сентябре правительству Атамбаеву удалось увеличить участие Кыргызстана в Кумторе с 32,7 процентов до 50 процентов с выплатой 100 миллионов долларов в пользу Центерры.¹¹⁰

Тем временем, оппозиция обвинила правительство Атамбаева в коррупции и некомпетентности из-за того, что им не удалось достигнуть более выгодного соглашения. В октябре 2012 года в Бишкеке прошел митинг с требованиями национализации Кумтора, который был организован лидером Ата-Журт Ташиевым. Ташиев и несколько его соратников перелезли через ограду здания парламента, после чего они были арестованы за призывы к захвату власти. В результате инцидента депутаты Ташиев, Талант Мамытов и Садыр Жапаров получили по два года колонии. Для популистской политической оппозиции призывы к национализации горнодобывающего сектора стали легким способом привлечения доведенного до нищеты населения – лишь за небольшое вознаграждение и билет на автобус в столицу.

В июне 2013 года в Джеты-Огуз – районе, окружающем рудник, прошел очередной протестный митинг, который якобы был организован его жителями, однако, по распространенному мнению экспертов, его организовали силы политической оппозиции.¹¹¹ Протесты,

104 International Monetary Fund, “Kyrgyz Republic—Debt Sustainability Analysis Under the Debt Sustainability Framework for Low Income Countries”, June 2, 2011.

105 Там же.

106 Всемирный Банк (2015).

107 Интервью с членами Клуба Ротари, Бишкек, октябрь, 2012 г. [Interviews with members of the Rotary Club, Bishkek, October 2012.]

108 Marlene Laruelle and Sebastien Peyrouse (2012). *Globalizing Central Asia: Geopolitics and the Challenges of Economic Development*, New York: M.E. Sharpe, p. 200.

109 “Gold in the Hills”, *The Economist*, March 16, 2013.

110 “Centerra, Kyrgyz Government Sign Pact for Kumtor mine”, Reuters, September 10, 2013.

111 Johan Engvall (2013), “The Political Sources of Kyrgyzstan’s Recent Unrest”, *Central Asia – Caucasus Analyst*, June 26, 2013; John C.K. Daly, “Kyrgyzstan’s Kumtor Mine Becomes Political Football”, *Central Asia – Caucasus Analyst*, June 12.

насчитывающие несколько сотен человек, стали причиной остановки производства на руднике, но не повлияли на его деятельность в целом. На секретно снятых видеозаписях, которые были обнародованы в сентябре, можно увидеть организаторов протестов, которые якобы шантажировали руководство Кумтора тем, что они планируют загрязнить реку Барскаун, текущую около рудника, и обвинить Центerra Голд в этом загрязнении. Согласно Государственному Комитету Национальной Безопасности Кыргызской Республики, организаторы митинга действовали при поддержке Ташиева и Жапарова.¹¹² Есть вероятность, что для инициации протестов использовалась та же самая техника обеспечения автобусными билетами и оплаты участия протестующих.

В обоих инцидентах оппозиция “играла” на популистских требованиях о национализации Кумтора, используя их для культивирования идеи некоего внешнего врага, который крадет богатство, принадлежащее народу. Проблемы управления на местном и национальном уровнях использовались активистами оппозиции для того, чтобы создать экономическую и политическую неразбериху. Центральное правительство, включая Администрацию Президента, не сумело предотвратить саботаж, организуемый на местах, из-за плохой координации деятельности с местными властями. Отчасти беспорядки были результатом неспособности местных властей удовлетворять потребности местных жителей через исполнение своих ключевых административных обязанностей. Недоверие к центральным и местным властям со стороны жителей сел, расположенных рядом с горнодобывающими районами, сделало их легкой мишенью для националистической риторики. И, наконец, неспособность правительства ясно и убедительно доводить до населения свои планы и принципы деятельности привели к стагнации в горнодобывающей отрасли и информационному вакууму, который был

заполнен оппозицией. Иные проекты в горнодобывающем секторе, предлагаемые к реализации в Нарыне, Таласе и Баткене, были отложены из-за вышеперечисленных проблем управления. Открытие рудников *Талды-Булак Левобережный* (2000 тонн золота) и *Джеруй* (1500 тонн золота), которые были запланированы в 2013 году, также попали под угрозу массовых протестов.

Гидроэнергетика Кыргызстана – еще один ведущий сектор экономики, обеспечивающий до 15 процентов экспорта страны.¹¹³ Текущая выработка электроэнергии варьируется от 12 до 14 тераватт-часов в год (ТВт-ч/год), едва удовлетворяя потребности местного рынка. При лучшем управлении и наличии новых электростанций Кыргызстан мог бы производить до 140 ТВт-ч/год и экспортировать излишек электричества в Афганистан, Пакистан и Китай.¹¹⁴ Два главных проекта по строительству энергетической инфраструктуры включают Камбарата-1 мощностью 1900 Мегаватт (МВт) и Камбарата-2 мощностью 360 МВт на реке Нарын. В 1997 году под давлением со стороны международного сообщества Кыргызстан начал реформирование своего сектора электроэнергетики. Несмотря на реформы, доля электроэнергетики в ВВП страны упала с 2001 года. Во времена Бакиева низкий уровень управления сектором привел к большим убыткам (более 40 процентов) и коррупции. Благодаря хорошим отношениям Атамбаева с президентом России Владимиром Путиным, Россия пообещала построить обе гидроэлектростанции в 2013 году. По состоянию на май 2015 года электростанции построены не были. Однако если они будут построены, производственные расходы обеих станций будут превышать прибыль, если энергетический сектор не будет реформирован, и тарифы на электричество в Кыргызстане не будут повышены. Гидроэлектростанции Камбарата также помогли бы Кыргызстану лучше контролировать отток воды, сбрасываемый соседям. Это скорее всего приведет к эскалации напряжения с соседним Узбекистаном, который зависит от поставок воды из Кыргызстана летом.

Стратегия устойчивого развития, разработанная Правительством Кыргызстана, которая определяет цели экономического развития на период 2013–2017 годов, указывает на отсутствие эффективной системы регулирования деятельности частных компаний. Стратегия ставит целью улучшение законодательной

112 “У Кумтора вымогают \$3 миллиона”, Вечерний Бишкек, 28 августа, 2013 г. [Kumtor is Being Extorted for \$3 Million, *Vecherny Bishkek*, August 28, 2013.]

113 Pomfret (2006), 80.

114 K. Izmailov, R. Karatayev, and U. Mateev (2007), *Реформа электроэнергетики Кыргызстана: Оценка ситуации, направления и условия успешного развития* [Electric power reform in Kyrgyzstan: Assessment of Situation, Directions and Conditions for Successful Development], Bishkek: Soros Foundation and IPAR.

базы для обеспечения равных условий конкуренции и упрощения процесса создания нового бизнеса.¹¹⁵ Если вопросы низкого качества управления не будут решены как на национальном, так и местном уровнях, реализация стратегии будет проблематичной.

Экономически уязвимые группы

В 2013 году население Кыргызстана составляло 5 миллионов 720 тысяч человек при среднем росте населения в год на 1 процент.¹¹⁶ Из них городское население составляло приблизительно 36 процентов, и работоспособное население – 2,3 миллиона человек.¹¹⁷ Уровень бедности в Кыргызстане в целом в 2014 году оценивался в 37 процентов населения.¹¹⁸ В последние годы процент населения, живущего на менее, чем 2 доллара в день, незначительно снизился до 21,1 процента.¹¹⁹ В сельской местности бедность в два раза превышает показатели в городских районах. Баткен и Нарын, два отдаленных региона с ухудшающейся инфраструктурой, относятся к наиболее бедным районам страны. Трудоустроенность в сельских районах не гарантирует экономической стабильности, но означает принадлежность к около 40 процентам “работающих бедных” в Кыргызстане.¹²⁰ Бедные и сельские жители, как правило, имеют большие семьи (три и более детей) и наибольшее количество лиц, находящихся на иждивении.

115 “Национальной стратегии устойчивого развития Кыргызской Республики на период 2013-2017 годы”, доступной по адресу http://www.president.kg/ru/novosti/1466_tekst_natsionalnoy_strategii_ustoychivogo_razvitiya_kyrgyzskoy_respubliki_na_period_2013-2017_godyi/.

116 Всемирный Банк (2015).

117 *CIA Fact Book*, February 2015 data, <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/kg.html>, последняя оценка от 10 мая, 2015 г.

118 Всемирный Банк, *Кыргызская Республика: гендерное неравенство в плане обеспеченности и доступа к экономическим возможностям*, 26 июня, (2012 b) [The World Bank, *Kyrgyz Republic Gender Disparities in Endowments and Access to Economic Opportunities*, June 26, (2012 b)]

119 Ibid.

120 Всемирный Банк, “Kyrgyzstan – Regional Welfare Disparities”, April 12, 2013.

121 Ibid, 15.

122 Ibid, 2.

Хотя чрезвычайная бедность наиболее характерна для малозаселенных районов, таких как Баткен и Нарын, один из трех бедных кыргызстанцев живет в Ошском регионе – втором наиболее густонаселенном районе страны после Бишкека.

Бедность распределяется среди этнических групп неодинаково. Согласно данным Всемирного Банка, этнические русские имеют самый низкий уровень бедности, в то время как этнические узбеки – наиболее высокий.¹²¹ К некоторым факторам, предопределяющим бедность среди этнических меньшинств, относятся регион (север более состоятельный, чем юг), городской/сельский статус, размер семьи и уровень образования. Этнические русские живут преимущественно в городах на севере, имеют семьи меньших размеров и лучший доступ к образованию. Этнические узбеки чаще живут в сельских местностях на юге, имеют большие семьи и более низкий уровень образования.

В городских районах бедные, как правило, живут в отдельностоящих домах (69,4 процента), а не в зданиях квартирного типа (22,7 процента). Во всех сегментах населения владение недвижимостью на правах собственности сохраняется на высоком уровне (более 90 процентов), однако бедное население имеет доступ к гораздо меньшим по размеру участкам земли. Около двух третей населения, не относящегося к бедному, имеют доступ к системе коммунальных служб, таким как водопроводная вода, канализация и центральное газоснабжение, к которым, в свою очередь, имеют доступ только 30 процентов бедного населения, в основном благодаря наследию советской инфраструктуры. Большинство людей, относящихся к бедному городскому населению, не имеющему доступ к системе коммунальных служб, живут в квартирных зданиях советского типа и относятся к недавним мигрантам.

С 1990 года уровень бедности в Кыргызстане существенно снизился. В частности, в 1990-х годах от неполноценного питания страдал 21 процент бедного населения, тогда как в первое десятилетие 2000-х годов – 4 процента.¹²² Согласно данным Всемирной Продовольственной Программы ООН, сегодня в стране около одного миллиона человек не обеспечены продовольствием, и еще 750 тысяч находятся в

Таблица 3. Возраст населения по половому признаку, 2013.¹²⁶

	До 16		16 – 57		Старше 63		Всего	
Мужчины	941,366	34%	1,741,126	62%	116,306	4%	2,798,798	49%
Женщины	903,652	32%	1,698,589	59%	262,094	9%	2,864,335	51%
Всего	1,845,018	32%	3,439,715	61%	378,400	7%	5,663,133	100%

Источник: Национальный Статистический Комитет Кыргызской Республики

зоне риска.¹²³ Бедность сократилась в основном благодаря экономическому росту в ряде отраслей, от строительства до туризма. Данный рост не распространился на сельское хозяйство, что сделало сельскую местность еще менее привлекательной для проживания. Денежные переводы мигрантов способствовали увеличению экономического потребления в стране и помогли снизить уровень бедности, но они не используются для долгосрочного планирования и инвестиций, частично ввиду того, что люди не имели накопительных счетов или инвестиционных возможностей, гарантируемых государством.

Семьи, возглавляемые мужчинами в возрасте от 25 до 39 лет, с большей вероятностью относятся к бедным, чем те, которые возглавляются более старшими по возрасту мужчинами.¹²⁴ Молодые сельские мужчины более уязвимы к бедности, так как на них лежит двойная ответственность обеспечения их детей и старшего поколения. Согласно Всемирному Банку, образование относится к одному из главных показателей, прогнозирующих более высокий уровень дохода по всей стране. Однако мужчины в целом и сельские мужчины,

в частности, будучи вынужденными обеспечивать свои семьи, меньше заинтересованы в получении университетского образования, и, как правило, начинают работать в более раннем возрасте. Мужчины составляют только 19 процентов студентов в университетах Ошской области, тогда как в Чуйской области и Бишкеке этот показатель равен 60 процентам.¹²⁵

Безработных женщин больше, чем безработных мужчин, а те женщины, которые трудоустроены, зарабатывают в среднем на 30 процентов меньше, чем мужчины.¹²⁷ Только половина женщин работоспособного возраста трудоустроены (по сравнению с 73 процентами у мужчин). Особенно сильная разница в положении мужчин и женщин наблюдается в Баткене и Нарыне, что отражает высокий уровень бедности и отсутствие рабочих мест в этих регионах. Гендерное неравенство частично вызвано недостатком детских учреждений, а также необходимостью ухода за пожилыми членами семей. По всей стране женщины имеют тенденцию покидать ряды работающего населения на период их репродуктивного возраста (25-35 лет), и затем позднее для того, чтобы помогать воспитывать своих внуков (55-64 лет).

В 2009 году 51 процент занятого населения (43 процента мужчин и 61 процент женщин) работали в формальном секторе экономики. Остальные из них либо работали в отсутствие формальных трудовых договоров, либо были заняты в неформальной экономике. В то время как для женщин более характерна работа в государственном секторе, далеко немногие из них занимают руководящие позиции. Женщины составляют только одну пятую предпринимателей Кыргызстана.

¹²³ Кыргызстан – Обзор [Kyrgyzstan – Overview], <http://www.wfp.org/countries/kyrgyzstan/overview>, оценка от 3 сентября, 2013 г.

¹²⁴ Всемирный Банк (2007).

¹²⁵ Всемирный Банк, *Kyrgyz Republic Gender Disparities in Endowments and Access to Economic Opportunities*, June 26, (2012 b).

¹²⁶ Национальный Статистический Комитет Кыргызской Республики [National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic], <http://www.stat.kg/stat.files/din.files/census/5010002.pdf>.

¹²⁷ Всемирный Банк (2012 b), 8.

Средний возраст вступления в брак составляет 26,8 лет для мужчин и 23 года для женщин.¹²⁸ Средняя продолжительность жизни мужчин составляет 65,7 лет, а женщин – 73,7 лет. Среднее количество детей у женщин составляет показатель в 3,38 в сельской местности и 2,66 в городских районах. С 1990 года среднее количество детей на одну женщину в сельских районах снизилось, а в городских районах повысилось, что произошло в большей степени из-за внутренней миграции.¹²⁹

Государство обеспечивает систему социальной защиты уязвимых групп населения, включая ежемесячные пособия бедному и нетрудоспособному населению, а также лицам пожилого возраста. Около 12 процентов населения получают какой-либо вид помощи от государства.¹³⁰ Однако, принимая во внимание высокий уровень бедности в стране, меры действующей системы социальной защиты остаются недостаточными. Уязвимые группы населения существенно зависят от программ сокращения бедности со стороны внешних доноров, а также денежных переводов трудовых мигрантов.

Неравномерное и медленное экономическое развитие составляет серьезную преграду для плюрализма в Кыргызстане. Модернизация и свободный рынок создают преимущества только для небольшой части населения, в то время как большинство людей выживают за счет денежных переводов, либо живут в чрезвычайной бедности. Деление общества по экономическому

признаку и несоразмерность развития между городскими и сельскими районами усугубляют конкуренцию в борьбе за земельные и водные ресурсы и за доступ на рынок труда. События в горнодобывающем секторе демонстрируют то, как экономически обездоленные люди становятся легкой добычей предприимчивых политиков, которые нанимают протестующих для того, чтобы противостоять решениям правительства.

Социально-экономическое влияние трудовой миграции

Трудовая миграция оказала колоссальное влияние на экономическое и социальное развитие Кыргызстана. Согласно данным Всемирного Банка, приблизительно 621 000 граждан Кыргызстана (11 процентов от общей численности населения) проживают за границей.¹³¹ Однако бывший Председатель парламентского Комитета по международным делам Каныбек Иманалиев указывает более высокие цифры. По его оценкам, более одного миллиона граждан Кыргызстана или одна пятая общей численности населения страны в настоящее время проживают в России и Казахстане.¹³² В 2013 году доля денежных переводов мигрантов составила 31,5 процентов ВВП. Примерно 90 процентов мигрантов работают в России, обеспечивая 92 процента от общего объема денежных переводов.¹³³ Подавляющее большинство мигрантов работают в России более года, отправляя домой деньги для поддержки своих семей. Размер денежных переводов варьируется от нескольких сотен до нескольких тысяч долларов в год на одного работника. Один из трех мигрантов возвращается домой разочарованным в перспективах трудовой деятельности за границей, и более 60 процентов из них рассматривают вероятность возвращения в Кыргызстан после долгого проживания за границей.¹³⁴

Денежные переводы мигрантов сыграли стабилизирующую роль в экономике Кыргызстана, а также Центральной Азии в целом, во время глобального финансового кризиса в 2008 и 2009 годах. Первоначальные опасения относительно того, что кризис вынудит мигрантов из Центральной Азии возвратиться домой, оказались неверными. Напротив, первоначальный шок от резкого падения размеров денежных переводов в конце 2008 года подтолкнул еще больше кыргызов уехать за границу. Опасаясь того, что кризис может

128 Национальный Статистический Комитет [National Statistical Committee] <http://www.stat.kg/stat.files/din.files/census/5010016.pdf>.

129 Там же.

130 Всемирный Банк (2012 а).

131 The World Bank, *The Migration and Remittances Factbook* 2011. <http://siteresources.worldbank.org/INTPROSPECTS/Resources/334934-1199807908806/KyrgyzRepublic.pdf>

132 Презентация Каныбека Иманалиева на совещании по экономическому сотрудничеству “США-Турция”, Вашингтон, 13 марта, 2013 г. [Presentation by Kanybek Imanaliyev at Turkish-American Alliance, Washington, DC, March 13, 2013]. Также подтверждается другими источниками, включая Евгения Винокурова [Evgeny Vinokurov] (2013), “The Art of Survival: Kyrgyz Labor Migration, Human Capital, and Social Networks”, *Central Asia Economic Paper*, No. 7, Central Asia Program, Elliott School of International Affairs, The George Washington University, April.

133 World Bank (2015).

134 Schmidt and Sagynbekova (2008).

отразиться на местном рынке еще сильнее, многие кыргызы соглашались на низкооплачиваемую работу зарубежом, чтобы не столкнуться с риском безработицы дома. Высокие цены на нефть в 2008 году способствовали сохранению экономической стабильности России и помогли укрепиться объему денежных переводов в 2009 году.¹³⁵ По сравнению с рекордными 1,2 миллиардами долларов в 2008 году, в 2009 году объем переводов упал до 1 миллиарда долларов. В 2010 году он опять поднялся, достигнув 1,16 миллиарда долларов и 1,7 миллиарда в 2012 году.¹³⁶

Согласно расчетам Организации Объединенных Наций, уровень денежных переводов должен был остаться стабильным – или мог несущественно возрасти к 2014 году.¹³⁷ Однако ввиду экономического спада в России в 2014 и 2015 годах, ожидается, что объем переводов также снизится.¹³⁸

Вместо того, чтобы искать работу в крупнейших и наиболее богатых городах России, Москве и Санкт-Петербурге, мигранты из Центральной Азии все больше выбирают такие восточные города России, как Нижний Новгород, Южно-Сахалинск и Екатеринбург.¹³⁹ Трудовые мигранты из Центральной Азии, как правило, сконцентрированы в сферах публичного транспорта, строительства, розничной торговли (на базарах и больших рынках) и уборки улиц в качестве дворников

– сферах, которые не представляют интереса для российских граждан. Как следствие, мигранты в основном конкурируют за рабочие места между собой, нежели чем с российскими гражданами.

В сравнении с другими видами финансовых операций денежные переводы мигрантов представляют собой существенный источник финансовых вливаний Кыргызстана. В 2011 году 1,2 миллиарда долларов в форме переводов составили 22 процента ВВП страны, 524 процента прямых иностранных инвестиций, 315 процентов официальной помощи по содействию развитию, 69 процентов товарного экспорта и 102 процента коммерческого экспорта услуг.¹⁴⁰

Денежные переводы мигрантов также имеют социальные последствия. Они позволяют членам семей мигрантов оставаться в селах и поддерживать социальные отношения, а также поддерживать или улучшать свой общественный статус.¹⁴¹ Социальные отношения сохраняются благодаря тому, что за счет денежных переводов финансируются такие важные в жизни людей ритуальные события, как свадьбы и похороны.

Трудовая миграция, однако, также несет социальные издержки для тех, кто остается в Кыргызстане. Дети, чьи родители трудоспособного возраста работают за границей, воспитываются их дедушками и бабушками. Иногда один из родителей остается дома, в то время как второй проводит длительное время за границей. При этом более тревожным представляется растущее число детей, брошенных за границей одинокими матерями или замужними женщинами, работающими в России.¹⁴² С 2011 года в Кыргызстан были репатрированы 24 новорожденных ребенка, в то время как более пятидесяти детей в настоящее время находятся в российских детских домах. Есть вероятность того, что намного большее количество детей, брошенных кыргызскими матерями, и вовсе не подлежали никакой регистрации в уполномоченных российских органах.

Вместе с тем, трудовая миграция не выход для любого желающего в Кыргызстане. В основном население, располагающее средствами для финансирования поездки за границу, обучения в школе или университете и имеющее доступ к крупнейшим аэропортам, с

135 Dilip Ratha (2012), “Outlook for Migration and Remittances”, World Bank presentation. <http://www.un.org/esa/population/meetings/tenthcoord2012/V.%20Dilip%20Ratha%20-%20Remittances%20and%20their%20costs.pdf>.

136 Migration Policy Institute memo. http://www.migrationinformation.org/datahub/remittances/All_Profiles.pdf.

137 Ratha (2012).

138 Casey Michel, “Drop in Migrant Remittances A Problem for Central Asian Economies”, *The Diplomat*, December 23, 2014.

139 Интервью с экспертом Международной организации по миграции, Бишкек, Февраль 2009 г. [Interview with expert at International Organization for Migration, Bishkek, February 2009].

140 Migration Policy Institute, *Remittances Profile: Kyrgyz Republic*. <http://www.migrationinformation.org/datahub/remittances/KyrgyzR.pdf>

141 Eliza Isabaeva (2011), “Leaving to Enable Others to Remain: Remittances and New Moral Economies of Migration in Southern Kyrgyzstan”, *Central Asian Survey*, 30:3-4.

142 Аида Касымалиева “Брошенных детей становится все больше”, *Azattyk.kg*, 19 февраля, 2013 г.

большей вероятностью будет искать работу в России и Казахстане.¹⁴³ Те, кто хорошо владеет русским языком, с большей вероятностью будут чувствовать себя безопасно и иметь больше возможностей для трудоустройства в странах бывшего Советского Союза, где русский по-прежнему остается основным в межэтническом общении. Доведенные до нищеты семьи, говорящие на кыргызском и живущие в отдаленных районах страны, с меньшей вероятностью смогут найти какой-либо заработок за границей.

Внутренняя миграция

Внутренняя миграция и урбанизация также снизили уровень бедности в Кыргызстане. Внутри страны население перемещается в поисках работы, более широких возможностей в образовании и сельскохозяйственных земель. Многие этнические кыргызы из сельских местностей переехали в Ош и Бишкек, причем миграция в Бишкек в данном случае отражает процесс существенной миграции населения с юга на север.¹⁴⁴ Бишкек и Ош также служат транзитными пунктами для мигрантов, которые переезжают в другие части страны или в Россию и Казахстан. По различным оценкам около 32 процентов мигрантов не регистрируются на новых местах проживания, поскольку они проживают в бишкекских трущобах или новостройках.¹⁴⁵

Уровень эмиграции особенно высок в горных районах, которые в советское время серьезно зависели от субсидий, компенсирующих недород, “развлечения и общественную жизнь” и получение медицинского обслуживания.¹⁴⁶ После земельной приватизации и установления рыночной экономики многим сельским жителям, которые ранее были работниками колхозов, было сложно адаптироваться к ведению индивидуального предпринимательства. Им также было сложно поддерживать темп развития экономики соразмерный с городским, где изменения, как правило, происходят гораздо быстрее, чем в сельскохозяйственном секторе. Ухудшение состояния пастбищ также способствовали переезду многих людей из горных районов.

К середине 2000-х годов более половины городского населения Кыргызстана проживали в Бишкеке.¹⁴⁷ Городская столица извлекла непропорционально большую выгоду от своего экономического роста – феномен, определяемый Всемирным Банком как “однополярное развитие”. Первая волна миграции в пригороды Бишкека началась в конце 1980-х годов. С тех пор было несколько больших наплывов миграции, в особенности ассоциирующихся со сменами режимов в 2005 и 2010 годах. В растущих трущобах Бишкека отсутствовали те блага городской столицы, которыми пользовались другие ее жители, такие как дороги, водопроводная вода, электричество и система канализации. Помимо этого у мигрантов отсутствовала надлежащая регистрация по месту жительства (прописка), которая бы обеспечивала им доступ к таким общественным благам, как образование и медицинское обслуживание. За последнее десятилетие число людей, проживающих в новостройках, выросло с 173 000 до 300 000 человек, большинство из которых намеренно предпочитают жить обособленной жизнью сообществ в зависимости от региона своего происхождения.¹⁴⁸

Вместе с тем, в отличие от широко распространенного мнения, не все жители новостроек получили земли незаконным путем в процессе *самозахвата земель*. Некоторым жителям земельные участки обещали политические лидеры, стремившиеся одержать победу над своими конкурентами. Кроме того, согласно первичным исследованиям, жители новостроек вносят свой вклад в обеспечение стабильности Бишкека путем стимулирования экономической активности в городе. До 17 процентов населения новостроек уже

143 Aziz Atamanov and Marrit van den Berg (2012), “International Labour Migration and Local Rural Activities in the Kyrgyz Republic: Determinants and Trade-offs”, *Central Asian Survey*, 31:2, 119-136. .

144 Aida Aaly Alymbetova, Keneshbek Almakuchukov, Emil Nasritdinov, Ruslan Rakhimov and Bermet Zhu-makadyr kyzy (2013), “Debating Migration in Kyrgyzstan”, *Voices from Central Asia Series*, No. 9 , Central Asia Program, Elliott School of International Affairs, The George Washington University, February.

145 Там же.

146 Там же.

147 Всемирный Банк (2007).

148 Антрополог Э.Насритдинов: 10 мифов о новостройках Бишкека” [“Antropolog E. Nasritdinov: 10 mifov o novostoikah v Bishkeke”], *Tazabek.kg*, 22 апреля, 2013 г.

имеют университетское образование, либо находятся в процессе его получения.¹⁴⁹ Большинство жителей новостроек работают на главных рынках Бишкека – Дордой, Ош и Орто-Сай. Некоторые внутренние мигранты работают в строительном секторе Бишкека и могут быть отнесены к растущему городскому среднему классу.

За последнее столетие городское население Оша также претерпело трансформацию. Население Оша возросло в десять раз с 30 тысяч в 1926 году до более четверти миллиона человек на сегодняшний день. Особенно быстрый рост населения произошел в послевоенный период по окончании Второй мировой войны, когда Ош испытал стремительную индустриализацию. После переезда многие этнические кыргызы селились в квартирных домах, расположенных в районах, где большинство проживающих составляли узбеки. В центральных районах Оша с его характерными для советского города атрибутами: памятником Ленину, центральной площадью, универсамом и ресторанами, население представляло собой этнически смешанное общество. В то время, как советские власти усилили значение этнической принадлежности лиц, население Центральной Азии также стало более современным.¹⁵⁰ К началу 21 века Ош был почти поровну разделен на этнических узбеков (48,3 процента) и кыргызов (43 процента). Русские составляли 2,7 процента от общего количества населения.¹⁵¹ Приблизительно половина всех узбеков Кыргызстана проживает в Оше.

149 Презентация Эмиля Насритдинова “Мифы и реалии Бишкекских новостроек”, Уппсальский университет, 19 декабря, 2012 г. [Presentation by Emil Nasritdinov, “Myth and Realities of Bishkek Novostroiikas”, Uppsala University, December 19, 2012].

150 Liu (2012), 103.

151 Национальный Статистический Комитет Кыргызской Республики [National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic], 2009.

152 “Азамат Акелеев: Расходы на образование составляют 5% от ВВП страны”, Вечерний Бишкек, 27 июня, 2012 г. [“Azamat Akeleev: Education Expenditures Make Up 5% of the Country’s GDP”, *Vecherny Bishkek*, June 27, 2012].

153 Duishon Shamatov (2012), “The Impact of Standardized Testing on University Entrance Issues in Kyrgyzstan”, *European Education*, 44(1), 71-92.

154 Всемирный Банк (2012 а).

155 Всемирный Банк (2012 б).

Образование

После обретения независимости Кыргызстан потерял значительную часть бюджета на образование. Сегодня Кыргызстан тратит приблизительно 5 процентов ВВП на образование и менее, чем 0,2 процента на проведение научных исследований и разработок; значительно ниже, чем в советское время.¹⁵² Конституция гарантирует бесплатное образование вплоть до 9 класса школы (в средней школе 11 классов). И хотя существуют определенные возможности для получения бесплатного высшего образования, обучение в ВУЗе все более повсеместно становится платным. Естественные науки и математическое образование стали особенно проблематичными для изучения на всех уровнях из-за устаревших учебников и недостатка квалифицированных преподавателей. Во многих школах учителя вынуждены преподавать предметы, не входящие в область их основной экспертизы. До сих пор существует унаследованная с советских времен большая разница между качеством образования в русскоязычных и кыргызскоязычных учебных заведениях.¹⁵³

Несмотря на то, что качество образования значительно снизилось после обретения независимости, уровень грамотности населения Кыргызстана остается близким к повсеместному. Уровень посещаемости школы как среди девочек, так и среди мальчиков сохраняется высоким и близок к 90 процентам по всей стране.¹⁴⁷ Показатель поступления в профессионально-технические учреждения вырос за последние десять лет на 71 процент, однако уровень такого обучения зачастую низок, и выпускникам сложно трудоустроиться.¹⁵⁴ Все больше женщин стремятся получить высшее образование. За последние десять лет число женщин, поступивших в университет увеличилось на 34 процента по сравнению с 12 процентами у мужчин.

Однако данные о поступлении могут вводить в заблуждение, поскольку качество обучения в сельских школах остается низким. Число малообразованного населения среди сельской молодежи выросло из-за падающих стандартов образования и увеличения проблемы пропуска уроков из-за детской занятости. Как показывает Таблица 4, уровень знаний подавляющего большинства учащихся во всей

Таблица 4. Дети школьного возраста с уровнем образовательных достижений ниже базового уровня, принятого в Кыргызстане (%) ¹⁵⁶

	Четвертый класс		Восьмой класс	
	Математика	Чтение и понимание	Математика	Чтение и понимание
Баткенская область	67	78	81	85
Чуйская область	64	66	71	60
Иссык-Кульская область	50	61	66	59
Джалалабатская область	60	74	76	79
Нарынская область	58	72	75	69
Ошская область	62	84	79	84
Таласская область	62	77	73	70
Город Бишкек	39	48	53	40
Город Ош	63	79	79	75
Итого по стране	56	69	71	67

Источник: Центр оценки в образовании и методов обучения

стране не отвечает государственным стандартам по математике, чтению и пониманию материала. Бишкек – единственное место, где показатели более половины учащихся соответствуют стандартам.

¹⁵⁶ Определение учащегося с уровнем образовательных достижений ниже базового уровня: “Ученик имеет некоторые фрагментарные, часто не связанные между собой знания по отдельным темам. Он может частично владеть некоторыми отдельными процедурными умениями и практическими навыками, тем не менее, не демонстрирует понимания базовых понятий в изучаемых предметных областях, допускает ошибки даже в несложных стандартных процедурах решения задач и выполнения заданий. Ученик часто не умеет решать несложные задачи реальной жизни, используя приобретенные в школе знания и умения. Таким образом, ученик не имеет знаний и умений, достаточных для дальнейшего успешного обучения и для успешной жизни в обществе.” Центр оценки в образовании и методов обучения, Отчет об основных результатах исследования “Национальное оценивание образовательных достижений учащихся” в 2009 году. Бишкек, с. 4.

¹⁵⁷ Alan DeYoung (2010), *Lost in Transition: Redefining Students and Universities in the Contemporary Kyrgyz Republic*. Charlotte: Information Age Publisher.

¹⁵⁸ Sarah S. Amsler (2009), “Promising Futures? Education as a Symbolic Resource of Hope in Kyrgyzstan”, *Europe-Asia Studies*, 61:7, 1189-1206.

Новая рыночная экономика создала условия для открытия частных школ и университетов, которые располагают более квалифицированным профессорско-преподавательским составом и современными учебниками. Десятки новых частных университетов, колледжей и школ были открыты в Бишкеке и других крупнейших городах. Такое разрастание количества образовательных учреждений отражает как реакцию на спрос на частные школы среди обеспеченного населения, так и представляет собой плоды успешной маркетинговой кампании, расхваливающей университеты как способ выхода на внешний мир за пределами Кыргызстана.¹⁵⁷ Образование в бывших коммунистических странах связывают с влиянием и успешным продвижением как по социальной лестнице, так и в индивидуальном плане. Кроме того, “идея образования”, в особенности университетского, тесно ассоциируется в Кыргызстане с модернизацией и уходом от беспокойного прошлого к многообещающему будущему.¹⁵⁸

Однако поскольку формальное образование не всегда приводит к лучшему экономическому и политическому будущему (хотя для некоторых людей и существует корреляция с более высоким доходом), университеты, стремящиеся получить оплату за обучение, извлекают выгоду из надежд студентов преуспеть в будущем. Практически во всех учреждениях высшего образования, как студенты, так и преподаватели вовлечены в теневую экономику покупки и продажи тестовых вопросов, оценок и даже дипломов.¹⁵⁹ Государственные университеты, предлагающие бесплатное образование, не в состоянии конкурировать с частными институтами, которые зависят от частных “контрактных” студентов, готовых платить за образование.¹⁶⁰

И хотя существует несколько хороших университетов, предлагающих высокий уровень обучения, большинство частных учебных заведений не заинтересованы в подготовке специалистов в области естественных наук и инженерного дела и фокусируются на гуманитарных науках, менеджменте и социальных науках. Результатом этого стал переизбыток выпускников, обладающих похожей квалификацией, что не отвечает потребностям рынка. Более того, падающие академические стандарты не обеспечивают адекватной подготовки выпускников к сложностям рынка труда. Университетское образование, поэтому, может и представляет собой престижное достижение для молодых людей в Кыргызстане, но оно не гарантирует трудоустройства, не говоря уже о профессиональном росте. Существующая сегодня система образования, следовательно, не способна содействовать развитию плюрализма в сфере рынка труда.

159 Исключение составляет Американский Университет в Центральной Азии; хотя университет взимает высокую плату за обучение, в нем в основном отсутствует коррупция среди профессоров и студентов

160 Madeleine Reeves (2005a), “Of Credits, *Kontrakty* and Critical Thinking: Encountering ‘Market Reforms’ in Kyrgyzstani Higher Education”, *European Educational Research Journal*, 4(1).

161 Интервью с лидерами Ата-Мекен, СДПК и меньших оппозиционных партий, которые добивались смещения Акаева, 2005-2009.

162 Там же.

163 Там же.

VII. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРЕМЕНЫ И ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ

Политическое развитие независимого Кыргызстана носит циклический характер с колебаниями между относительной открытостью и авторитаризмом. Насильственная смена власти, произошедшая дважды в течение пяти лет, способствовала установлению со стороны основных участников политического процесса системы, которая бы не допустила консолидации власти в руках одного человека. Неформальные договоренности в прошлом принесли разочарования. Вслед за смещением Акаева конкурирующие между собой оппозиционные лидеры заключили неформальный пакт и выдвинули Бакиева на должность главы государства.¹⁶¹ В то время Бакиева видели как “компромисную фигуру”, которая могла бы сохранить баланс между различными фракциями, при этом не концентрируя власть в своих руках. Его задача заключалась в том, чтобы оправдать ожидания конкурирующих между собой игроков, которые оркестрировали устранение Акаева. Бакиев, однако, быстро отодвинул от власти своих бывших соратников и выдвинул на ведущие позиции небольшую группу лояльных ему людей.¹⁶²

После свержения Бакиева лидеры оппозиции не забыли уроки 2005 года. Вместо того, чтобы в разрешении конфликтующих интересов и управлении государством полагаться на одного человека, они понимали, что для обеспечения честной и справедливой репрезентативности всех игроков было необходимо изменить политическую систему в целом. А именно, если Бакиев был компромисным выбором между конкурирующими политическими силами в 2005 году, “победители” 2010 года фактически перераспределили власть посредством принятия новой конституции и создания двухлетнего переходного президентства.¹⁶³ Такой консенсус был результатом рационального решения членов временного правительства, основанное на новых правилах разделения полномочий, нежели на идеологическом согласии. Политики стремились к сохранению личной власти и интересов путем получения мест в парламенте и участия в назначении правительства.

Конституция 2010 года была построена таким образом, чтобы обеспечить верховенство формализованных правил над практикой применения неформальных патримониальных отношений в политике и бизнесе. Она также стремилась снизить или полностью исключить вероятность очередной насильственной смены режима. Новые конституционные нормы гарантируют, что ни один лидер или политическая сила не в состоянии сконцентрировать в своих руках власть до такой степени, что у них появилась бы возможность отказаться от ее передачи в случае проигрыша на следующих выборах.¹⁶⁴

В результате принятия новой конституции единому политическому лидеру или партии теперь сложнее стать авторитарной силой. Все политические партии признают, что лучше победа посредством выборов, даже если она по-прежнему включает в себя подтасовку голосов и другие недемократические практики. Три конституционные нормы представляются наиболее важными. Во-первых, парламент теперь имеет больше полномочий, чем президент; парламент может быть распущен только, если две-третьи его членов согласятся сложить свои полномочия. Во-вторых, ни одна партия не может получить более 60 процентов мест в парламенте независимо от того, сколько голосов она наберет на выборах, что защищает парламент от появления влиятельной пропрезидентской партии и ставит партию или коалицию большинства наравне с сильной оппозиционной силой. Конституция также закрепляет председательство парламентских комитетов по вопросам бюджета и правопорядка за представителями оппозиции. Парламентское меньшинство может выдвигать своих кандидатов на должности министров. И, наконец, президент может занимать свою должность только один раз на шестилетний срок.

Конституция Кыргызстана 2010 года гарантирует равные права для всех граждан вне зависимости от этнической принадлежности, вероисповедания или пола. Конституционные нормы, касающиеся прав человека, сформулированные ведущими активистами по правам человека в Кыргызстане, гарантируют права всем гражданам Кыргызстана независимо от “пола, расы, языка, инвалидности, этнической принадлежности, вероисповедания, возраста, политических или иных убеждений, образования, происхождения, имущественного или иного положения, а также других обстоятельств”. Более того, закон о выборах предусматривает 30-процентные квоты для женщин, этнических меньшинств и молодых людей в парламенте. Положение о квоте на представительство женщин было в большей степени принято в качестве меры по борьбе с резким падением участия женщин в политике во время правления Бакиева. В парламенте, избранном в 2007 году, не было ни одной женщины-депутата. Все политические партии удовлетворяли требованиям квот на этапе формирования партийных списков перед парламентскими выборами 2010 года, как правило, путем найма лиц, удовлетворяющих условиям более, чем одной требуемой категории (например, молодой русской женщины-кандидата). Однако после выборов доля женщин в парламенте упала до 18 процентов, поскольку часть женщин отказались от своих мест, либо были заменены их коллегами-мужчинами ввиду назначения этих женщин на должности в правительстве.¹⁶⁵

Парламентский эксперимент и последствия для плюрализма

Вслед за сменой режима в 2010 году 27 июня в Кыргызстане прошел референдум по принятию конституции и 10 октября – парламентские выборы. Референдум проходил в относительно спокойной обстановке спустя буквально две недели после насилия в Оше, и несмотря на опасения о том, что насилие может вспыхнуть вновь и помешать процессу голосования. Для многих голосующих референдум стал способом борьбы с нестабильностью путем принятия новой конституции. При 70-процентной явке избирателей приблизительно 90 процентов проголосовавших поддержали новую конституцию и

164 Интервью, Омурбек Текебаев, Вашингтон, Округ Колумбия, Декабрь 2008 г.

165 Список депутатов парламента можно найти на сайте <http://www.kenesh.kg/RU/Folders/235-Deputaty.aspx> (с последними изменениями от 23 августа, 2013 г.).

создание парламентской системы, которая заменяла существующую тогда сильную президентскую власть. ОБСЕ высоко оценила голосование на референдуме, который по всей вероятности был наиболее прозрачным и хорошо спланированным проведенным референдумом из когда-либо имевших место в Кыргызстане.¹⁶⁶

Кыргызстан столкнулся с большей неопределенностью, когда приблизились парламентские выборы в октябре 2010 года. Двадцать девять политических партий зарегистрировались на выборах несмотря на то, что лишь небольшая часть кандидатов была известна широкой публике. Особенно высоким было напряжение среди партий, которые претендовали на получение большинства в парламенте, и теми, для кого преодоление высокого порога репрезентативности (5 процентов голосующих на национальном уровне и 0,5 процентов в каждом из семи регионов и городах Бишкек и Ош) было маловероятным. Перед голосованием президент переходного периода Отунбаева предупредила, что в случае, если политические партии окажутся вовлеченными в насилие, она отменит голосование.

Незадолго до дня выборов было сформировано множество партий. *Ата-Журт* и *Республика* были созданы вскоре после смещения Бакиева Камчыбеком Ташиевым и Омурбеком Бабановым, соответственно. Благодаря популярности их лидеров и проведению интенсивной кампании им удалось получить поддержку избирателей. На фоне произошедших июньских событий апелирование *Ата-Журта* к этно-националистическим идеям обеспечило им поддержку большинства этнических кыргызов, проживающих на юге страны. Кандидаты впервые участвовали в телевизионных дебатах. Кампании партий продвигали скорее индивидуальных политических лидеров, нежели идеи.

166 Organisation for Security and Cooperation in Europe (OSCE) and Office for Democratic Institutions and Human Rights (ODIHR), *Kyrgyz Republic: Constitutional Referendum, 27 June 2010, OSCE/ODIHR Limited Referendum Observation Mission Report*, Warsaw: OSCE/ODIHR, 27 July 2010.

167 “ЦИК Кыргызстана огласил результаты парламентских выборов” [Kyrgyzstan’s CEC has announced the results of parliamentary elections], *Kginform.kg*, 01 ноября, 2010 г.

168 Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ), Отчет миссии по наблюдению за выборами, Варшава: ОБСЕ/БДИПЧ, 20 декабря, 2012 г.

Вопреки скептицизму, первые парламентские выборы, проведенные на основе новой конституции в октябре 2010 года, прошли в спокойной обстановке. Двадцать девять партий выдвинули кандидатов и пять из них преодолели пятипроцентный избирательный барьер: *Ата-Журт* (8,47 процентов, для 28 мест), СДПК (7,83 процентов, для 26 мест), *Ар-Намыс* (7,57 процентов, для 25 мест), *Республика* (6,93 процентов, для 23 мест) и *Ата-Мекен* (5,49 процентов, для 18 мест). Явка избирателей на парламентских выборах составила около 57 процентов.¹⁶⁷ Факт того, что оппозиционные партии (*Ата-Журт*, *Ар-Намыс* и *Республика*) набрали наибольшее количество голосов говорит о том, что временное правительство не вмешивалось в избирательный процесс или не оказывало влияния на Центральную избирательную комиссию (ЦИК) для того, чтобы обеспечить победу собственным партиям. Несмотря на некоторые недостатки, ОБСЕ одобрила выборы, подчеркнув, что свободная среда обеспечила возможность политической конкуренции, и что все политические партии, принимавшие участие в выборах, имели равный доступ к средствам массовой информации. Многие международные наблюдатели назвали эти выборы наиболее свободными и честными в истории Центральной Азии.¹⁶⁸

Несколько политических партий, которые не преодолели пятипроцентный барьер, включая *Бутун Кыргызстан*, отказались признавать официальные результаты. Лидер *Бутун Кыргызстан* Адахан Мадумаров объявил, что не признает своего поражения и потребовал предоставления его партии мест в парламенте. Изначально казалось, что *Бутун Кыргызстан* преодолел необходимый барьер, но после завершительного подсчета всех бюллетеней, квалифицирующий минимум вырос на несколько тысяч голосов. На протяжении нескольких недель после выборов Мадумаров организовывал митинги в Оше и Бишкеке. Частично из-за сложившейся спорной ситуации ЦИКУ потребовалось время для того, чтобы объявить окончательные результаты.

Члены нового парламента, избранного в октябре 2010 года, научились проводить содержательные дебаты по важным вопросам, включая принятие государственного бюджета, урегулирование этнической напряженности на юге Кыргызстана и расследование обвинений

Хроника: основные политические события, 1990-2011.

Период	Событие
Июнь 1990	Этническое насилие в Оше с неофициальным числом погибших, равным 1000 человек.
Октябрь 1990	Верховный Совет Кыргызской ССР выбирает Первым Секретарем Аскара Акаева.
31 августа 1991	Кыргызстан объявляет независимость от Советского Союза.
Декабрь 1995	Президентские выборы: Акаев переизбран, набрав 72 процентов голосов, хотя его соперник Абсамат Масалиев получил широкую поддержку на юге Кыргызстана.
Октябрь 2000	Президентские выборы: Акаев участвует в выборах по избранию на де факто третий срок; выигрывает, набрав 76 процентов голосов; Омурбек Текебаев набирает 14 процентов, Алмазбек Атамбаев набирает 6 процентов.
17 марта 2002	Волнения в деревне Аксы в поддержку оппозиционного депутата парламента Азимбека Бекназарова, пять человек были убиты милицией и силами спецназа.
24 марта 2005	Вслед за сфальсифицированными парламентскими выборами оппозиционные силы собрали в центре Бишкека множество людей. Акаев бежит в Россию. Бывший премьер-министр Курманбек Бакиев из Джалал-Абада становится временным президентом.
Декабрь 2007	Бакиев меняет конституцию, делает свою партию Ак-Жол главной политической силой в стране.
7 апреля 2010	Режим Бакиева свергнут после насильственных протестов в Бишкеке. Более 90 человек были убиты силами Бакиева. Роза Отунбаева назначается Временным Президентом.
10-14 июня 2010	В Оше и Джалал-Абаде вспыхнули этнические столкновения, которые привели к 470 жертвам и десяткам изнасилований, погромов и умышленных поджогов.
27 июня 2010	Временным правительством проведен конституционный референдум.
10 октября 2010	Проведены парламентские выборы, признанные международными наблюдателями свободными и конкурентными.
11 ноября 2011	Президентские выборы: первая в Центральной Азии мирная передача власти в результате проведения выборов, основанных на конкуренции. Алмазбек Атамбаев выигрывает, получив поддержку 63 процентов голосов. Его основными соперниками выступили Камчыбек Ташиев и Адахан Мадумаров.

в коррупции. Однако депутаты также показали незаинтересованность привлекать внешних экспертов для консультаций при разработке и принятии законопроектов. Напротив, в некоторых случаях новые законы противоречат в некоторой части нормам существующих актов или даже ограничивают свободы, гарантируемые конституцией. Несколько депутатов регулярно выступают в защиту демократических принципов, но это отнюдь не помешало парламенту принять законодательные акты, ограничивающие свободу слова, или назначить судей, которые возможно будут защищать интересы правящих партий.

Установление квот для женщин и меньшинств еще не выразилось в плюрализме в парламенте. Необходимо выделить ряд вопросов относительно политических квот и плюрализма. Во-первых, имеющиеся квоты остаются не заполненными, и с момента избрания парламента количество депутатов некыргызов, также как и депутатов-женщин, продолжает уменьшаться. Во-вторых, количество представителей женского пола или этнических меньшинств в той или иной партии не обязательно приводит к большей активности этой партии по вопросам межэтнических или гендерных отношений. Наоборот, некоторые женщины-

депутаты с готовностью голосуют за принятие законов, которые ограничивают права женщин и меньшинств. И, наконец, хотя квоты и были установлены, в парламенте отсутствуют специальные комитеты, которые бы занимались вопросами плюрализма. Существующие комитеты по социальной политике, правам человека, конституционному законодательству и государственному устройству редко занимаются вопросами прав меньшинств или женщин. Даже те депутаты, которые ориентированы на этнический, культурный и гендерный плюрализм, не в состоянии довести эти вопросы до проведения дискуссии на уровне комитетов, не говоря уже о полноценной сессии парламента. В результате этого, националистическим партиям и ультраконсервативным депутатам парламента удалось успешно продвинуть политику этнического и гендерного исключения.

Одним положительным результатом перехода к более сильному парламента стало снижение в стране политически мотивированного насилия. Поскольку в действующем парламенте представлены практически все ведущие силы страны, политическая конкуренция переместилась с улиц во внутрь здания парламента. Во времена режима Бакиева число заказных политических убийств, протестов, сопровождающихся насилием, избиений и убийств журналистов, а также необоснованных арестов лидеров оппозиции достигло новых высот. Это было следствием концентрации власти в руках узкой группировки лиц на верхушке политической лестницы, в то время как другие политические группы потеряли доступ к государственным позициям. Насилие, вспыхнувшее 7 апреля 2010 года, когда Бакиев приказал солдатам стрелять в протестующих на поражение в центре Бишкека, что привело к гибели более 90 человек и сотням раненых, было самой кровавой конфронтацией, когда-либо случившейся в Кыргызстане по сегодняшний день.

Передача президентской власти

На президентских выборах 2011 года Премьер-министр Алмазбек Атамбаев обошел 15 кандидатов, выиграв с 63 процентами голосов при 60-процентной явке избирателей.¹⁶⁹ И хотя сложно было предсказать точные результаты выборов, Атамбаев стал очевидным лидером президентской гонки за несколько месяцев до самого голосования. Его основные конкуренты, Адахан Мадумаров и Камчыбек Ташиев, получили 14,7 процентов и 14,3 процентов голосов избирателей, соответственно. Атамбаев также был единственным кандидатом, заручившимся как минимум 10 процентами поддержки избирателей во всех семи областях страны. Как Ташиев, так и Мадумаров широко известны на юге Кыргызстана и надеялись выйти во второй тур. Перспектива проведения второго тура выборов, в котором Атамбаеву противостоял бы единственный оппонент с юга, угрожал вспышкой регионального соперничества.¹⁷⁰

По сравнению с предыдущими выборами президентская кампания была проведена в наиболее свободной обстановке. Впервые все конкурирующие между собой кандидаты имели возможность принять участие в телевизионных дебатах, во время которых граждане, особенно использующие интернет, могли напрямую задавать вопросы. На дебатах обсуждались насущные экономические и политические вопросы, и большинство кандидатов выступали за усиление верховенства закона, призывали к большему национальному единству на фоне этнического деления и разделений на север и юг, а также отрицали собственную причастность к коррупции. Как и парламентские выборы 2010 года, президентские выборы 2011 года в Кыргызстане ознаменовали собой важнейшую знаковую веху в регионе; передача государственной власти была впервые осуществлена посредством конкурентных выборов.

Изначально для участия в выборах зарегистрировались 86 кандидатов, но 50 из них сошли с дистанции еще до начала официальной кампании. Большинство были не в состоянии собрать необходимое количество подписей, заплатить регистрационный взнос (2200 долларов или 100 000 кыргызских сомов) ЦИКУ, либо сдать экзамен на знание кыргызского языка. Несколько кандидатов, включая Омурбека Текебаева от *Ата-Мекен* и

169 Алмас Исман "В Кыргызстане подвели итоги выборов", *Azattyk.kg*, 31 октября, 2011 г.

170 Erica Marat, "Upcoming Presidential Election Highlights Kyrgyzstan's North-South Divide," *Eurasia Daily Monitor*, 19 September 2011.

Наримана Тулеева от *Ата-Журт*, по-просту решили не принимать участия в выборах.

Более 300 наблюдателей ОБСЕ и 1000 наблюдателей, представляющих неправительственную Коалицию за демократию и гражданское общество, наблюдали за проведением выборов. Согласно ОБСЕ,¹⁷¹ процесс регистрации кандидатов не содержал никаких барьеров и кампания была открытой и основывалась на уважении фундаментальных свобод. Однако сотни граждан не имели возможности проголосовать из-за неполных списков избирателей и сообщалось о нескольких случаях попыток подкупа избирателей, предпринятых сподвижниками Мадумарова. ОБСЕ пришло к выводу, что работа ЦИК была “адекватной, но ей порой не хватало прозрачности”. Большинство наблюдателей согласились с тем, что недостатки выборов не повлияли на результаты в целом.¹⁷²

Все партии, представленные в парламенте, пережили внутренние расколы со времен выборов. Как *Ата-Журт*, так и *Ар-Намыс* голосовали за смену своих лидеров в 2012 году, события, которые, как считали многие, были знаком внутривнутрипартийных разногласий. Более того, несколько депутатов парламента от *Ата-Мекен* и *Республики* вышли из состава своих партий.

Местное самоуправление

В 2012 году в большинстве регионов страны были проведены конкурентные выборы в местные органы самоуправления. Поскольку выборы отличались высокой конкуренцией, политические партии приветствовали их мониторинг в качестве способа предотвращения какого-либо мошенничества со стороны их соперников. Местные выборы позволили местным политическим партиям повысить свои шансы на избрание в следующих парламентских выборах. Впервые ответственность за формирование местных властей была предоставлена политическим партиям, выигравшим соответствующее представительство. С одной стороны, это ознаменовало растущую независимость местных властей, но, с другой, привело к назначению на должности политизированных лиц, у которых отсутствовал адекватный опыт государственного управления. За места конкурировали как крупные партии национального масштаба, так и местные политические силы. При этом партии, представляющие местные политические элиты, бросили серьезный вызов большим партиям.

Местные органы власти, как правило, отличаются более разнообразным этническим составом и более широкой репрезентативностью разных полов по сравнению с национальным правительством. Однако ошский городской совет не отражает разнообразия местного населения. В то время как узбеки составляют почти половину городского населения, узбекские парламентарии занимают только 20 процентов мест в совете (девять из сорока пяти). В совете имеется только семь депутатов женского пола.¹⁷³ Партия мэра Мелиса Мырзакматова *Улуттар Биримдиги* выиграла 47 процентов голосов, обеспечив себе 21 из 45 мест в городском совете.

Городские выборы в Бишкеке в ноябре 2012 года отличались особенно высокой конкуренцией. Регистрацию прошли шестнадцать партий, пять из которых были представлены в парламенте. Многие начали подготовку к выборам за месяцы до их проведения. Поскольку парламентские партии имели больше шансов набрать максимальное количество голосов, кандидаты из более мелких партий и одиночные кандидаты старались попасть в их списки. По итогам голосования лидером

171 Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе/ Бюро по демократическим институтам и правам человека (ОБСЕ/БДИПЧ), *Kyrgyzstan's Presidential Election Was Peaceful, but Shortcomings Underscore Need to Improve Integrity of Process*, News Release [Президентские выборы в Кыргызстане прошли мирно, но их недостатки подчеркнули необходимость повышения прозрачности выборов, Выпуск новостей], 31 октября 2011 г. <http://www.osce.org/odihr/elections/84571>

172 Там же.

173 “В состав Ошского горкенеша вошли всего 7 женщин-депутатов” [Only Seven Female MPs are part of the Osh City Council], *Kyrtag.kg*, 5 апреля, 2012 г.

стала СДПК, занявшая 21 из 45 мест (47 процентов), в то время как *Республика* получила 11 мест. Партии, которые не получили ни одного места, заявляли о подделке результатов голосования в день выборов. Особенно много обвинений было в адрес *Республики* после появления в интернете видео, в котором члены партии усаживали избирателей в автобусы и направляли на избирательные участки в разные точки города.¹⁷⁴

Политические партии и плюрализм

Согласно Министерству юстиции Кыргызской Республики, в Кыргызстане зарегистрирована 181 политическая партия. Пять представлены в парламенте, и несколько более мелких партий представлены в местных органах законодательной власти. Пропорционально-репрезентативная система Кыргызстана способствовала объединению нескольких более мелких партий в политические блоки. Большинство партий – это продукт одного политического лидера, но партию *Замандаш* (что означает “современник”), представляющую интересы трудовых мигрантов и у которой нет одного узнаваемого лидера, можно отнести к редкому исключению. На выборах в Бишкекский городской совет в ноябре 2012 года партия выиграла шесть из сорока пяти мест.

До сих пор конституция оправдывает себя в стремлении построить основу для более стабильной политической обстановки в обществе. Подавляющее большинство населения согласно с тем, что демократия необходима и требует наличия сильной оппозиции.¹⁷⁵ По сравнению с 2011 годом больше людей верит в то, что выразить собственное политическое мнение не составляет для них опасности. Однако в разных регионах уровень удовлетворенности тем, как развивается демократия отличается. Население на юге менее удовлетворено, чем жители сельской местности на севере, в то время как около 45 процентов южан и жителей Бишкека удовлетворены

текущим политическим процессом. Население городов более удовлетворено демократией, чем их сельские соотечественники. Безработица, коррупция и слабое экономическое развитие относятся к наиболее часто упоминаемым политическим проблемам.

Большинство кыргызстанцев имеют доступ к радио и телевизионным каналам, освещающим важнейшие события политического развития страны и регионов. Это ведет к разнообразию высказываемых и демонстрируемых политических взглядов среди различных социальных групп. Однако такое многоголосие мнений редко выражается в политическом участии за пределами избирательного процесса. Лишь малая доля населения имеет членство в политических партиях, тогда как большинство людей знакомо с отдельными политическими лидерами, а не их партийными платформами.

Опросы избирателей, проведенные в 2012 году, указали на региональные различия в оценке справедливости президентских выборов 2011 года. На севере Кыргызстана почти 90 процентов опрошенных назвали выборы свободными и справедливыми. Иная картина сложилась на юге страны, где всего 40 процентов отметили, что голосование было “отчасти свободное и справедливое”, а 33 процента назвали выборы “несвободными и несправедливыми”. По всей стране подавляющее большинство людей (70 процентов населения) не согласны с тем, что их интересы представлены в парламенте. Подобная негативная оценка незначительно выше в крупнейших городских районах страны, с 74 процентами среди жителей Оша и 80 процентами в Бишкеке.¹⁷⁶ Только два процента жителей Оша согласны с тем, что национальный парламент действительно представляет их интересы. Более одной трети жителей Джалал-Абада согласны с тем, что их интересы в парламенте представлены надлежащим образом, возможно, подразумевая под представлением их интересов присутствие партии *Ата-Журт*, так как ее лидеры – выходцы из этого региона.

Количественные исследования, проведенные после июньских событий 2010 года, указывают на то, что во время проведения выборов этнические узбеки также политически активны, как и остальная часть населения. Хотя при индивидуальных интервью этнические узбеки

174 Зарема Султанбекова, “ЦИК изучает видео ‘Карусель от партии Республика’” [SEC is Investigating ‘Respublika party’s carousel’ video], Kloop.kg, 27 ноября 2012 г.

175 International Republican Institute, *Kyrgyzstan National Opinion Poll*, February 2012. <http://www.iri.org/sites/default/files/2012%20April%2011%20Survey%20of%20Kyrgyzstan%20Public%20Opinion%2C%20February%204-27%2C%202012.pdf>

176 OHCHR ROCA (2011).

умалчивают об активной вовлеченности в политические процессы, исследования показывают, что около 80 процентов узбеков принимали участие в голосовании на выборах.¹⁷⁷ Однако данные свидетельствуют о том, что хотя этнические узбеки и могли принимать участие в формальных процедурах политического процесса, таких как голосование, они не видят себя в качестве составляющей этого политического процесса.¹⁷⁸ Данные SIAR показывают, что половина этнического узбекского населения не ведают, представлены ли их интересы в парламенте; это указывает на более широко распространенную неуверенность в политическом процессе, чем у какой-либо другой этнической группы. Всего 8,6 процентов этнических узбеков верят в то, что их интересы представлены адекватно (по сравнению с 19 процентами по всей стране).¹⁷⁹ Более мелкие группы этнических меньшинств еще более скептически по поводу политической представленности их интересов в парламенте: всего 6,6 процентов русских и 7,1 процентов турок считают, что они представлены адекватно.

Опросы общественного мнения, проведенные в феврале 2013 года, показывают, что городское население, особенно в Бишкеке, склонно рассматривать свои экономические возможности более негативно, чем сельское население.¹⁸⁰ Только 29 процентов опрошенных в Бишкеке по сравнению с 54 процентами в Оше считают экономическую ситуацию в Кыргызстане стабильной. Чувство удовлетворенности экономикой совпадает с восприятием стабильности в Кыргызстане. Около половины жителей Ошской и Баткенской областей удовлетворены экономикой, и

около половины также считают политическую ситуацию стабильной. В Бишкеке, как и в Чуйской, Таласской, Нарынской и Джалал-Абадской областях, свыше 60 процентов населения считают Кыргызстан политически нестабильным. Процентное соотношение людей, которые опасаются нестабильности, ниже в Оше (44 процента) и Баткене (51 процент). В национальном масштабе 39 процентов населения считают политическую ситуацию стабильной при том, что молодые респонденты более оптимистичны, чем представители более старшего поколения. Понимание демократии среди молодых людей различается – некоторые ассоциируют демократию с политическим хаосом, другие со свободой выбора.¹⁸¹ В феврале 2012 года при опросе респондентов об их опасениях и страхах упоминалась вероятность прежде всего гражданской войны (44 процента), затем нестабильность в стране (36 процентов) и безработица (35 процентов). В Оше по сравнению с этническими кыргызамаи (19 процентов) этнические узбеки (40 процентов) в два раза чаще называли безработицу в качестве наиболее серьезной проблемы.¹⁸² Менее четверти населения опасаются экономического кризиса или насильственных демонстраций. Однако 18 процентов боятся повторения событий 2010 года, а именно, смены режима и этнического насилия.¹⁸³

В целом по стране большинство опрошенных по всем регионам считают, что их экономическое состояние в ближайшем будущем улучшится. По всему Кыргызстану около 20 процентов населения причисляют свое экономическое состояние к бедному, в то время как остальные им удовлетворены.

177 Там же.

178 Интервью, представитель международной организации, оказывающей финансовую помощь, Бишкек, 12 июня 2013 г.

179 SIAR (2013).

180 Коалиция за демократию и права человека, *Социальное самочувствие населения: отчет по результатам телефонного опроса граждан Кыргызстана* [Social attitudes of the population: A report of a telephone survey of Kyrgyzstan's citizens], Бишкек, февраль 2013 г.

181 Saferworld, "Nobody Has Ever Asked About Young People's Opinions: Young People's Perspectives on Identity, Exclusion and the Prospects for a Peaceful Future in Central Asia", March 2012. <http://www.saferworld.org.uk/downloads/pubdocs/037%20CAsia%20web.pdf>.

182 SIAR (2013).

183 International Republican Institute (2012).

VIII. ГЕНДЕРНЫЕ ВОПРОСЫ

Распад Советского Союза нарушил систему государственных субсидий, позволявших женщинам поддерживать баланс между семьей и работой. Советская идея о работающей матери, которая бы умело сочетала воспитание детей со своей карьерой, стала недостижимой. Наблюдалось падение зарплат госслужащих, прекратилось госфинансирование детских садов, а размер пособий, выплачиваемых в период декретного отпуска, опустился ниже уровня прожиточного минимума.¹⁸⁴ В результате с 81,6 процентов в советское время до 42,3 процентов в независимом Кыргызстане.¹⁸⁵

Совокупность экономических изменений и возрождение обычаев и традиций подтолкнули многих женщин к более раннему вступлению в брак и рождению детей, а также к дополнительному бремени в виде неоплачиваемой работы по дому. В особенности в сельских районах роль женщины в обществе сократилась до выполнения функции деторождения. Материнство стало синонимом патриотизма и приверженности культурным традициям.¹⁸⁶

В сельских и урбанизированных районах Кыргызстана женщины сталкиваются с различными проблемами. В сельской местности уровень материнской смертности вырос, тогда как в городах этот показатель снизился.¹⁸⁷ Хотя женщины по всей стране имеют доступ к

рождению детей в родильных домах, учреждения здравоохранения в крупных городах значительно лучше, чем в сельских районах. Девочки в сельской местности, как правило, бросают школу чаще и в более раннем возрасте, чем их городские сверстницы.¹⁸⁸ Количество девочек, оканчивающих школу, ниже, чем количество мальчиков, что особенно характерно для Таласской и Нарынской областей. В Ошской области только 90 процентов оканчивают школу. Хотя этот показатель может казаться высоким, он остается самым низким по стране. Девушки составляют большинство студентов ВУЗов по всей стране, за исключением Бишкека. Это позволяет предположить, что мужчины с большей вероятностью начинают работать сразу после окончания школы вместо продолжения обучения.

Сталкиваясь с растущим традиционализмом, девушки и женщины в возрасте от 16 до 25 лет становятся все более мобильными. Миграция в Бишкек, Россию и Казахстан предоставляет им возможность вырваться из сложившейся среды.¹⁸⁹ Особенно для женщин из сельских районов миграция предоставляет возможность эмансипации и доступа к получению самостоятельного дохода, наличие которого поощрялось в советское время. Однако, с другой стороны, от женщин в сельской местности, которые остаются дома для воспитания детей, в то время как их мужья уезжают на заработки, ожидается, что они будут выполнять традиционные мужские обязанности, такие как сбор урожая и управление тяжелой техникой.

Рыночная либерализация и приватизация земли и недвижимого имущества загнали женщин в уязвимое положение. По закону каждый житель сельской местности имеет право на землю. Однако женщины часто теряют свою долю в земельных участках, когда выходят замуж и оставляют родительский дом.¹⁹⁰ Землю и другое семейное имущество обычно наследуют сыновья. Рост неофициальных браков и многоженства, поддерживаемых местным мусульманским духовенством, поставил женщин под угрозу не получения алиментов и имущества после развода.¹⁹¹ Это существенные потери, учитывая, что в Кыргызстане 31 процент детей рождаются вне официального брака. Из них 40 процентов рождаются у матерей-одиночек, а остальные регистрируются как имеющие двух родителей, которые, как можно предположить, не состоят в официальном браке.¹⁹²

184 Gulnara Ibraeva, Anara Moldosheva, and Anara Niyazova (2011), "Kyrgyz Case Study", *Background Paper, Gender Development and Equality*, World Development Report 2012; Kathleen Kuehnast (1998), "From Pioneers to Entrepreneurs: Young Women, Consumerism, and the 'World Picture' in Kyrgyzstan", *Central Asian Survey*, 17:4, 639-654.

185 Ibraeva (2011).

186 Там же, 27.

187 Там же, 14.

188 Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, «Женщины и мужчины Кыргызской Республики», Бишкек, 2012, <http://unitekyrgyzstan.kloop.kg/files/2013/09/stat.jpeg.pdf>, 26.

189 Для примера см.: "Мунара Бекназарова: Ала качуу станет легендой", Вечерний Бишкек, 9 августа 2012 г.; Екатерина Иващенко, "Украл - изнасиловал - женился. Джигит!", Фергана, 15 мая 2012 г.

190 Ibraeva (2011), 33.

191 Venera Djumataeva, "In Kyrgyzstan, Polygamy's Rise Takes Its Toll", *Azattyk*, March 8, 2010.

192 Национальный статистический комитет Кыргызской Республики (2012).

Ситуация женщин-представительниц этнических меньшинств может быть особенно уязвима в период политической нестабильности. В начале 1990-х годов на фоне растущего национализма в Кыргызстане этнические русские женщины, ранее ведущие активный образ жизни, предпочитали общественную изоляцию.¹⁹³ Недостаток знания или отсутствие интереса к изучению кыргызского языка осложнили возможность адаптации этнически русских женщин в условиях, когда использование их родного языка в рабочей среде не только перестало быть обязательным, но и часто вызывало неодобрение со стороны коллег-кыргызов. По имеющимся данным, после трагических событий в июне 2010 года, этнические узбекские женщины также стали более изолированы в общественной жизни.

Кража женщин

Кража женщин для брака (*ала качуу*) – наиболее тревожный пример того, как на фоне слабости государства обычаи досоветского периода стали по-новому интерпретироваться в качестве истинно кыргызских традиций. На самом деле научный консенсус по поводу того, относится ли *ала качуу* (что переводится как “хватай и беги”) к кыргызским обычаям, отсутствует.¹⁹⁴ Исследования показывают, что до 20-го века этот обычай был редкостью, и за его применение регулярно наказывали. В то время как в советской Киргизии этот обычай продолжил свое существование в сильно измененном

виде, с получением страной независимости он приобрел повсеместное применение. Сегодня до 60 процентов женщин вынуждены вступать в брак после пережитого ими похищения. Эта практика варьируется от насильственного похищения женщин с их последующим изнасилованием до инсценировки ритуала “демонстрирующего взаимное согласие” сторон. Подавляющее большинство женщин, похищенных для принуждения к браку, до этого никогда не встречали своих потенциальных мужей.¹⁹⁵

В 2012 году две молодые женщины, похищенные с целью женитьбы, совершили самоубийство. Возмущенные неправительственные организации потребовали от парламента сделать кражу невест незаконным, подчеркивая, что даже кража скота считалась более тяжким преступлением.¹⁹⁶ Усилия депутата от партии *Ата Мекен* Айнуру Алтыбаевой и ее сотрудничество с неправительственными организациями стали редким примером работы парламента с гражданскими активистами с целью признания кражи женщин преступлением. Хотя криминализация практики похищения невесты не привела к масштабному привлечению виновных к уголовной ответственности по всей стране, по данным СМИ, больше случаев кражи женщин ведут к уголовному преследованию.

Некоторые неправительственные организации выступают против классификации похищения женщин в невесты в качестве отдельного вида похищения людей, поскольку они опасаются, что выделение женщин в отдельную категорию может привести к тому, что похищение невесты будет рассматриваться как менее тяжкое преступление, чем торговля людьми. Однако за последние два десятилетия действующее законодательство, предусматривающее привлечение к уголовной ответственности виновных в похищении женщин в невесты, было применено только в отношении нескольких случаев.

Женщины и политика

Несмотря на то, что 90 процентов руководителей в секторе неправительственных организаций – женщины, они остаются в меньшинстве на высших государственных постах.¹⁹⁷ По всей стране женщины занимают только 20 процентов управленческих позиций в частном секторе. Наилучшим образом женщины представлены в частном секторе города Оша (34 процента), Чуйской области (33

193 Толгонай Осмонгазиева, “Из постановления ЖК исчез скандальный возрастной ценз на выезд кыргызстанок”, Вечерний Бишкек, 13 июня 2013 г.

194 Russell Kleinbach, Mehrigül Ablezova and Medina Aitieva (2005), “Kidnapping for marriage (ala kachuu) in a Kyrgyz village”, *Central Asian Survey*, 24:2, 191-202; Cynthia Werner (2009), “Bride Abduction in Post-Soviet Central Asia: Marking a Shift Towards Patriarchy through Local Discourses of Shame and Tradition”, *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 15(2), 314–331.

195 Russ Kleinbach and Lilly Salimjanova (2007), “Kyz ala kachuu and Adat: Nonconsensual Bride Kidnapping and Tradition in Kyrgyzstan”, *Central Asian Survey*, 26:2, 217-233.

196 See for example: “Munara Beknazarova: Ala kachuu pust’ stanet legendoi” [Munara Beknazarova: Let Bride Kidnapping Become a Legend], *Vecherny Bishkek*, August 9, 2012; Ekaterina Ivaschenko, “Украл - изнасиловал - женился. Джигит!” [Stolen, Raped, Married. Hero!], *Ferghana*, May 15, 2012.

197 Swanee Hunt (2007), “Let Women Rule”, *Foreign Affairs*, 86(3), 109-120.

процента) и Бишкека (41 процент). В Баткене, самом бедном регионе Кыргызстана, женщины занимают всего 12 процентов управленческих должностей. Женщины составляют примерно одну треть от общего количества служащих органов местного самоуправления. К одной из причин того, почему женщины предпочитают оставаться в неправительственном секторе, относится низкий уровень зарплат государственных служащих. Женщины, которые становятся членами парламента и правительства, зачастую пользуются финансовой поддержкой их семей, либо беднее своих коллег-мужчин.

Вопросы гендерного характера часто рассматриваются с глубоко патриархальной точки зрения; а именно, путем возложения вины на жертву вместо того, чтобы находить решения по поддержке уязвимых групп. В 1990-х годах и снова в период правления Бакиева парламент обсуждал возможность легализации многоженства как способа борьбы с бедностью и проституции среди женщин.¹⁹⁸ Турсунбай Бакир улуу, бывший депутат парламента от партии Ар-Намыс, регулярно выступает за введение контроля за тем, как девочки и женщины могут одеваться на публике.

Факт того, что женское представительство в парламенте не приводит к улучшению ситуации по защищенности прав женщин, был четко продемонстрирован бывшим депутатом парламента от социал-демократов Ыргал Кадыралиевой. Депутат получила свое место в парламенте по гендерной квоте и внесла законопроект о запрете женщинам моложе 22 лет выезжать на заработки за границу без согласия родителей. Она представила свою инициативу как попытку

защитить кыргызских женщин от проституции и насилия за рубежом после широко освещаемого в СМИ случая жестокого избиения женщины кыргызскими мужчинами в Москве. Онлайн-видеоролик, запечатлевший жестокое избиение кыргызстанки “патриотами”, которые хотели наказать женщину за “проституцию” с мужчинами из Таджикистана, быстро набрал популярность в Интернете.¹⁹⁹ Парламент утвердил предложение Кадыралиевой без возрастного ценза и в таком виде, что он не имел обязательной силы.²⁰⁰ На практике власти не могут препятствовать молодым женщинам уезжать за границу без родительского согласия. Однако этот закон создает юридическое основание для выборочного применения ограничений на поездки на уровне отдельных семей.

По мере того, как массовые протесты в Кыргызстане стали происходить с большей периодичностью, женщины часто принимают участие в митингах в Бишкеке и в других регионах страны. Поскольку видеть женщин, выкрикивающих ругательства в адрес сотрудников правоохранительных органов и призывающих других протестующих к неповиновению властям, стало распространенным явлением, такие женщины-протестующие получили прозвище “Отряд баб особого назначения” или “ОБОН”, трядом милиции особого назначения.²⁰¹ В Кыргызстане ОБОН имеет определенно негативную окраску, подразумевая необразованных жительниц сел, готовых за небольшую плату чинить беспорядки в столице. Согласно бытующим стереотипам, этих женщин считают нетрезвыми и истеричными. Эти женщины ошибочно называют себя последовательницами Курманжан Датки – кыргызского государственного деятеля, которая сначала сопротивлялась, но позднее напротив убедила своих соотечественников войти в состав Российской империи в 19 веке.²⁰²

Однако руководитель одной из неправительственных организаций и современная феминистка утверждает, что независимо от того, платят ли женщинам за их участие в акциях протеста или нет, ОБОН не должен быть термином оскорбительного характера, поскольку он символизирует женское участие в общественной жизни.²⁰³ Популяризируя гендерные права, бишкекские феминистские группы использовали некоторые тактические методы, схожие с теми, которые обычно считаются организуя протесты перед зданием парламента, выкрикивая лозунги и убеждая сотрудников правоохранительных органов поддержать их

198 “Kyrgyz Lawmakers Reject Decriminalizing Polygamy”, *Azattyk*, March 23, 2007.

199 *Azattyk*, May 31, 2013 г. Из постановления ЖК исчез скандальный возрастной ценз на выезд

200 Tolgonay Osmongazieva, “Из постановления ЖК исчез скандальный возрастной ценз на выезд кыргызстанок”, *Vecherny Bishkek*, June 13, 2013.

201 “Rent-a-mob Protests in Central Asia”, *Institute for War and Peace Reporting*, January 6, 2012.

202 2013 году президент Атамбаев пристыдил женщин ОБОН за блокирование магистрали Бишкек-Ош, говоря о том, что они не могут сравнивать себя с Алмазбек Атамбаев раскритиковал матерей-героинь, перекрывавших дорогу, *Knews*, 12 июня 2013 г.

203 Интервью с феминисткой-руководителем неправительственной организации, Бишкек, октябрь 2012 г.

действия. В соответствии с этой точкой зрения, прозвище ОБОН символизирует общественный дискомфорт по отношению к женщинам, играющим активную политическую роль в обществе.

IX. ВЫЗОВЫ ПЛЮРАЛИЗМУ

За сменой режима в Бишкеке в 2010 году последовала целая серия насильственных инцидентов, подпитываемых этническим, экономическим и политическим неравенством. Это подчеркнуло отсутствие контроля над значительной частью страны и местными политическими силами у нового правительства.²⁰⁴ Так, например, большая часть милиции в Оше была лояльна мэру города Мелису Мырзакматову, а не центральному правительству.²⁰⁵ В результате неэффективного управления переходного правительства политические разногласия быстро переросли в крупномасштабный межэтнический конфликт.²⁰⁶

Когда режим Бакиева пал, местные власти и население юга страны отказались признавать легитимность нового Переходного правительства. Поэтому бежав из Бишкека

7 апреля, Бакиев нашел убежище в своем родном южном городе Джалал-Абаде. Чтобы удержаться у власти, он предпринял ряд попыток мобилизовать толпы в Оше и Джалал-Абаде, но потерпел неудачу. Некоторые члены Переходного правительства обратились к Кадыржану Батырову, известному предпринимателю узбекского происхождения, основателю Университета дружбы народов в Джалал-Абаде и бывшему члену парламента. На фоне смены режима в апреле 2010 года он помог новому правительству уменьшить влияние Бакиева на юге страны.²⁰⁷ Бакиев и Батыров имели конфликтующие интересы, но эти разногласия касались бизнеса и политического представительства, а не этничности. Однако запутанные отношения между Переходным правительством и предпринимателем быстро окрасились в этнические тона, когда Батыров публично призвал к более широкому политическому представительству узбеков.²⁰⁸

События приобрели более угрожающий характер, когда между этническими кыргызами и этническими узбеками вспыхнули столкновения. 19 мая 2010 года около полутора тысячи человек приняли участие в шествии к Университету дружбы народов в городе Джалал-Абад, требуя от Переходного правительства прекратить поддержку Батырова. По имеющимся данным, в толпе доминировали этнические кыргызы, которые по-прежнему поддерживали Бакиева и обвиняли Батырова в участии в поджоге дома свергнутого президента в селе Тейит.²⁰⁹ Против собравшейся толпы мобилизовались сотни местных этнических узбеков. Всего перед университетом собралось около пяти тысяч человек. В результате столкновений двое этнических кыргызов погибли от огнестрельных ранений и более 60 человек пострадали.²¹⁰

Будучи одним из богатейших предпринимателей Джалал-Абада, Батыров обладал большим политическим влиянием. В интервью местному новостному онлайн-агентству он заявил, что “узбекская диаспора” больше не желает быть простым наблюдателем и готова стать частью политического процесса в стране.²¹¹ Некоторые его критики списывают подобные призывы к мобилизации узбеков на его попытки по-просту защитить свои бизнес-интересы в Джалал-Абаде и расширить свое политическое влияние. Однако другие интерпретировали такие заявления как призыв узбеков к территориальной автономии от Кыргызстана.²¹²

204 Scott Radnitz (2010), “Competing Narratives and Violence in Southern Kyrgyzstan”, *PONARS Policy Memo* No. 105; Freedom House, Memorial Human Rights Center and Norwegian Helsinki Committee, *A Chronicle of Violence: The Events in the South of Kyrgyzstan in June 2010* (Osh Region), February 2012. <http://www.freedomhouse.org/report/special-reports/chronicle-violence-events-south-kyrgyzstan-june-2010-osh-region>.

205 “Kyrgyzstan: A Nazi and a Drug Lord in Charge of Police in Osh?”, *Ferghananews.com*, January 17 2012.

206 Kyrgyzstan Inquiry Commission (KIC), *Report of the Independent International Commission of Inquiry into the Events in Southern Kyrgyzstan in June 2010* (Osh: KIC, May 2011), 44, http://www.k-ic.org/images/stories/kic_report_english_final.pdf, ii.

207 Anna Matveeva (2010), “Kyrgyzstan in Crisis: Permanent Revolution and the Curse of Nationalism”, *Crises State Research Centre Working Papers* No. 79, сентябрь..

208 International Crisis Group, *The Pogroms in Kyrgyzstan*, August 23, 2010.

209 David Trilling (2010), “Ethnic Violence in Kyrgyzstan Presents New Test for Provisional Government”, *Eurasianet.org*, 19 мая 2010 г.

210 Iliya Lukashov and Dina Tokbaeva, “Spectre of Ethnic Violence in Kyrgyzstan”, Institute for War and Peace Reporting, *IWRPnet*, May 19, 2010.

211 «Кадыржан Батыров: Мы надеемся, что кыргызское правительство учтет наши интересы» www.ca-news.org, 19 мая 2010 г.

212 Melvin (2011).

В мае и в июне 2010 года слухи о мобилизации этнических групп сыграли решающую роль в разжигании настроений толпы. Представители власти также были источником распространения некоторых подобных слухов. В мае заявление Батырова о том, что для узбеков наступило время требовать политического представительства, были интерпретированы политической элитой как предупреждение о том, что узбеки готовятся мстить за кровавые расправы 1990 года.²¹³ Спустя три месяца после столкновений в Оше Батыров в своем видеообращении, обнародованном после его побега из Кыргызстана, опроверг слухи о том, что он пытался отделить районы страны с узбекским большинством и создать автономию.²¹⁴ Батыров признался, что Отунбаева и другие члены Переходного правительства обратились к нему за помощью, чтобы после побега Бакиева в Джалал-Абад не допустить его поддержки узбеками в южном Кыргызстане. Он указал на различные социальные проблемы и обвинил отдельных «политических авантюристов» в разжигании беспорядков и избегании ответственности. Члены Переходного правительства опровергли свое сотрудничество с Батыровым.

10 июня драка между молодыми посетителями бара в Оше переросла в одно из самых кровавых межэтнических столкновений в новейшей истории Кыргызстана. Столкновения между кыргызами и узбеками продолжались около четырех дней, в результате которых погибли более 470 человек, и около 400 тысяч узбеков были вынуждены бежать, бросив свои дома. Большинство узбекских районов и бизнесов в районе Оша были разграблены и сожжены. Наблюдатели сообщали о фактах применения пыток, вымогательств и незаконных арестов в ходе последовавших за этими событиями милицейских рейдов

213 Там же.

214 Обращение Кадыржана Батырова на канале Youtube 11 сентября 2010 г., <<http://www.youtube.com/watch?v=ArbBU2noK0g>>.

215 Human Rights Watch, *Where is the Justice? Interethnic Violence in Southern Kyrgyzstan and its Aftermath*, 16 августа 2010 г.; International Crisis Group, *The Pogroms in Kyrgyzstan*, 23 августа 2010 г.

216 Human Rights Watch (2010).

217 Kyrgyzstan Inquiry Commission (KIC) (2011), ii.

218 Laruelle (2012).

219 Megoran (2012).

220 Laruelle (2012).

221 KIC (2011); Melvin (2011).

в узбекских районах.²¹⁵ Когда 11 июня волна насилия стала распространяться по Ошу, кыргызская армия была плохо организована и зачастую реагировала на слухи, распространяемые провокаторами.²¹⁶

13 июня милиции был дан приказ стрелять на поражение, однако милиционеры тогда уже использовали огнестрельное оружие против мирных жителей. Беспорядки были прекращены на четвертый день. Отунбаева была вынуждена призвать резервистов для поддержания круглосуточного комендантского часа в городе. Несмотря на призыв Бишкека, Москва отказалась вводить войска в рамках Организации Договора о коллективной безопасности для подавления насилия, аргументировав свое решение тем, что разрастающийся межэтнический конфликт был внутренним делом Кыргызстана.

Большинство жертв были этническими узбеками, однако среди этнических кыргызов также были серьезные потери.²¹⁷ Комиссия по расследованию событий в Кыргызстане (КИС) отмечала, что официально было заявлено о меньшем количестве убийств, изнасилований, пыток и других форм преступных насильственных действий в ходе и после беспорядков, чем их произошло на самом деле. Множество единиц разграбленного оружия остались в свободном обороте и могут быть применены в будущих столкновениях.

Реакция кыргызских СМИ на беспорядки была агрессивной – от обвинений этнических узбеков в том, что они стремились отделиться от Кыргызстана до открытых призывов к продолжению межэтнического насилия.²¹⁸ Реакция узбекской диаспоры и СМИ Узбекистана были аналогично беспощадными – они обвиняли кыргызский национализм в разжигании и укрывании насилия.²¹⁹ Русскоязычные СМИ Кыргызстана были менее агрессивными, но воздерживались от выражения симпатий к узбекам или изложения узбекской интерпретации волны насилия.²²⁰ В западных СМИ присутствовала тенденция изображения кыргызов в качестве “злодеев”, а узбеков – как жертв беспорядков, не учитывая сложные внеэтнические факторы, спровоцировавшие столкновения.

В докладах Комиссии и других организаций вина за произошедшее насилие возлагается на политический фанатизм.²²¹ Комиссия не нашла свидетельств участия в

столкновениях организованных преступных группировок или “третьих сил”. Вместо этого, она указала, что беспорядки скорее всего вспыхнули из-за местных экономических, политических и социальных факторов. Военные и гражданские власти по большей части оказались неспособны остановить кровопролитие и предотвратить незаконный захват оружия теми, кто напал на узбекские районы. Комиссия также отметила, что отдельные представители власти подозревались в соучастии в преступлениях против человечности. Большинство лиц, названных в этом докладе, занимают должности в правительстве или относятся к членам парламента.

Правительство Кыргызстана не стало блокировать международное и внутреннее расследование, однако подвергло сомнению некоторые аспекты подхода Комиссии. Мира Карыбаева, заведующая отделом этнической, религиозной политики и взаимодействия с гражданским обществом в аппарате временно исполняющего обязанности президента, утверждала, что хотя Комиссия и признала слабость государственной власти и общую хрупкость этнической ситуации в Кыргызстане, оценка этому конфликту была дана так, “как если бы Кыргызстан являлся сильной страной с функционирующими государственными институтами, полным контролем за всей территорией государства, сильными вооруженными силами, которые адекватно вооружены и обеспечены, и хорошим пониманием прав человека”.²²² По ее словам, было очевидно, что ничего из вышеперечисленного в Кыргызстане не было, когда разгорелся конфликт.

Ряд парламентариев попытались дискредитировать Киммо Кильюнена, депутата финского парламента и руководителя Комиссии, потому что в докладе этого органа их обвиняли в неспособности предотвратить жертвы в Оше. Официальные лица в Бишкеке также

высказывались против этого расследования из-за опасений того, что результаты доклада Комиссии могут привести к новым межэтническим столкновениям. В конце мая 2011 года 95 депутатов парламента проголосовали за объявление Кильюнена *персоной нон грата*.²²³ Неспособность политического истеблишмента допустить свободу высказываний на эту чувствительную тему ограничивает возможности достижения общественного консенсуса среди населения о причинах насилия. Месяц спустя парламента запретил “создание моноэтнических” районов компактного проживания на этнически смешанных территориях, а также в местах, где в прошлом происходили межэтнические столкновения. Эта мера должна была обеспечить контроль за свободой передвижения этнических меньшинств внутри страны и ограничить их права на сохранение своей этнической идентичности и культурного наследия путем проживания вместе с другими представителями своей группы. Однако она так и не была реализована.

Между вспышками насилия в южном Кыргызстане в июне 1990 и июне 2010 годов существуют неопровержимые параллели. Тлеющая напряженность по поводу доступа к ресурсам и политического представительства вызвали столкновения именно в то время, когда центральная власть была особенно обессилена и неспособна контролировать территорию страны. В 1990 году беспорядки разразились тогда, когда кыргызам выделили землю и имущество в районах Оша с преобладающим узбекским населением. В то время узбеки уже были недовольны своим уменьшающимся политическим представительством в местных органах власти.²²⁴ Ощущаемое неравенство при распределении ресурсов в связке с растущим националистическим движением в Кыргызстане и Узбекистане спровоцировали межэтнические столкновения, погромы и изнасилования в июне 1990 года. По неофициальным данным, тогда погибло около 1000 человек.²²⁵ Сразу после начала столкновений в город были введены советские войска, которые погасили разгорающийся конфликт. Хотя официальное расследование так и не было проведено, 46 предполагаемых зачинщиков кровопролития, в основном этнические кыргызы, были признаны виновными и приговорены к различным срокам вплоть до 18 лет тюремного заключения.

222 Ravshanbek Sabirov, Mira Karybaeva, Erikinbek Mamyrov, and Dmitry Kabak, “Kyrgyzstan Inquiry Commission Report: A Response from the Kyrgyz Government” (дискуссия, Национальный демократический институт, Вашингтон, 24 мая 2011 г.).

223 Киммо Кильюнен объявлен персоной нон грата в Кыргызстане”, *Vesti.kg*, May 26, 2011.

224 Tishkov (1995).

225 Там же.

После вспышки насилия в июне 2010 года произошло массовое бегство этнических узбеков из Кыргызстана в основном в Россию. По официальным данным, в 2010 году из страны выехало 13132 узбека, в 2011 году – 8751, в сравнении с тем, что всего 3145 человек покинули страну в 2009 году.²²⁶ Судя по показателям узбекской эмиграции в период правления режима Бакиева, когда наибольшее количество узбеков, покинувших страну за один год, было отмечено в 2007 году (6778 человек), официальные данные вероятно занижены.

Неравное правосудие после межэтнических столкновений

Последствия четырехдневных столкновений в июне 2010 года выявили наиболее серьезные проблемы системы правосудия Кыргызстана и фундаментальные изъяны в органах правопорядка страны. Перед системой правосудия стояла задача выявить и наказать зачинщиков этнических беспорядков. В 2010 году было заведено около 300 уголовных дел, однако только малая их часть дошла до суда. Большая часть этих

дел были приостановлены, потому что обвиняемые, свидетели и адвокаты столкнулись с угрозами в свой адрес, а местные судьи воздерживались от рассмотрения потенциально громких дел во избежание дальнейшей нестабильности.²²⁷ Правоохранительные органы страны в основном производили аресты узбеков, несмотря на то, что они составляли 75 процентов среди потерпевших, и им принадлежало 90 процентов потерянного имущества.²²⁸ Через год после столкновений милиция регулярно вымогала взятки у этнических узбеков в Оше путем запугивания и осуществления произвольных арестов. Взятки для освобождения из-под ареста варьировались от 2 до 20 тысяч долларов США в зависимости от правомерности и серьезности обвинений.²²⁹ Большинство сотрудников милиции и судей в южном Кыргызстане – этнические кыргызы, что повышает вероятность анти-узбекских предубеждений в судебной системе. Несмотря на судебные реформы, предпринятые государством, и реализацию финансируемых донорами реформаторских проектов в правовой системе, судебная система в Кыргызстане остается проблемной.

В 2011 году 39 человек были приговорены к высшей мере наказания – пожизненному заключению, что более чем в 2 раза превышает 15 таких приговоров, вынесенных в 2010 году. Почти все обвиняемые были осуждены за участие в кровопролитии в ходе ошских событий.²³⁰ Среди узбеков, приговоренных к пожизненному заключению, известный правозащитник Азимжан Аскарков. Его осудили в 2010 году за соучастие в убийстве милиционера кыргызской национальности и разжигание межнациональной вражды. По имеющимся сведениям, находясь в заключении, Аскарков по крайней мере дважды подвергался пыткам.²³¹ В декабре 2011 года Верховный суд отказал в апелляции по его делу и оставил его пожизненный приговор в силе.

Тем временем, все более распространенными стали случаи избивания адвокатов, защищающих этнических узбеков-обвиняемых, родственниками потерпевших этнических кыргызов и запугивания судей, включая Верховный суд, где сейчас рассматриваются дела, на которые были поданы апелляции после судебных процессов в регионах.²³²

226 Национальный комитет по статистике <http://www.stat.kg/stat.files/din.files/census/5010015.pdf>.

227 Некоторые материалы для этой и других частей главы взяты из Erica Marat, *Security Sector Reform in Central Asia*, Geneva: Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces, март 2012, 21. <http://www.dcaf.ch/Publications/Security-Sector-Reform-in-Central-Asia>.

228 Erica Marat, “Kyrgyzstan: One Year Passes after the Osh Violence,” *Eurasia Daily Monitor*, 10 июнь 2011; Amnesty International, *Still Waiting for Justice: One Year On from the Violence in Southern Kyrgyzstan*, London: Amnesty International, June 2011, <http://www.amnesty.org/en/library/info/EUR58/001/2011/en>; and Human Rights Watch, *Distorted Justice: Kyrgyzstan’s Flawed Investigations and Trials on the 2010 Violence*, New York: Human Rights Watch, июнь 2011, <http://www.hrw.org/reports/2011/06/08/distorted-justice-0>.

229 Интервью с жителями Черемушек, Фурката и Оша, сентябрь 2011 г.

230 Кулым Shamy, «Роль органов власти в период событий июня 2010 года», сентябрь 2012 г., <http://www.osce.org/ru/odhr/94202>.

231 По мнению правозащитника Толекан Исмаиловой, «Толекан Исмаилова: Гражданское общество Кыргызстана не намерено сдаваться», *Голос Америки*, 22 сентября 2011 г.

232 Интервью с руководителем НПО Коалиция за демократию и права человека Динарой Ошуракуновой, Бишкек, 30 мая 2013 г.; интервью с экспертом Freedom House Алмазом Эсенгалиевым, 5 июня 2013 г.; также: Human Rights Watch, “Kyrgyzstan: Violence Mars Supreme Court Hearing”, 5 апреля 2013 г.

С 2010 года Кыргызстан реализует амбициозную программу реформирования судебной системы и правоохранительных органов. Для участия в этом процессе власти пригласили неправительственные организации (НПО) и различных экспертов. Однако процесс реформирования оказался политизирован и запятнан коррупцией. Два руководителя НПО, участвовавшие в этом процессе, Динара Ошуракунова и Нурбек Токтакунов, выступили с критикой парламента за игнорирование рекомендаций гражданских общественных групп. Вместо беспристрастного назначения новых судей, законодатели в неформальном порядке выбирали тех судей, которые, по их мнению, могли бы представлять их интересы.²³³ По мнению активистов гражданского общества, предыдущий режим неоднократно совершал эту ошибку и сделал судебную систему уязвимой к политическим манипуляциям. Некоторые из судей, избранных в Конституционную палату Верховного суда особым комитетом, состоящим из парламентариев и представителей НПО, имеют сомнительное профессиональное прошлое и подозреваются в сотрудничестве с политическими силами. Кроме того, власти Кыргызстана до сих пор не обеспечили правосудие для жертв межэтнических столкновений 2010 года.

Во время своего срока по исполнению обязанностей временного президента Роза Отунбаева предприняла ряд мер, нацеленных на укрепление беспристрастности милиции и судов, включая увеличение зарплаты и ротацию сотрудников милиции и судей между северным и южным Кыргызстаном. С помощью парламента и независимых наблюдателей она также хотела назначить 445 новых судей. Для мониторинга за этим процессом был создан специальный совет из представителей общественных групп. Однако первые несколько раундов судебных

назначений прошли в исключительно политизированной атмосфере, и законодатели, отвечающие за выбор новых судей, предпочли проигнорировать рекомендации общественных групп.

Существуют несколько положительных примеров, когда правосудие было обеспечено благодаря усилиям неправительственных активистов. Например, НПО Прецедент смогла выиграть несколько дел благодаря тому, что они придерживались принципам юридического профессионализма и детально обосновали свою позицию перед судьями, включая отмену парламентского решения о блокировке новостного веб-сайта Fergana.ru. Активисты из Прецедента и ряда других НПО регулярно выступают с неформальными, но авторитетными интерпретациями закона, что приводит к тому, что судьи встают на сторону гражданского общества.²³⁴ Умелое оспаривание в суде итогов голосования парламентариев за закрытие веб-сайта позволило им добиться успехов, несмотря на существующие в судебной системе проблемы, включая коррупцию, политизацию и низкий уровень профессионализма.

Реформа правоохранительных органов

По сравнению с остальными постсоветскими странами Кыргызстан раньше других приступил к реформированию правоохранительной системы при поддержке международного сообщества. В 2002 году президент Акаев призвал к внешней помощи в реформировании милиции после убийства пятерых протестующих в селе Аксы. Однако десятилетие усилий донорских организаций, направленных на трансформирование Министерства внутренних дел (МВД), принесло скромные результаты.²³⁵ Политические элиты, пришедшие к власти в результате двух смен режима, также пытались реформировать МВД путем переподготовки сотрудников и изменения законодательной основы. Однако они не были заинтересованы в кардинальных реформах, потому что многие из них по-прежнему имели коррупционные связи с сотрудниками МВД. Политики в Кыргызстане также обращались к правоохранительным структурам для скрывания своей незаконной деятельности, такой как торговля наркотиками или укрывание членов организованных преступных группировок от ареста.²³⁶

233 Akipress, «Правозащитник Н.Токтакунов озвучил три основные причины, которые могут грозить провалом судебной реформы», 10 апреля 2013 г.

234 Интервью с двумя юристами, Бишкек, 14 июня 2013 г.

235 David Lewis, “Reassessing the Role of OSCE Police Assistance Programming in Central Asia”, Open Society Foundation, April 2011.

236 См., например, Alexander Kupatadze (2012), *Organized Crime, Political Transitions and State Formation in Post-Soviet Eurasia*, New York: Palgrave Macmillan; Johan Engvall (2011), *Flirting with State Failure: Power and Politics in Kyrgyzstan since Independence*, Stockholm & Washington, DC: Central Asia – Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, July.

Кровопролитие в июне 2010 года показало, что милиция страны не обучена противодействовать межэтническому насилию. Наряду с армией, милиция стала частью конфликта, нежелезнее чем его решением. Они действовали непрофессионально и по отдельным данным провоцировали узбекское меньшинство и защищали кыргызское большинство. Сотрудники милиции либо превышали свои полномочия, либо не выполняли приказы политического руководства. В отдельных случаях они выполняли приказы местных политических лидеров, а не руководителей из Переходного правительства.²³⁷ Руководители кыргызских НПО утверждают, что во время беспорядков 2010 года милиция и армия начали стрелять в мирных жителей, в основном этнических узбеков, не дожидаясь приказа политического руководства.

В 2011-2013 годах темп реформы МВД ускорился, когда к процессу разработки реформ и их контролю присоединились местные НПО. ОБСЕ играла ключевую роль для обеспечения сотрудничества между НПО, парламентариями и МВД, способствуя усилению голоса гражданского общества в дебатах, в которых до этого доминировали представители МВД.²³⁸ Дебаты между милицией и общественностью стали основной движущей силой, стимулировавшей значимые перемены в Кыргызстане после многих лет застоя в реформировании правоохранительных органов. В 2011 году рабочая группа, в состав которой входили представители НПО и члены

парламента, забрала ответственность за реализацию реформ у политического руководства и МВД.

Помимо поддержки милицейской реформы со стороны ОБСЕ, Бюро по борьбе с наркотиками и охране правопорядка Государственного департамента США направило 13,1 миллиона долларов на поддержку реализации программ реформирования правоохранительных органов и правовой системы в Кыргызстане.²³⁹ В целом между 1992 и 2010 годами Соединенные Штаты предоставили стране финансовую помощь в объеме 1,22 миллиардов долларов.²⁴⁰ Эти средства включают 90 миллионов долларов в форме гуманитарной помощи, направленных в страну после смены режима и межэтнических столкновений 2010 года.

Национализм и юг Кыргызстана

Принято считать, что растущий этнический национализм среди политиков лежит в основе неспособности государства привлечь подстрекателей межэтнических столкновений к ответственности и обеспечить справедливое политическое представительство национальных меньшинств, а также приводит к призывам обязательного владения кыргызским языком среди всего населения.²⁴¹ Однако те, кто списывают все проблемы Кыргызстана, связанные с событиями 2010 года, на национализм, упускают из внимания глубинные проблемы, культивирующие такую среду, в которой националистическая демагогия стала способом противодействия страхам о распаде государства, территориальной дезинтеграции и предательстве национальных меньшинств.²⁴² Националистическая идея состоит в том, чтобы восстановить Кыргызстан на основе идеи древней родины великого кыргызского народа, где все говорят на одном языке, где уважаются кыргызские традиции, и где богатое культурное наследие передается следующим поколениям. Тот факт, что эти идеалы недостижимы по той причине, что Кыргызстан представляет собой мультиэтническое общество, окруженное более крупными государствами, только обостряет ощущение необходимости скорейшей реализации этой цели.

В то же время, как отмечает Мегоран, национализм – это только часть более широкого демократического процесса, который позволяет разным голосам быть

237 “Роль органов власти в период событий июня 2010 года в Кыргызстане” [The Role of Authorities during the Period of Events in June 2010 in Kyrgyzstan], *Kylym Shamy*, Bishkek, 2012. http://vof.kg/wp-content/uploads/2012/09/Doklad-rol-organov-vlasti_Rylym-shamy.pdf.

238 Erica Marat (forthcoming 2015), “Reforming Police in Postcommunist Countries: International Efforts, Domestic Heroes”, *Comparative Politics*.

239 Данные за 2006-2011, “State/INL Kyrgyzstan Program”, <http://www.state.gov/j/inl/rls/fs/178372.htm>, 6 декабря 2011. Кыргызстан был крупнейшим в Средней Азии получателем средств от Бюро по борьбе с наркотиками и охране правопорядка в Средней Азии, получив 13,1 миллион долларов США, по сравнению с Узбекистаном, получившим 1,7 миллионов долларов, и 3 миллионами долларов США, полученными Туркменистаном. За этот период только Таджикистан получил больший объем средств от Бюро – 46,3 миллиона.

240 Jim Nichol, “Kyrgyzstan: Recent Developments and U.S. Interests”, *Congressional Research Service*, January 19, 2012.

241 Megoran (2012).

242 Там же.

услышанными в общем шуме жесткой политической конкуренции. Национализм часто используется в качестве политического инструмента для объединения населения и привлечения политической поддержки, в особенности политиками из южного Кыргызстана. Некоторые депутаты парламента использовали национализм для привлечения поддержки своих избирателей.²⁴³ Однако политики редко выступают с публичными призывами к дискриминации этнических меньшинств. Подобные идеи в основном высказываются в разговорах за закрытыми дверями. Вместо этого чиновники используют политику символизма и действуют скрытыми методами. Это выражается в установке новых кыргызско-центричных памятников, принижении статуса русского языка и закрытии СМИ на узбекском языке.

Существуют два уровня национализма, насаждаемого сверху-вниз – национальный и местный. На национальном уровне национализм выражается в конкретных политических действиях, таких как, внедрение “Манасоведения” в качестве обязательного предмета во всех школах и поднятие статуса кыргызского языка, а также превознесение кыргызского культурного наследия и призывы к восприятию кыргызов в качестве привилегированной группы населения. Знание эпоса Манас, политическое наследие Курманджан Датки и литературный успех Чингиза Айтматова стали политизированы до такого уровня, что это подавляет любой плюрализм мнений в обсуждениях на тему того, что составляет кыргызское наследие. На местном уровне национализм может выражаться в дискриминации на рабочем месте и маргинализации меньшинств в общественных местах посредством милицейского произвола и неофициального налогообложения. Бывший мэр Оша реализовал более националистическую политику, чем центральные власти. Мырзахматов пользовался большой степенью независимости при распределении национальных

средств, направленных на восстановление региона после беспорядков, и при организации муниципальных празднеств – все из которых были окрашены в этноцентричные тона. Более того, его указания при выполнении восстановительных работ в городе после волнений были в основном направлены на помощь кыргызам. Этническим узбекам приходилось опираться на помощь внешних доноров.

Недоверие к узбекам и Узбекистану

Во время всплеск насилия 1990 и 2010 годов существовали два доминирующих представления об Оше. Члены обеих кыргызской и узбекской общин интерпретировали столкновения июня 2010 года как победу кыргызов над доминируемым узбеками Ошем. По словам одного парламентария: “Да, волнения в Оше нанесли ущерб международной репутации Кыргызстана, однако в долгосрочной перспективе мы выиграли”, имея в виду то, что кыргызскому этническому большинству больше не придется бояться Оша, доминируемого узбеками, и угроз с юга в целом.²⁴⁴

Общие опасения среди кыргызских политиков заключаются в том, что узбеки и, в частности, влиятельные предприниматели могут быть более лояльными узбекскому государству, а не Бишкеку. По словам одного кыргызского официального лица: “После революции апреля 2010 года некоторые узбеки не знали, кто является их президентом, и они считали своим лидером (узбекского президента) Каримова”.²⁴⁵ Опасения о том, что кыргызское национальное государство не признается узбекской общиной, только укрепляет мнение о том, что узбеки так и ждут возможности отделиться от Кыргызстана и присоединиться к Узбекистану. Эти страхи усугубляют ощущение необходимости предотвратить распад государства до того, как Узбекистан распахнет двери для узбеков Кыргызстана. В Бишкеке этнических узбеков часто называют узбекской диаспорой, несмотря на их давние исторические связи и присутствие в Джалал-Абаде и Оше. Согласно такой интерпретации, ошские события 2010 года хотя и были трагичными ввиду людских жертв, они спасли целостность страны во время нестабильности.²⁴⁶

243 Например, «Скандал из-за тестирования на узбекском языке», IWPR, 5 мая 2012; David Trilling, “Kyrgyzstan: How to Rouse Ethnic Tensions”, *Eurasianet*, April 18, 2012. «Камчыбек Ташиев: ‘Если русские, узбеки или турки скажут, что они наравне с кыргызами или выше их, то государство развалится», *Fergana.ru*, 16 сентября 2010.

244 Интервью, г. Вашингтон, март 2013 г.

245 Интервью, г. Вашингтон, март 2013 г..

246 Интервью с кыргызским парламентарием, март 2013 г. 240 Liu (2012), 10.

Этнические узбеки в культурном плане действительно более связаны с населением Ферганской долины, чем с лидерами в Бишкеке. Как пишет Лиу: “Концепция “национального государства” плохо подходит для ошских узбеков, которые видят свою этническую идентичность в Узбекистане, а гражданство – в Кыргызстане”.²⁴⁷ Некоторые стереотипы о кыргызах среди узбеков основаны на кочевнической отсталости первых и отсутствии у них “культуры”.²⁴⁸ Вместе с тем ни узбекские, ни кыргызские власти не относятся к ошским узбекам как к равным большинству населения жителей. Другие кыргызские наблюдатели указывают на то, что этнические узбеки Кыргызстана намного более эмансипированы, чем узбеки в Узбекистане, из-за того, что они владеют собственностью. Тем временем, Каримов решительно настроен держать границы своей страны закрытыми для этнических узбеков из Кыргызстана.

Опасения того, что Ташкент может вмешаться во внутренние дела Кыргызстана, велики, учитывая размер страны, ее военные возможности и неопределенность в трансформации режима Каримова. Кыргызстан и Узбекистан имеют спорные границы и анклавы. В ходе и после волнений июня 2010 года многие боялись, что Каримов введет войска на территорию Кыргызстана. Однако, когда Каримов присоединился к Переходному правительству и обвинил абстрактные “третьи силы” в разжигании насилия, многие в Кыргызстане открыто приветствовали его сдержанность.²⁴⁹ Кроме ошского вопроса, аналитики по безопасности в Кыргызстане также опасаются вторжения Узбекистана в случае, если Бишкек прекратит снабжать эту страну водой в летние месяцы. Каримов подкрепил такие опасения своим замечанием о том, что “водные войны” в регионе возможны.²⁵⁰

248 Там же.

249 “Об обстоятельствах и хронологии трагических событий мая-июня 2010 года в городах Ош, Джалал-Абад, отдельных районах Ошской и Джалал-Абадской областей”, *Ferghana.ru*, June 7, 2012.

250 “Uzbekistan Leader Sounds Warning over Central Asia Water Disputes”, *Reuters*, September 7, 2012.

251 Reeves (2005a); Madeleine Reeves (2005b), “Locating Danger: Konfliktologiia and the Search for Fixity in the Ferghana Valley Borderlands”, *Central Asian Survey*, 24(1) March, 67-81.

252 Reeves (2005a).

253 Там же.

254 Reeves (2005a, 2005b).

Миграция

Ощущение угрозы территориальной целостности Кыргызстана также подпитывается опасением о “ползучей миграции” в приграничных территориях. Кыргызские политики и эксперты рассматривают это как проблему безопасности, которая может привести к межэтническим столкновениям. Этот феномен в основном касается таджиков, которые переселяются в Баткенскую из Согдийской области, покупая или арендуя недвижимость у кыргызов, которые, в свою очередь, переезжают в другие области Кыргызстана или в Россию. Плотность населения на таджикской стороне границы, а также внутри таджикского анклава, в несколько раз выше, чем в Кыргызстане. Хотя в 1980-1990-е годы, когда границы были плохо обозначены и население росло быстрыми темпами, проблема роста миграции стояла еще острее, в 2000-е годы этот вопрос стал более политизирован.

Кыргызские власти и научные эксперты рассматривают ползучую миграцию как признак слабости государства.²⁵¹ Согласно этому мнению, рост иных этнических групп в южном Кыргызстане может обострить вызовы государству и его территориальной целостности.²⁵² Власти одержимы стремлением провести демаркацию границ, полагая, что будущее Кыргызстана как государства зависит от четко определенной территории, что, в свою очередь, защитит страну от внешних угроз. Правительство указывает на ползучую миграцию как на главную причину необходимости установления границ, которые бы в свою очередь определили распределение материальных ресурсов среди местного населения.

В времена Бакиева был предпринят ряд решительных шагов по предупреждению роста миграции на кыргызо-таджикской границе. Эти шаги включали запрет на покупку земли, предоставление особого статуса селам, расположенным близко к спорным приграничным территориям, и распределение особых субсидий среди местного населения.²⁵³ Некоторые из этих инициатив были свернуты после свержения правления Бакиева.

Практика демаркации и институционализации ранее размытых границ в этнически смешанных регионах имеет как политические, так и социальные последствия.²⁵⁴ Согласно исследованию Ривс, “материализация

границ” на самом деле создает напряженность среди местного населения, способствует развитию незаконной деятельности и повышает вероятность конфликтов за ресурсы. Эта практика особенно противоречива, поскольку ведет к тому, что “территория и этничность символически связаны и сверхдетерминированы дискурсивно”.²⁵⁵ Хотя материализация границ в большей степени продвигается узбекскими властями, это вызывает недовольство среди населения по обе стороны границы.²⁵⁶

Более того, границы демаркированы неформально, например, тогда как таджики сажают деревья на спорных территориях, кыргызские власти затем уничтожают их.²⁵⁷ Между молодежью, принадлежащей к различным этническим группам, часто происходят столкновения. По мнению Ривс, кроме стандартного набора официальных национальных символов, таких как Манас и национальный флаг, политизирование этничности в сельских районах выражается в инвестициях в инфраструктуру, включая строительство новых водопроводных линий (иногда с помощью международных НПО), дорог или ландшафтном обустройстве. В других районах страны “кыргызность” распространяется посредством СМИ, стратегий приема на работу и в школьных программах как на признанных, так и на спорных территориях.

Вместе с тем, главные причины межэтнической напряженности в сельских районах состоят в нехватке ресурсов, в постоянной политизации властями вопроса этничности, а также в разделении территории по

этническому признаку, что в повседневной жизни вызывает у населения чувство недовольства.²⁵⁸ Борьба за водные ресурсы и землю ведет к напряженности между местными жителями, оказавшимися по разные стороны государственных границ.

Другие исследователи считают, что напряженность среди местного населения создается вследствие бесконтрольной ползучей миграции. Поэтому делимитация границ внесет больше определенности и станет решением для межэтнической и межгосударственной стабильности.

Демаркированные границы разделяют районы компактного проживания этнических таджиков и этнических кыргызов. Процесс делимитации спорных границ вышел на передний план в 2000-е годы в основном после реализации Узбекистаном агрессивной политики минирования границы и ограничения ее переходов.²⁵⁹ Четыре анклав с преобладающим в них узбекским населением расположены на территории Кыргызстана (крупнейшие из них – Шахимардан и Сох), в то время как в Узбекистане имеется кыргызский анклав Барак. Несмотря на то, что Сох принадлежит Узбекистану, большинство населения анклава составляют таджики.²⁶⁰ Согласно данным опросов, все больше людей в Кыргызстане рассматривают Узбекистан в качестве угрозы Кыргызстану (39 процентов), нежели в качестве партнера (18 процентов). На сегодняшний день из 674 километров границы между Кыргызстаном и Таджикистаном разграничены лишь 237 километров, в основном в горных районах. Из 384 километров кыргызско-узбекской границы 103 километра остаются спорными.²⁶¹ Анклавы Ферганской долины по большей части представляют собой последствия советской логики государствообразования; подразумевалось, что некоторые границы должны были определяться в соответствии с местными договоренностями. Ввиду того, что эти договоренности не были формально закреплены на республиканском уровне, процесс разграничения границ после 1991 года вызвал много споров.²⁶²

Напряженность за пределами Оша

Напряженность между этническими группами существует и вне кыргызско-узбекских отношений. Однако как и столкновения в Оше и Джалал-Абаде, вспышки насилия, как правило, развиваются

255 Reeves, (2005a); Madeleine Reeves (2014), *Border Work: Spatial Lives of the State in Rural Central Asia*, Ithaca, NY: Cornell University Press.

256 Megoran (2012).

257 Р. Абазбек-уулу, «Трансграничные миграционные процессы на юге Кыргызстана и их возможное влияние на межэтнические отношения», *Domoscop Weekly*, октябрь 2011 г. <http://demoscope.ru/weekly/2011/0481/analit03.php>

258 Reeves (2005a); Melvin (2011); Megoran (2012).

259 Megoran (2012); Reeves (2005a).

260 Фарангис Наджибулла, «Узбекский анклав Сох, населенный таджиками», *Azattyq.org*, 14 июнь 2010 г.

261 “М. Джумабеков: Пограничное положение Баткенской области порождает немало проблем и последствий в социально-экономическом развитии региона”, *Akipress.kg*, January 23, 2009.

262 Reeves (2005a), 1285-1286..

из повседневных стычек молодых людей, либо представляют собой реакцию на произошедшие ранее атаки или слухи о таких атаках на представителей этнического большинства со стороны представителей этнического меньшинства.

В феврале 2006 года в деревне Иска на севере страны ситуация вышла из под контроля, когда два кыргызских подростка были жестоко избиты, предположительно группой подростков-дунган. От 250 до 300 этнических кыргызов, проживающих в близлежащих деревнях, собрались перед зданием Искринской администрации с требованиями в качестве наказания выселить несколько семей дунган. Протестующие закидали камнями дома, в которых проживали подозреваемые подростки-дунгане. Когда четверо дунган из города Токмок протаранили толпу на машинах и открыли огонь по протестующим этническим кыргызам, толпа подожгла дома и скот, принадлежавшие дунганам. И хотя погибших не было, в результате насильственных столкновений были уничтожены семь домов, один автомобиль и 250 килограмм сена из стогов, принадлежащих дунганам. На разгон агрессивной толпы людей было отправлено специальное подразделение сил безопасности.

Масштаб и интенсивность конфликта между кыргызами и дунганам в деревне Искра был беспрецедентным. В Кыргызстане проживают около 37 000 дунган. Они составляют большинство населения Искры, имея более 689 домовладений из 2353. Искра относится к небольшому количеству деревень северного Кыргызстана, в которых этнические кыргызы составляют меньшинство.²⁶³

Дунгане – это этнические китайцы из северо-западного Китая, которые исповедуют суннитский ислам ханафи, как и большинство кыргызских мусульман. Дунгане

говорят на мандаринском китайском, но в их диалекте с 1920-х годов используется кириллица, и он подвергся существенному влиянию тюркских и славянских языков. Многие дунгане также говорят на русском и кыргызском. Несмотря на интенсивную русификацию в советские времена, дунгане сохранили сильную религиозную идентичность и жили в обособленных общинах и колхозах, в основном в сельских районах.²⁶⁴ Многие дунгане теперь вовлечены в сельскохозяйственный сектор и торговлю продуктами на рынках в Чуйской области. Дунгане известны как трудолюбивые фермеры, которые выращивают рис высокого качества, фрукты и овощи. Сельскохозяйственные продукты дунган пользуются популярностью на многих местных продуктовых рынках. Большинство дунган до сих пор придают важное значение внутриэтническим бракам. Местные кыргызы переняли некоторые аспекты дунганской культуры, особенно дунганскую кухню и фермерские способности.

Также как и дунгане, турки-месхетинцы редко смешиваются с другими этническими группами, и многие становятся предпринимателями. В апреле 2010 года, спустя лишь несколько дней после смещения Бакиева, столкновения между этническими кыргызами и турками-месхетинцами привели к смерти трех человек, частично из-за медленной реакции со стороны центральных властей. Группа деревенских жителей, по имеющимся сведениям, этнических кыргызов, напала на общину турков-месхетинцев в северной деревне Маевка, убив пять турков и ранив двадцать восемь человек (включая одного этнического русского). Сотни этнических кыргызов требовали, чтобы власти распределили им земельные участки, которыми владели турки-месхетинцы. Толпа обвиняла турков-месхетинцев в том, что они забрали у кыргызов землю для ведения сельского хозяйства.²⁶⁵ Несколько домов, в которых проживали турки, были сожжены. Милиции не было на месте. У турков-месхетинцев не оставалось выбора, кроме как покинуть деревню. Силы безопасности прибыли в Маевку спустя лишь несколько часов. Когда они наконец прибыли, было задержано 120 человек. Семи из них впоследствии были предъявлены официальные обвинения в разжигании насилия.

Считается, что на сегодня в северном Кыргызстане проживает около 20 000 турков-месхетинцев.²⁶⁶ Сталин депортировал от 80 000 до 100 000 турков-

263 “Дунгане против киргизов. В Чуйской области произошли локальные столкновения на межэтнической почве”, *Ferghananews.ru*, February 7, 2006.

264 “Общественное объединение Дунган КР”, *Проект: «Кыргызстан – многонациональная страна»*, 29 июня, 2011 г. http://www.university.kg/index.php?option=com_content&view=article&id=2337:2011-06-29-09-44-58&catid=868:2011-06-14-05-28-18&Itemid=337&lang=kg

265 “Кыргызстан: Участники погромов в Маевке наказаны условно”, *Ferghana.ru*, December 13, 2010.

266 Joldosh Osmonov, “Mayevka Unreset Threatens Inter-Ethnic Stability in Kyrgyzstan”, *Central Asia – Caucasus Analyst*, April 28, 2010.

месхетинцев и других кавказских этнических групп из Грузии в Центральную Азию в 1944 году.²⁶⁷ Этническая напряженность в Узбекистане в 1989 году привела к смертям сотен турков-месхетинцев. Диаспора сохранила свои культурные традиции, язык и религию.

Также как и в случае с беспорядками в июне 2010 года, в обоих случаях кыргызские власти обвинили в распространении насилия некие “третьи силы”, которые якобы заинтересованные в дестабилизации внутренней безопасности. В зависимости от того, какой из источников в правительстве цитируется, эти “третьи силы” варьируются от наркобаронов до государственных деятелей и членов прежнего правительства. Однако наблюдатели и средства массовой информации указывали на лежащие в основе конфликтов экономическую и социальную напряженность в этих двух деревнях. Газета *Вечерний Бишкек* комментировала, что драка между кыргызскими и дунганскими подростками стала переломным моментом на фоне нескольких лет нарастающей напряженности. Газета также обвинила администрацию деревни в том, что они встали на сторону этнических кыргызов и участвовали в насилии против дунган.²⁶⁸ Другие газеты упоминали недостаток образовательных учреждений, высокий уровень безработицы, алкоголизм и наркотическую зависимость в кыргызских деревнях в качестве возможных причин. Многие сельские подростки не в состоянии получить базовое образование или профессиональную подготовку и найти работу, и зачастую оказываются вовлечены в рэкет и воровство. Этническое деление только обостряет уровень агрессии между молодыми людьми.

С недавнего времени, в 2014 и 2015 годах, в Кыргызстане наблюдался рост экстремально националистического движения *Калыс* и националистической милицейской группировки *Кырк Чоро* (сорок всадников), которые пытаются защитить кыргызскую этническую группу через использование насильственных мер. *Калыс* скандально известно своими ненавистническими высказываниями в адрес ЛГБТ сообществ, анти-западными взглядами и в качестве лидера продвижения идентичности “исламского общества” в Кыргызстане. Его члены не относятся к типичным исламистским радикалам, а скорее принадлежат к кыргызским традиционалистским националистам.²⁶⁹ Эти группы по-прежнему маргинальны и не представляют угрозы демократическому направлению развития или ценностям на национальном уровне. Однако правительству до сих пор не удалось противостоять подобным движениям систематически, вместо этого оно лишь иногда выступало против них и выражало критику в их адрес.

Х. УСИЛИЯ ПО ПРИМИРЕНИЮ

После кровавых столкновений в июне 2010 года правительство Кыргызстана получило большой объем международной гуманитарной помощи, в первую очередь, через Механизм немедленного реагирования Фонда миростроительства Организации Объединенных Наций (PBF-IRF) и Отдел переходных инициатив Агентства США по международному развитию (USAID OTI). Фонд IRF предоставил три миллиона долларов для экстренной поддержки усилий по примирению, таких как расширение возможностей для молодежи, развитие женских объединений и ассоциаций водопользователей. В июне 2012 года фонд выделил еще семь миллионов долларов для “реализации миротворческих инициатив в период перед проведением президентских выборов” в октябре 2011 года.²⁷⁰ Вторая часть финансовой помощи от Фонда миростроительства ООН была направлена на развитие инфраструктуры, осуществления правосудия и расширение возможностей СМИ в их содействии миротворческим усилиям. И, наконец, в июле 2010 года международные доноры взяли на себя финансовые обязательства в размере 1,1 миллиарда долларов направленные на финансирование экстренной помощи

267 Temo Bardzimashvili, “Kyrgyzstan: Meskhetian Turks Cling to Traditions to Cope with Uncertainty”, *Eurasianet.org*, April 20, 2012.

268 “Interethnic Clash Causes Kyrgyzstan’s ‘Common House’ to Tremble”, *Eurasianet.org*, February 15, 2006.

269 Organizator o sorvavshih kontsert ‘Kazakov’: ‘Oni krichali u nas islamskaya strana’ [Organizer of the disrupted Kazaky concert: “They shouted ‘We are an Islamic country’”], *Kloop.kg*, October 18, 2014.

270 Marla Zalpach and Gulnara Ibraeva, “Immediate Response Facility (IRF1) Final Evaluation – Kyrgyzstan”, UN *Peacebuilding Fund – Immediate Response Facility*, June 2012.

стране в течение 30 месяцев, при этом 600 миллионов долларов были рассчитаны на оставшиеся месяцы 2010 года.²⁷¹

ОТГ предоставило 21 миллион долларов для финансирования 415 проектов по поддержке переходного правительства и миротворческих инициатив на юге Кыргызстана.²⁷² Поскольку значительная часть этих проектов сконцентрирована в южном Кыргызстане, средства ОТГ устранили пробелы в финансировании в то время, когда USAID перенаправило свою проектную направленность с обычных программ на поддержку устранения последствий беспорядков в стране. ОТГ определил потенциальных посредников принципов инклюзивности и многообразия; Отдел был нацелен на улучшение качества коммунальных услуг в сельских районах, на повышение безопасности в городах путем реализации таких элементарных мер, как ремонт светофоров, и на поддержку усилий местных НПО по реформированию Министерства внутренних дел. Создавая среду, обеспечивающую равный доступ к ресурсам и инфраструктуре, эти меры предрасполагают к содействию этническому и культурному плюрализму в повседневной жизни.

Несмотря на международную помощь, правительство страны под руководством президента Атамбаева принимало пассивное участие в инициативах по строительству мира. Оно по привычке складывало вину на абстрактные “третьи силы” в разжигании насилия и игнорировало несправедливые судебные разбирательства

и неравенство в представленности меньшинств в государственном секторе – две острейшие проблемы в 2013 году.²⁷³ Бишкек упорно избегал обсуждений вопросов примирения на юге страны. Умалчивание национальным правительством проблем, беспокоящих юг, создало иллюзию стабильности в постконфликтных зонах.

Президент с осторожностью относится к вопросам примирения после событий 2010 года, поскольку эта тема может подстегнуть националистическую оппозицию.²⁷⁴ Если бы правительство Атамбаева выдвинуло обвинения против этнических кыргызов, виновных в столкновениях, то оппозиционная партия *Ата-Журт* могла бы воспользоваться этой возможностью и представить их как раскол между севером и югом, а также оспорить легитимность правительства.²⁷⁵ Кыргызстан, возможно, и не способен обеспечить правосудие после беспорядков 2010 года, поскольку в стране отсутствуют институты, способные осуществить правосудие переходного периода и провести уголовные преследования преступлений прошлых режимов.

Молчание правительства о главных вопросах общественного напряжения вызывает ощущение того, что эскалация этнического напряжения в будущем неминуема. Без активных усилий по примирению со стороны национального руководства любой намек на политическую нестабильность или рядовые случаи насилия могут приобрести этнический оттенок.²⁷⁶ Молчание правительства по поводу состояния дел в южном Кыргызстане только усиливает опасения среди узбеков, проживающих в регионе.²⁷⁷ Этот страх особенно силен среди людей, связывающих события июня 2010 года с событиями июня 1990 года.

В условиях, когда правительство избегает открытого обсуждения проблем межэтнического примирения, а националистические оппозиционные силы с энтузиазмом популяризируют ценности, дискриминирующие этнические меньшинства, международному сообществу сложно поднимать вопросы миротворческого характера. Должны ли донорские организации, работающие в Кыргызстане, открыто призывать к межэтническому миру? Или они должны заниматься устранением коренных причин межэтнического противостояния и игнорировать националистические выпады политических лидеров?

271 “High-Level Donors Meeting for the Kyrgyz Republic Pledges US\$ 1.1 Billion in Emergency Response”, <http://www.un-foodsecurity.org/node/670> от 23 августа 2013 г.

272 Подробнее см. http://centralasia.usaid.gov/sites/default/files/uploads/u4/oti-kr_program_update_2011_10_27_october_final.pdf.

273 Алмазбек Атамбаев «Вместе мы можем!», Вечерний Бишкек, 7 июня 2013 г.

274 Интервью с сотрудником президентской администрации, Бишкек, 13 июня 2013 г.

275 Интервью с двумя представителями правозащитных неправительственных организаций, Бишкек, 14 июня 2013 г.

276 Интервью с представителем донорской организации ООН, Ош, 9 июня 2013 г.

277 Интервью с сотрудником правозащитной неправительственной организации, Ош, 7 июня 2013 г.

Международное сообщество разделено относительно концептуального подхода к примирению сторон после произошедших столкновений. Например, некоторые международные агентства выступают за прямое участие в процессе примирения членов обеих этнических групп, независимо от их фактического политического неравенства. Кыргызы и узбеки “находятся в ожидании очередного конфликта” из-за того, что местная администрация Оша не желает решать вопросы, связанные с чувством незащищенности населения и широко распространенными этническими стереотипами.²⁷⁸ Для того, чтобы исправить ситуацию обе стороны должны сообща попытаться понять друг друга и достичь “единого видения” как прошлого, так и будущего.

С другой стороны, некоторые международные НПО ищут пути для вовлечения обеих этнических групп в совместное решение повседневных вопросов, которые в противном случае могут привести к эскалации напряженности. Такие вопросы варьируются от содействия населению в оплате счетов за электричество и обеспечения надежного водоснабжения до освещения в СМИ проблем в этнически смешанных районах. Их цель – устранение коренных причин межэтнической напряженности, таких как видимое и реальное неравенство в распределении ресурсов, которые могут вылиться в насилие. Сторонники такого подхода старательно избегают этнитизации общих проблем сообщества.²⁷⁹ По мнению одного эксперта, “некоторые донорские организации путают правозащитный активизм с миротворчеством”. Иными словами, подходу с этнической точки зрения к решению проблем, возникших на юге Кыргызстана после июньских событий 2010 года, международное сообщество делает акцент на соблюдении прав человека, а не на построении мира.

Такие разногласия в методологическом подходе также существуют среди органов местного самоуправления и активистов НПО. Руководительница одной из НПО в Оше, этническая узбечка, отмечает, что большинство

ее коллег в неправительственном секторе после произошедших столкновений разделились по этническому признаку, забыв о единых правозащитных задачах. Более того, в то время как эпизодические попытки мэра Оша примирить стороны заключались в организации мероприятий, направленных на “этническое единство” через телетрансляцию межэтнических свадеб, внимание местных активистов было больше сосредоточено на решении проблем на уровне сообществ, а не по этническому признаку. “Одной из наших основных целей сделать трансляцию передач на узбекском языке снова нормальным явлением”, – отмечает журналист радио *Ынтымак*, вещающего на двух языках.²⁸⁰

По мнению местных активистских организаций в Оше, которые работали над решением общих проблем в разных сообществах, подход, при котором усилия направлены на устранение коренных причин и факторов, способных спровоцировать этническую напряженность, представляется более эффективным в долгосрочной перспективе по сравнению с мерами по примирению, которые предусматривают участие в них граждан на основе их этнической принадлежности. Совместные мероприятия, направленные на решение проблем сообществ, способны укоренить понимание о том, что этническое многообразие – это неотъемлемая и ценная часть повседневной жизни.

Локальные взгляды на примирение

Как в Оше, так и в Бишкеке среди кыргызских и международных правозащитников определение того, что необходимо для примирения сторон изменилось с 2010 года. Эксперты отмечают, что каждая из групп – как этнические узбеки, так и кыргызы – ощущают себя жертвами насилия, хотя и на разных уровнях. Этнические узбеки жалуются на то, что после столкновений и отсутствия постконфликтного правосудия, они все больше отчуждаются от общественной жизни. Растущая изоляция привела к тому, что они замкнулись в своей среде и возвращаются к традиционному образу жизни. “После беспорядков 2010 года родители узбекских девочек запретили им ходить в школу в целях безопасности; однако, сейчас стало нормой, когда девочки получают только девять классов образования”, – говорит представитель НПО, специализирующейся на проблемах развития в Оше.²⁸¹

278 Интервью с представителем донорской организации ООН, Ош, 9 июня 2013 г.

279 Интервью с представителями трех международных донорских организаций, Ош, 7-11 июня 2013 г.

280 Интервью, Ош, 11 июня 2013 г.

281 Интервью, Ош, 11 июня 2013 г.

В то же время кыргызы считают несправедливым то, что узбеки доминируют в частном секторе и владеют большей частью недвижимости в городских и пригородных районах Оша. Хотя бедность широко распространена среди всего населения, каждая из групп – как кыргызы, так и узбеки, считают, что они более обделены.²⁸² “Националисты пользуются успехом из-за недостатка модернизации в горных районах”, – отмечает представитель международной организации.²⁸³ В Оше проблема обостряется тем, что многие этнические кыргызы, живущие в горных районах, перебрались в город, где уже существовал дефицит жилья, тем самым усиливая конкуренцию за ресурсы еще больше. По неофициальным данным, население Оша составляет сейчас полмиллиона человек, что превышает данные официальной статистики в два раза.²⁸⁴

Физические и культурные различия между двумя этническими группами усугубились после 2010 года. Как кыргызы, так и узбеки самоизолируются в отдельных районах Оша и в своей рабочей среде. Хотя территориальное разделение существовало и до 2010 года, сейчас оно стало еще более четко выражено.²⁸⁵ Вследствие этого примирение остается недостижимым. По словам одного эксперта: “Интеграция происходит на рабочем месте, где люди решают проблемы сообща. Однако люди сейчас вместе не работают”.²⁸⁶ Ошские правозащитники отмечают, что проще примирить членов мультиэтнических

сообществ, чем жителей моноэтнических сообществ. Стереотипы, присваиваемые другим этническим группам, как правило, носят более экстремальный характер в закрытых моноэтнических поселениях.²⁸⁷

Попытки создать радиостанции с трансляцией на кыргызском, русско-узбекском языках предпринимались в 2012 году. Как минимум одна радиостанция *Ынтымак* начала трансляцию новостей на узбекском языке в основном благодаря усилиям спонсоров по расширению освещения событий в СМИ на узбекском языке. Другие попытки организовать трансляцию на узбекском языке были менее успешными.²⁸⁸ Телеканал 7 в городе Джалал-Абад пытался использовать средства доноров для трансляции новостей на узбекском языке, однако эта инициатива встретила противодействие со стороны местного населения. Столкнувшись с общественным осуждением, телеканал теперь транслирует на узбекском языке только культурные программы и в менее рейтинговые часы просмотра.

Несмотря на растущие культурные различия, исследования качественных показателей указывают на значительный уровень консенсуса между этническими группами кыргызов и узбеков. Обе группы критикуют лидеров переходного и действующего правительства за неспособность предотвратить столкновения и неэффективное устранение их последствий. Большинство жителей в южных областях согласны с тем, что до сих пор не было проведено “справедливое расследование” событий и обеспечено правосудие.²⁸⁹ Более половины населения не удовлетворены работой правоохранительных и судебных органов.

Из-за отсутствия конкретных действий со стороны центральных властей складывается ситуация, при которой линии разлома проходят не столько между разными этническими группами, сколько между обществом и правоохранительными органами, а также местными властями. Одна из правозащитных организаций Оша обвиняет центральные власти в том, что зачинщики столкновений не были наказаны, и утверждают, что это упущение позволяет сотрудникам правоохранительных органов на юге Кыргызстана продолжать безнаказанно ущемлять права этнических узбеков. Члены узбекского сообщества, в особенности предприниматели,

282 Согласно опросу SIAR, одна треть кыргызов и узбеков указывают финансовые вопросы в качестве наиболее острых проблем в их повседневной жизни, но безработица более распространена среди этнических узбеков (54 процента по сравнению с 35 процентами среди этнических кыргызов в Оше и 17,6 процента по стране в целом).

283 Интервью, Бишкек, 12 июня 2013 г.

284 Интервью с представителями международной донорской организации и местной неправительственной организации, Ош, 7 июня 2013 г.

285 Несколько интервью с журналистами, активистами неправительственных организаций и представителями международного сообщества, Ош, 7-11 июня 2013 г.

286 Интервью с представителем агентства ООН, Бишкек, 12 июня 2013 г.

287 Интервью с представителем правозащитной неправительственной организации, Ош, 11 июня 2013 г.

288 “Kyrgyzstan: Language and Media Still Sensitive Subject in Southern Regions”, *Eurasianet.org*, 18 октября, 2012 г.

289 OHCHR ROCA (2012).

регулярно подвергаются запугиванию со стороны преступных группировок, действующих в Оше. По словам руководителя одной из НПО: “Временами в Оше сложно отделить правоохранные органы от преступников”.²⁹⁰ Узбеки так часто становятся жертвами убийств, пыток и криминальных разборок, что СМИ и власти почти не обращают внимания на такие события.²⁹¹

Редкие защитники плюрализма в правительстве и их оппоненты

Небольшое число высокопоставленных лиц в правительстве выступают за более инклюзивную форму национализма, однако их усилия зачастую затмеваются теми, кто занимается пропагандой этноцентричных идей. Концепция укрепления единства народа и межэтнических отношений в Кыргызской Республике относится к одной из немногих инициатив правительства, направленных на развитие плюрализма после июньских событий 2010 года. Концепция стала результатом трехлетних усилий по согласованию конкурирующих между собой мнений о межэтнических отношениях, представляемых НПО, этноцентричными националистами и правительством. Она выражает собой широкий консенсус между поляризованным пониманием ситуации в Кыргызстане после июньских событий 2010 года. Членам администрации президента пришлось месяцами убеждать националистов в парламенте и в самом правительстве отказаться от унаследованной от советской эпохи терминологии и понятий, обычно используемых в государственных документах и политической среде.²⁹² Примечательно то, что вопреки настояниям националистов, Концепция не определяет кыргызов как “государствообразующую группу” или “титულную” этническую группу. Вместо

этого Концепция пытается найти баланс между демократическими принципами и гражданскими правами, с одной стороны, и внедрением кыргызского языка по всей стране, с другой.

Хотя Концепция представляет собой смелый шаг в сторону плюрализма, представители администрации президента выделяют три проблемы на пути ее реализации. Во-первых, для того, чтобы организовать мероприятия, направленные на укрепление мира, необходимо обучить и профинансировать агентства местного самоуправления.²⁹³ Во-вторых, необходимо трансформировать государственную языковую политику для улучшения преподавания кыргызского языка, в особенности на дошкольном уровне. Мира Карыбаева, занимающая должность заведующей Отдела этнической, религиозной политики и взаимодействия с гражданским обществом, а также Эгемберди Эрматов, председатель Государственной комиссии по госязыку, и Накен Касиев, занимавший должность директора недавно созданного Государственного агентства по делам местного самоуправления и межэтнических отношений, согласны с тем, что лучшим для правительства способом повышения знаний кыргызского языка будет изменение методов преподавания.²⁹⁴ Существующая сегодня в Кыргызстане система образования предлагает обучение в школе только на одном языке (обычно кыргызском, русском или узбекском). Такой подход должен быть заменен мультязычной практикой преподавания, включающей кыргызский, русский, язык национального меньшинства и/или один из шести официальных языков Организации Объединенных Наций. И, наконец, усилия по развитию гражданского патриотизма должны соблюдать баланс между инклюзивными идеалами гражданства и националистическими порывами установления гегемонии кыргызской культуры. Необходим сбалансированный подход к этническим меньшинствам, которые культурно идентифицируют себя с Узбекистаном, Россией, либо иным происхождением или культурами.

НПО в Бишкеке и Оше видят другой набор проблем. Лидеры некоторых НПО в Бишкеке считают, что Концепция неизбежно разделяет этническое большинство и этнические меньшинства и поощряет раскол на местном уровне.²⁹⁵ Любые программы по укреплению межэтнического мира будут проводиться

290 Интервью с правозащитником, Бишкек, 28 мая 2013 г.

291 Там же.

292 Интервью с представителем Администрации президента Атамбаева, Бишкек, 27 мая 2013 г.

293 Касиев также указал на эти проблемы в одном из интервью в Бишкеке, 31 мая 2013 г.

294 Интервью в Бишкеке, 27 мая - 7 июня 2013 г.

295 Интервью с руководителем Коалиции за демократию и гражданские права Динарой Ошуракуновой, Бишкек, 30 мая 2013 г.

с позиции этих категорий и тем самым противоречить целям Концепции. НПО в Оше считают, что Концепция была создана центральными властями, которые оторваны от реальности на юге страны, и что этот документ скорее ориентирован на сохранение власти режима президента в высококонкурентной политической среде Бишкека.

Наконец, международные донорские организации рассматривают эту Концепцию как значительный шаг вперед на пути к межэтническому миру, но критикуют кыргызское правительство за “отказ принимать ответственность” за ее реализацию.²⁹⁶ Согласно этой точке зрения, непонятно, какое государственное агентство или официальное лицо отвечает за реализацию этой политики и ее результаты. Также неясны источники финансирования, необходимые для реализации этой политики и лица, отвечающие за контроль над этим процессом.

Поскольку эта Концепция носит характер широкого консенсуса, она может подвергаться различным интерпретациям. Например, бывший советник президента по межэтническим отношениям, сегодня занимающий одну из руководящих позиций в региональном правительстве, убежден в том, что стране не нужны новые ресурсы для преподавания кыргызского языка, поскольку изучение государственного языка попросту относится к обязанности любого гражданина. Согласно этому мнению, кыргызское культурное наследие необходимо чаще превозносить, чтобы все этнические меньшинства уважали идентичность большинства. Идеи исключительности, отрицающие права меньшинств, схожим образом широко распространены в парламенте. Они основаны на евроцентристских идеях, популяризованных в советское время, согласно которым любая этническая группа стремится к самоопределению в своем национальном государстве, и до тех пор, пока она не достигла такого самоопределения, она будет отторгать любые гражданские идеалы.

Несмотря на эти проблемы и неактивность правительства в решении вопросов постконфликтного этнического примирения напрямую, президентская администрация

добилась серьезного прогресса в нейтрализации националистической политической риторики лингвистической и культурной исключительности. Администрация и НПО продолжают искать пути для большего развития плюрализма, одновременно решая проблемы демократизации в их многоликом обществе.

XI. ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕПЯТСТВИЯ ДЛЯ ПЛЮРАЛИЗМА

На основе анализа социального, культурного, экономического и политического многообразия Кыргызстана данное исследование позволило нам сделать вывод о том, что хотя Кыргызстан и сталкивается со значительными трудностями, перспективы развития плюрализма в стране представляются значительными. Наиболее многообещающие факторы включают в себя наличие лидеров плюрализма как в рядах правительства, так и среди гражданского общества, а также растущие экономические свободы и динамизм политического процесса.

Данный доклад показал, что социальная напряженность в Кыргызстане имеет корни в советской практике государственностроения, основанной на этническом самоопределении, а также на растущих в стране на протяжении последнего десятилетия экономических и политических свободах. Напряженность распространяется на этнические, региональные и городские-сельские расколы в обществе, что, в свою очередь, отражается на том, как экономические ресурсы создаются и распределяются на территории страны и среди населения. Проявление напряженности – это также результат в целом либеральной политической среды в стране, когда большинство жителей имеют возможность выражать свою озабоченность вопросами, которые их волнуют. Политические и экономические свободы Кыргызстана обеспечивают значительные возможности для плюрализма. Актуальные вопросы, которые разделяют общество, включая политическую идентичность севера/юга, внутреннюю и внешнюю миграцию и радикализацию сельской молодежи, также составляют часть более широкого общественного диалога.

²⁹⁶ Ряд интервью с представителями правозащитных неправительственных организаций и международных донорских организаций, Ош и Бишкек, 28 мая – 11 июня 2013 г.

Однако из-за системных институциональных слабостей центральных и местных органов власти и слабого верховенства закона в стране отсутствует цивилизный диалог между противоположными мнениями и интересами, в котором бы был услышан каждый без исключения голос. Вместо этого, дебаты и противопоставляемые друг другу политические программы сосуществуют в различных контекстах – в парламенте, средствах массовой информации, территориальных общинах и неправительственном секторе – не пересекаясь между собой или не развиваясь в более широкую дискуссию. В этой какофонии конкурирующих голосов национальное правительство избегает вопросов этнической напряженности и региональных делений, в то время как местные органы власти обладают лишь скудным пониманием гражданского национализма и идентичности. Это усугубляется тем, что политическая оппозиция использует этническую гордость и статус кыргызского языка в качестве политических инструментов, чтобы бросить вызов президенту и сформировать себе поддержку со стороны этнических кыргызов.

В данном разделе анализируются возможности и ограничения по укреплению плюрализма в Кыргызстане на государственном и общественном уровнях.

Возможности

Хрупкая, но устойчивая политическая стабильность

Первые пять лет после принятия новой конституции были как обнадеживающими, так и принесли разочарование. Вопреки прогнозам, парламент не был распущен после избрания, и депутаты научились проводить цивилизные дебаты в стенах парламента. За исключением нескольких громких случаев, наблюдалось меньше протестов, где лидеры оппозиции нанимали бы участников выступать против политического истеблишмента. С другой стороны, парламент показал свою неспособность разрабатывать законодательные акты, которые бы вели к экономическому росту и создавали новые экономические возможности. Законодательство зачастую разрабатывается и утверждается с ограниченным привлечением экспертов или технических консультантов для анализа специфических вопросов. По сути, потребуется еще один раунд парламентских и президентских выборов, чтобы увидеть действительно ли парламентская демократия прижилась в Кыргызстане.

Наличие хороших законов

Правовая база Кыргызстана широко признана как благоприятствующая демократии и плюрализму. Конституционное положение о правах человека, разработанное ведущими правозащитниками Кыргызстана, гарантирует права всех граждан Кыргызстана, независимо от “пола, расы, языка, инвалидности, этнической принадлежности, религии, возраста, политических или иных убеждений, образования, происхождения, имущественного или другого статуса или иных факторов”. Избирательный кодекс предусматривает, что 30 процентов парламента должно состоять из представителей этнических меньшинств, женщин и молодых людей. Концепция укрепления единства народа и межэтнических отношений в Кыргызской Республике была в значительной степени разработана на основе конституционных положений, предоставляющих приоритет гражданским правам, а не этнической принадлежности, но по-прежнему гарантирует, что этничность представляет собой признанную часть гражданской идентичности.

Лидеры плюрализма среди членов гражданского общества

В Кыргызстане есть активное гражданское общество, которое готово и заинтересовано в сотрудничестве с правительством по вопросам плюрализма. Ряд активистов НПО сделали выбор в пользу непосредственной работы с правительством и поддержки его усилий вместо постоянной критики правительства. Представители НПО признают, что правительство открыто для сотрудничества с активистами общественных организаций. Молодежные НПО в Бишкеке и Оше, поддерживаемые международными или местными донорами, особенно привержены идеям стимулирования этнического и политического плюрализма.

Лидеры плюрализма в правительстве

С 2010 года защитники плюрализма в правительстве предприняли значительные попытки, направленные на обеспечение того, чтобы гражданские права распространялись на все население. Они находили способы укрощения националистических взглядов, представляемых в парламенте, и привнесения взглядов и ценностей прогрессивного гражданского общества в главное русло политики. Два новых государственных органа, которые были созданы администрацией президента после июньских событий 2010 года заслуживают особого внимания: Отдел этнической, религиозной политики и взаимодействия с гражданским обществом и Государственное агентство по делам местного самоуправления и межэтнических отношений. Оба органа возглавляют преданные своей работе государственные служащие, готовые к реализации изменений на национальном уровне. Более того, администрация президента Атамбаева поддерживает продвижение кыргызского языка в качестве основного средства общения для всех членов общества, а не как политический инструмент принуждения по отношению к группам этнических меньшинств.

Средства массовой информации свободны и разнообразны

В Кыргызстане относительно свободная атмосфера для средств массовой информации. В СМИ транслируется широкий спектр мнений и взглядов политических лидеров и гражданского общества. Онлайн-сфера сохраняется особенно свободной, и несколько новостных сайтов публикуют критику в адрес президента, парламента и правительства. Сайты, заблокированные во времена эпохи Бакиева и нынешнего парламента, были разблокированы либо исполнительной властью, либо в судебном порядке. Власти редко вмешиваются в работу онлайн-форумов и сайтов социальных сетей. Все больше должностных лиц начинают пользоваться социальными сетями, чтобы свободно взаимодействовать с гражданами.

Политический динамизм находится на подъеме

Несмотря на институциональную слабость правительства, степень политического динамизма в Кыргызстане выше, чем в других постсоветских странах. Политические партии занимают все более видное место в политическом ландшафте Кыргызстана, и конкуренция между ними усиливается. Некоторые партии стремятся к тому, чтобы представлять интересы конкретных групп, таких как мигранты и предприниматели, а не интересы узких политических кланов. Особенно на местном уровне политические партии могут иметь большое влияние на решение местных проблем через привлечение представителей меньшинств, женщин и молодежи. В перспективе политические партии могут способствовать продвижению плюрализма на местном и национальном уровнях.

Этнические меньшинства как сегмент рынка и электорат

Этнические меньшинства составляют значительную часть избирателей, а также реальную рыночную силу, независимо от того, как к ним относятся националистические силы. Это особенно характерно для таких городов, как Бишкек, Ош и Джалал-Абад, которые имеют этнически смешанное население. В южном Кыргызстане в особенности местные СМИ, которые отказываются транслировать на узбекском языке, неизбежно потеряют огромные рыночные возможности. Точно также политические партии, которые прибегают к этническому национализму для того, чтобы заручиться поддержкой во время выборов, могут набрать голоса в сельских районах, но потеряют поддержку в более этнически разнообразных городских районах.

Основы гражданской идентичности

Исследования показывают, что этнические меньшинства обычно идентифицируют себя с гражданством и питают глубокую лояльность к Кыргызстану как государству. Жители Бишкека также склонны разделять гражданскую идентичность. Внеэтнические маркеры идентичности особенно выступают на первый план в ситуациях, которые не включают взаимодействие в группах. Учитывая, что основы гражданской идентичности среди некоторых групп уже установились, усилия по содействию развитию гражданской идентичности вероятно также найдут широкую поддержку. При правильном подходе национальных и местных органов власти гражданские идеалы могут постепенно укорениться в политических и социальных устройствах Кыргызстана. Призывы к единству, плюрализму и многообразию могут стать нормой на будущих выборах.

Препятствия

Слабый потенциал государства

Несмотря на то, что законодательная база, политика и намерения администрации президента в целом способствуют межэтническому примирению, в Кыргызстане в значительной степени отсутствует институциональная основа для реализации политических программ. Из-за частой смены правящей коалиции, правительственные кадры также подвергаются ротации. При каждой смене кадров прерывается последовательность осуществляемой политики, поскольку новые государственные чиновники как правило приносят в правительство свое собственное видение. Возможности государственных институтов во всех трех ветвях власти остаются слабыми, многие органы власти погрязли в коррупции и nepotизме. Из-за слабости центральной власти, руководители местных органов власти, создающие чувство стабильности и безопасности посредством авторитарных методов, пользуются популярностью у местного населения. Доверие к государственным институтам остается низким. Большинство политиков полагаются на собственные неформальные или частные охраняемые организации, нежели чем на правоохранительные органы. Публичные деятели с различными политическими взглядами, включая государственных служащих, депутатов, журналистов и активистов НПО, опасаются атак агрессивной толпы, организованной политическими силами, готовыми использовать насилие против своих критиков. В условиях ожесточенной политической конкуренции национализм часто используется как инструмент для получения поддержки на местах.

Нереформированный судебный сектор

Судебный сектор страны представляет собой, пожалуй, наименее реформированную ветвь власти в Кыргызстане. После событий июня 2010 года справедливость так и не была достигнута, а граждане не могут рассчитывать на беспристрастность судов. Суды Кыргызстана остались без должного внимания в усилиях по демократизации и защите свобод граждан, предусмотренных конституцией. Национальное правительство предприняло недостаточно шагов для продвижения справедливости и обеспечения

верховенства закона за пределами Бишкека. Затянувшийся процесс формирования Конституционной палаты Верховного суда, к основной функции которой отнесена интерпретация конституции, позволила различным политическим силам выдвигать законодательные инициативы, которые противоречат закону и ограничивают права наиболее уязвимых членов общества, включая этнических меньшинств, женщин и детей.

Стереотипы среди моно-этнических общин

То, что этнические группы сосредоточены в одном географическом районе, порождает недоверие к государству и представителям другой этнической группы, особенно если экономические ресурсы ограничены или воспринимаются как ограниченные. Вероятно, что этническая напряженность может появляться в будущем во времена общей политической нестабильности в стране. Моно-этнические общины составляют значительную силу избирателей для кандидатов, которые желают использовать националистическую риторику для обеспечения своей поддержки. Стереотипы, чувство безысходности и политический фанатизм, генерируемые в моноэтнических сообществах, могут перекинуться на мультиэтнические регионы во времена политических кризисов.

Политизированная идентичность в группе большинства

Глубоко засевшие советские представления о государственности продолжают оказывать влияние на дискурс об индивидуальных и групповых идентичностях в Кыргызстане. Политические элиты, которые продолжают оперировать советскими идеалами, ставящими этнос в центре индивидуальной и групповой идентичности, пропагандируют националистические идеи сверху. Эти взгляды определяют кыргызскую этническую группу в качестве титульной национальности, чье благополучие рассматривается как ключевой фактор для выживания страны. Подобные политические взгляды находят поддержку среди этнических кыргызов, в особенности в сельских моноэтнических районах, где экономические ресурсы ограничены.

Политизация языка

Вопрос кыргызского языка глубоко политизирован политическими группировками, конкурирующими за избирателей, принадлежащих к этническому большинству населения, и срывает любую возможность обсудить права меньшинств. Несмотря на то, что более 70 процентов населения согласны с тем, что группам этнических меньшинств должна быть предоставлена возможность сохранения их культурного наследия и с тем, что для искоренения дискриминации в отношении меньшинств должны предприниматься соответствующие меры, только половина населения считает, что группы меньшинств должны иметь возможность обучения или доступа к средствам массовой информации на их родном языке. Националистические силы готовы использовать такое общественное мнение для того, чтобы повысить свою популярность среди этнического большинства.

Недостаточная представленность меньшинств

Начиная с 1991 года количество этнических меньшинств, представленных в парламенте, на высших государственных должностях и в местных администрациях, постепенно снижалось. В избранном в 2010 году парламенте меньшинства составляли менее 10 процентов от числа всех депутатов, в то время как этнические узбеки представлены всего двумя из ста двадцати депутатов. Хотя доля женщин-депутатов увеличилась за последние два десятилетия, они также как и этнические меньшинства, по-прежнему не добиваются конституционную квоту, установленную в 30 процентов. Поскольку меньшинства по-прежнему недостаточно представлены, вопросы, связанные с правами меньшинств редко обсуждаются в парламенте или правительстве. Вместо этого, националистический и сексистский язык используется на регулярной основе, что часто находит широкую поддержку.

Парламентские квоты не привели к плюрализму

Квоты, установленные для женщин и меньшинств, еще не выразились в плюрализме в парламенте. Существующие квоты остаются не заполненными и количество депутатов-некыргызов, а также депутатов-женщин снизилось с тех пор, как парламент был избран. Кроме того, наличие представителей женского пола или этнических меньшинств в партиях не обязательно приводит к более прогрессивному обсуждению вопросов межэтнических отношений или вопросов гендерного характера. Напротив, некоторые женщины-депутаты с легкостью голосуют за принятие законов, ограничивающих права женщин и меньшинств. В парламенте также нет специализированных комитетов для обсуждения вопросов плюрализма.

Недостаток средств массовой информации для меньшинств

Многие этнические меньшинства в состоянии понимать по крайней мере базовый русский и кыргызский языки. Тем не менее, в отдаленных районах Кыргызстана источники информации на этих языках не достаточно, и они зачастую носят односторонний характер, отражая прокремлевские взгляды. Деятельность средств массовой информации на узбекском языке, запрещенных в связи с произошедшим в 2010 году этническим насилием, до сих пор не возобновлена. Практически все этнические узбеки на юге Кыргызстана смотрят телевизионные каналы, транслируемые из Узбекистана. Это усиливает у них чувство отчуждения и сегрегации от общественной жизни в южных районах страны и на национальном уровне. Другие этнические группы,

такие как таджики, дунгане, и китайцы, живущие в Кыргызстане, испытывают похожие проблемы доступа к СМИ на их родном языке.

Модернизация не затронула все группы

Неравномерное распределение экономических ресурсов и земли среди городской и сельской местности, между севером и югом и даже среди различных возрастных групп населения, может привести к вспышке напряженности по этническому и политическому признакам. В мультиэтнических городах, таких как Бишкек и Ош, наблюдается гораздо более сильный экономический рост, чем в моноэтнических сельских районах, где нищета носит системный характер. Молодежь Кыргызстана составляет половину населения страны и имеет ограниченные возможности трудоустройства. Их шансы на успех в значительной степени предопределяются их местом жительства (город/село), тем, имеется ли у них доступ к высшему образованию, и размером их семьи. Однако как только потенциально спорные вопросы приобретают этнический оттенок, к ним требуется долгосрочный подход. Если усилия по примирению, выступающие за установление согласия между этническими группами, могут оказаться эффективными в краткосрочной перспективе, то долгосрочный подход требует решения проблемы неравномерной модернизации, создающей повод для конфликтов.

Автор

Исследование, на котором основан данный доклад, было осуществлено в период, когда автор имела аффилиацию с Центром Вудро Вильсона, Вашингтон, округ Колумбия. Выраженные или подразумеваемые в нем мнения, выводы и рекомендации принадлежат автору и не обязательно отражают точку зрения Национального университета обороны, министерства обороны или любого другого органа федерального правительства США.

БИБЛИОГРАФИЯ И ИНЫЕ РЕСУРСЫ

Книги, журнальные статьи и доклады с результатами проведенных исследований

Aida Aaly Alymbetova, Keneshbek Almakuchukov, Emil Nasritdinov, Ruslan Rakhimov and Bermet Zhu-makadyrkyzy (2013). “Debating Migration in Kyrgyzstan”, *Voices from Central Asia Series*, Number 9, Central Asia Program, Elliott School of International Affairs, The George Washington University, February.

Sarah S. Amsler (2009). “Promising Futures? Education as a Symbolic Resource of Hope in Kyrgyzstan”, *Europe-Asia Studies*, 61(7), 1189-1206.

Aziz Atamanov and Marrit van den Berg (2012). “International Labour Migration and Local Rural Activities in the Kyrgyz Republic: Determinants and Trade-offs”, *Central Asian Survey*, 31(2), 119-136.

Aijaz A. Bandey and Farooq Ahmad Rather (2013). “Socio-economic and Political Motivations of Russian Out-migration from Central Asia”, *Journal of Eurasian Studies*. <http://dx.doi.org/10.1016/j.euras.2013.03.004>

Beverly Boutilier (2012). “Defining Pluralism”, *Pluralism Papers*, No. 1, Global Centre for Pluralism. http://www.pluralism.ca/images/stories/home_page/20120120--Defining_Pluralism_FINAL_EN.pdf.

Roger Brubaker (1994). “Nationhood and the National Question in the Soviet Union and Post-Soviet Eurasia: An Institutionalist Account,” *Theory and Society*, 23(1).

Roger Brubaker and Frederick Cooper (2000). “Beyond ‘Identity’”, *Theory and Society*, 29(1), 1-47.

Roger Brubaker, Margit Feischmidt, Jon Fox and Liana Grancea (2008). *Nationalist Politics and Everyday Ethnicity in a Transylvanian Town*, Princeton University Press, 226-228.

Central Intelligence Agency (2013). “Central Asia: Kyrgyzstan”, *The World Factbook*. <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/kg.html>. Last accessed April 11, 2013.

Amy Chua (2004). *World on Fire: How Exporting Free Market Democracy Breeds Ethnic Hatred and Global Instability*. New York: Anchor Books.

Kathleen Collins (2007). “Ideas, Networks, and Islamist Movements: Evidence from Central Asia and the Caucasus”, *World Politics*. 60(October), 64–96.

Bhavna Dave (2004). “A Shrinking Reach of the State? Language Policy and Implementation in Kazakhstan and Kyrgyzstan” in Pauline Jones Luong (ed). *The Transformation of Central Asia*, Ithaca: Cornell University Press.

Alan DeYoung (2010). *Lost in Transition: Redefining Students and Universities in the Contemporary Kyrgyz Republic*, Charlotte, NC: Information Age Publisher.

Alan DeYoung, Rakhat Zholdoshalieva and Umut Zholdoshalieva (2013). “Creating and Contesting Meanings of Place and Community in the Ylay Talaa Valley of Kyrgyzstan”, *Central Asian Survey*, 32(1).

Johan Engvall, *Flirting with State Failure: Power and Politics in Kyrgyzstan since Independence*, Stockholm & Washington, DC: Central Asia – Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, July 2011.

William Fierman (2009). Identity, Symbolism, and the Politics of Language in Central Asia, *Europe-Asia Studies*, 61(7), 1207-1228.

David Gullette (2010). *The Genealogical Construction of the Kyrgyz Republic: Kinship, State and ‘Tribalism’*. Brill - Global Oriental: Folkestone.

Arne Haugen (2004). *The Establishment of National Republics in Central Asia*, Hampshire and New York: Palgrave Macmillan.

Farideh Heyat (2004). “Re-Islamisation in Kyrgyzstan: gender, new poverty and the moral dimension”, *Central Asian Survey*, 23(3-4), 275-287.

Francine Hirsch (2005). *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca: Cornell University Press.

Swanne Hunt (2007). "Let Women Rule", *Foreign Affairs*, 86(3), 109-120.

Eugene Huskey (1995). "The Politics of Language in Kyrgyzstan", *Nationalities Papers*, 3, 549-72.

Gulnara Ibraeva, Anara Moldosheva, and Anara Niyazova (2011). "Kyrgyz Case Study", Gender Development and Equality, *World Development Report*.

Ali Igmen (2012). *Speaking Soviet with an Accent: Culture and Power in Kyrgyzstan*, Pittsburg: The University of Pittsburg Press.

Eliza Isabaeva (2011). "Leaving to Enable Others to Remain: Remittances and New Moral Economies of Migration in Southern Kyrgyzstan", *Central Asian Survey*, 30(3-4), 541-554.

Dmitry Kabak and Almaz Esengeldiev (2011). *Freedom of Religion and Belief in the Kyrgyz Republic: Overview of the Legislation and Practice*, Bishkek: Open Viewpoint Public Foundation.

Marianne Kamp (2008). *The New Woman in Uzbekistan: Islam, Modernity, and Unveiling Under Communism*. Seattle: University of Washington Press.

Nataliya Kasmarskaya (1996). "Russian Women in Kyrgyzstan: Coping with New Realities", *Women's Studies International Forum*, 19(1/2), 125-132.

Adeeb Khalid (2003). "A Secular Islam: Nation, State, and Religion in Uzbekistan", *International Journal of Middle East Studies*, 35(4), 573-598.

____ (2007). *Islam after Communism: Religion and Politics in Central Asia*, Berkeley: University of California Press.

Stefan B. Kirmse (2010). "In the Marketplace for Styles and Identities: Globalization and Youth Culture in Southern Kyrgyzstan", *Central Asian Survey*, 29(4), 389-403.

Russell Kleinbach and Lilly Salimjanova (2007). "Kyz ala kachuu and Adat: Nonconsensual Bride Kidnapping and Tradition in Kyrgyzstan", *Central Asian Survey*, 26(2), 217-233.

Russel Kleinbach, Mehrigiul Ablezova and Medina Aitieva (2005). Kidnapping for Marriage (*ala kachuu*) in a Kyrgyz Village", *Central Asian Survey*, 24(2), 191-202.

Britta Kroth and Beatrice Schultzer (2003). "Multilingual Education for Increased Multiethnic Understanding in Kyrgyzstan". http://www.cimera.org/files/biling/en/MLG_Text1.pdf.

Kathleen Kuehnast (1998). "From Pioneers to Entrepreneurs: Young Women, Consumerism, and the 'World Picture' in Kyrgyzstan", *Central Asian Survey*, 17(4), 639-654.

¹ *Население Кыргызстана. Бишкек: Национальный Статистический Комитет Кыргызской Республики*. Под ред. З.И. Кудабаява, Мишеля Гуилотта и М.Б. Денисенко, (2004).

Alexander Kupatadze, *Organized Crime, Political Transitions and State Formation in Post-Soviet Eurasia*, New York: Palgrave Macmillan, 2012.

Shamy Kylym (2012). "Роль органов власти в период событий июня 2010 года в Кыргызстане" [The Role of Authorities during the Period of Events in June 2010 in Kyrgyzstan], Bishkek. http://vof.kg/wp-content/uploads/2012/09/Doklad-rol-organov-vlasti_Rylym-shamy.pdf.

____, "Rol' organov vlasti v period sobytiy iyunya 2010 goda", September 2012, <http://www.osce.org/ru/odihr/94202>

Marlene Laruelle (2008). "The Concept of Ethnogenesis in Central Asia: Political Context and Institutional Mediators (1940-1950)", *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 9(1), 169-188.

____ (2012). "The Paradigm of Nationalism in Kyrgyzstan. Evolving Narrative, the Sovereignty Issue, and Political Agenda". *Communist and Post-Communist Studies*, 45, 39-49.

Marlene Laruelle and Sebastien Peyrouse (2012). *Globalizing Central Asia: Geopolitics and the Challenges of Economic Development*, New York: M.E. Sharpe.

- David Lewis, “Reassessing the Role of OSCE Police Assistance Programming in Central Asia”, Open Society Foundation, April 2011.
- Morgan Y. Liu (2012). *Under Solomon’s Throne: Uzbek Vision of Renewal of Osh*. Pittsburg: University of Pittsburg Press. pp. 7, 169, 208.
- Pauline Jones Luong (2002). *Institutional Change and Political Continuity in Post-Soviet Central Asia: Power, Perceptions, and Pacts*. Cambridge and New York: Cambridge University Press.
- Erica Marat, “Reforming Police in Postcommunist Countries: International Efforts, Domestic Heroes”, *Comparative Politics* (forthcoming 2015).
- _____ (2008). “Imagined Past, Uncertain Future: The Creation of National Ideologies in Kyrgyzstan and Tajikistan”, *Problems of Post-Communism*, 55(1).
- _____ (2008). “National Ideology and State-Building in Kyrgyzstan and Tajikistan”, *Silk Road Paper*, Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program.
- _____ (2012). “Kyrgyzstan: A Parliamentary System based on Inter-elite Consensus”, *Demokratizatsiya*, 20(4), 325-344.
- Anna Matveeva (2010). “Kyrgyzstan in Crisis: Permanent Revolution and the Curse of Nationalism”, *Crises State Research Centre Working Papers* No. 79, September.
- Eric McGlinchey (2009). “Islamic Revivalism and State Failure in Kyrgyzstan”, *Problems of Post-Communism*, 56(3), 16-28.
- _____ (2011). *Chaos, Violence, Dynasty: Politics and Islam in Central Asia*. Pittsburg: University of Pittsburg Press.
- Nick Megoran (2012). “Averting Violence in Kyrgyzstan: Understanding and Responding to Nationalism”, *Chatham House, Russia and Eurasia Programme Paper*, December.
- Neil Melvin (2011). “Promoting a Stable and Multiethnic Kyrgyzstan: Overcoming the Causes and Legacies of Violence”, *Central Eurasia Project Occasional Paper Series* No. 3, May.
- Asel Murzakulova and John Schoeberlein (2009). “The Invention of Legitimacy: Struggles in Kyrgyzstan to Craft and Effective Nation-State Ideology”, *Europe-Asia Studies*, 61(7).
- Douglas Northrop (2003). *Veiled Empire: Gender and Power in Stalinist Central Asia*. Ithaca: Cornell University Press.
- Sebastien Peyrouse (2007). “Christians as the Main Religious Minority” in Jeff Sahadeo & Russell Zanca (eds) *Everyday Life in Central Asia: Past and Present*, Bloomington: Indiana University Press.
- Richard Pomfret (2006). *The Central Asian Economies Since Independence*, Princeton: Princeton University Press.
- Oleh Protsyk and Medet Tiulegenov (2012). “Do Electoral Rules Matter? Ethnic Minority Representation under Different Electoral System Designs in Kyrgyzstan”, Paper prepared for the 2012 Association for the Study of Nationalities 2012 World Convention, New York City, April 19-21, 2012.
- Scott Radnitz (2010). “Competing Narratives and Violence in Southern Kyrgyzstan”, *PONARS Policy Memo* No. 105.
- _____ (2010). *Weapons of the Wealthy*. Ithaca: Cornell University Press.
- Madeleine Reeves (2014), *Border Work: Spatial Lives of the State in Rural Central Asia*, Ithaca, NY: Cornell University Press.
- _____ (2005a). “Of Credits, *Kontrakty* and Critical Thinking: Encountering ‘Market Reforms’ in Kyrgyzstani Higher Education”, *European Educational Research Journal*, 4(1).
- _____ (2005b). “Locating Danger: Konfliktologiiia and the Search for Fixity in the Fergana Valley Borderlands”, *Central Asian Survey*, 24(1) March, 67-81.
- Dilip Ratha (2012) “Outlook for Migration and Remittances”, *World Bank presentation*. <http://www.un.org/esa/population/meetings/tenthcoord2012/V.%20Dilip%20Ratha%20-%20Remittances%20and%20their%20costs.pdf>.

Olivier Roy (2000). *The New Central Asia: The Creation of Nations*. New York: New York University Press.

Steven Sabol (1995). “The Creation of Soviet Central Asia: The 1924 National Delimitation”, *Central Asia Survey*, 14(2), 225-41.

Matthias Schmidt and Lira Sagynbekova (2008). “Migration Past and Present: Changing Patterns in Kyrgyzstan”, *Central Asian Survey*, 27(1), 111-127.

Philipp Schroeder (2010). “‘Urbanizing’ Bishkek: Interrelations of Boundaries, Migration, Group Size and Opportunity Structure”, *Central Asian Survey*, 29:4, 453-467.

Duishon Shamatov (2012). “The Impact of Standardized Testing on University Entrance Issues in Kyrgyzstan”, *European Education*, 44(1), 71-92.

Susan Thieme (2008). “Living in Transition: How Kyrgyz Women Juggle Their Different Roles in a Multi-local Setting”, *Gender Technology and Development*, 12(325).

Lowell R. Tillett (1969). *The Great Friendship: Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press.

Valery Tishkov (1995). “Don’t Kill Me, I’m a Kyrgyz!’: An Anthropological Analysis of Violence in the Osh Ethnic Conflict”, *Journal of Peace Research*, 32(2), 133-149.

Evgeny Vinokurov (2013). “The Art of Survival: Kyrgyz Labor Migration, Human Capital, and Social Networks”, Central Asia Economic Paper No. 7, Central Asia Program, Elliott School of International Affairs, The George Washington University.

Andrew Baruch Wachtel (2013). “Kyrgyzstan between Democratization and Ethnic Intolerance”, *Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity*, March.

Cynthia Werner (2009). “Bride Abduction in Post-Soviet Central Asia: Marking a Shift Towards Patriarchy Through Local Discourses of Shame and Tradition”, *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 15(2), 314–331.

Cai Wilkinson and Anna Kirey (2010). “What’s in a Name? The Personal and Political Meanings of ‘LGBT’ for Non-heterosexual and Transgender Youth in Kyrgyzstan”, *Central Asian Survey*, 29:4, 485-499.

Медиа ресурсы

24.kg

Akipress

Azattyk.kg

Azattyq.org

Central Asia – Caucasus Analyst

Domoscop Weekly

Eurasia Daily Monitor

Eurasianet.org

Ferghana.ru

Institute for War and Peace Reporting (IWPR)

Kyrgyzstan Newswire

Reuters

Tazabek

Vecherny Bishkek

Vesti 26

Voice of America

Опросы

International Republican Institute, “Kyrgyzstan National Opinion Poll”, February 2012. <http://www.iri.org/sites/default/files/2012%20April%2011%20Survey%20of%20Kyrgyzstan%20Public%20Opinion%2C%20February%204-27%2C%202012.pdf>

Национальный Статистический Комитет Кыргызской Республики,

<http://www.stat.kg/stat.files/din.files/census/5010016.pdf>.

<http://www.stat.kg/stat.files/din.files/census/5010006.pdf>

<http://www.stat.kg/stat.files/din.files/census/5010015.pdf>.

“Население Кыргызстана: Итоги первой национальной переписи населения Кыргызской Республики 1999 года в таблицах, Книга II (Часть 1)”, 2000.

“Перепись населения и жилищного фонда Кыргызской Республики 2009 года, Книга II (часть первая)” (2010).

Office of the High Commissioner for Human Rights Regional Office for Central Asia, Handout: Reports on Minority Rights and Inter-Ethnic Relations, Presentation, Bishkek, May 27, 2013.

Pew Research Center, “Concerns About Religious Extremism in Boston Bombings Suspects’ Homelands”, April 23, 2013.

Социологическое агентство СИАР (SIAR Исследования и Консалтинг), Неопубликованный документ, касающийся общенационального опроса 1000 респондентов, июнь 2013.

Документы Правительства Кыргызской Республики

Концепция укрепления единства народа и межэтнических отношений, Правительство Кыргызской Республики, 10 апреля 2013 года. http://www.president.kg/files/docs/kontseptsiya_ukrepleniya_edinstva_naroda_i_mejetnicheskih_otnosheniy_v_kr.pdf.

“Национальной стратегии устойчивого развития Кыргызской Республики на период 2013-2017 годы”, available at http://www.president.kg/ru/novosti/1466_tekst_natsionalnoy_strategii_ustoychivogo_razvitiya_kyrgyzskoy_respubliki_na_period_2013-2017_godyi/

Доклады международных организаций

Amnesty International, *Still Waiting for Justice: One Year On from the Violence in Southern Kyrgyzstan*, London: Amnesty International, June 2011.

Коалиция за демократию и права человека, Социальное самочувствие населения: отчет по результатам телефонного опроса граждан Кыргызстана, Бишкек, февраль 2013.

Freedom House, *A Chronicle of Violence: The Events in the South of Kyrgyzstan in June 2010* (Osh Region), February 2012, <http://www.freedomhouse.org/report/special-reports/chronicle-violence-events-south-kyrgyzstan-june-2010-osh-region>

Human Rights Watch, “Where is the Justice?” *Interethnic Violence in Southern Kyrgyzstan and its Aftermath*, New York: Human Rights Watch, August 2010.

_____, *Interethnic Violence in Southern Kyrgyzstan and Its Aftermath*, New York: Human Rights Watch, August 16, 2010.

_____, *Distorted Justice: Kyrgyzstan’s Flawed Investigations and Trials on the 2010 Violence*, New York: Human Rights Watch, June 2011.

International Crisis Group, *The Pogroms in Kyrgyzstan*, August 23, 2010.

Комиссия по расследованию событий в Кыргызстане (КИС), *Доклад независимой международной комиссии по расследованию событий на юге Кыргызстана в июне 2010 года* (Ош: КИС, май 2011 г.), с.44, http://www.k-ic.org/images/stories/kic_report_english_final.pdf.

Управление Демократических Институтов и Прав Человека Организации по Безопасности и Сотрудничеству в Европе (OSCE/ODIHR), “OSCE/ODIHR Election Observation Mission Report”, Warsaw, December 20, 2012. <http://www.osce.org/odihr/74649>.

Safeworld, “Nobody has ever Asked about Young People’s Opinions: Young People’s Perspectives on Identity, Exclusion and the Prospects for a Peaceful Future in Central Asia”, March 2012. <http://www.saferworld.org.uk/downloads/pubdocs/037%20CAAsia%20web.pdf>.

Всемирный Банк, *Оценка бедности в Кыргызской Республике. Сентябрь 2007 года*. http://siteresources.worldbank.org/ECAEXT/Resources/publications/454763-1191958320976/Poverty_assessment_Vol1.pdf,

_____, *Миграция и денежные переводы. Книга фактов 2011 года*, Доступна на сайте <http://siteresources.worldbank.org/INTPROSPECTS/Resources/334934-1199807908806/KyrgyzRepublic.pdf>.

_____, “*Development Indicators 2012*”, Washington, DC: The World Bank, 2012a. http://databank.worldbank.org/data/views/variableSelection/selectvariables.aspx?source=world-development-indicators#с_k.

_____, *Kyrgyz Republic Gender Disparities in Endowments and Access to Economic Opportunities*, June 26, 2012b.

Marla Zalpach and Gulnara Ibraeva “*Immediate Response Facility (IRF1) Final Evaluation – Kyrgyzstan*”, United Nations Peacebuilding Fund – Immediate Response Facility, June 2012.

Интервью¹

Представители правительства

Эгемберди Эрматов, Государственная Комиссия по Государственному Языку.

Эмилбек Каптагаев, бывший Советник Президента по межэтническим отношениям.

Мира Карыбаева, Заведующая отделом этнической, религиозной политики и взаимодействия с гражданским обществом.

Накен Касиев, Государственное агентство по делам местного самоуправления и межэтнических отношений.

Кадыр Токтогулов, Пресс-секретарь Администрации Президента.

Депутаты парламента

Дастан Бекешев, депутат парламента, *Ар-Намыс*.

Равшан Жээнбеков, депутат парламента, независимый.

Представители неправительственных организаций (НПО)

Бишкек

Атыркул Алишева, Директор, Институт региональных исследований (Бишкек).

Дмитрий Кабак, Директор, Фонд “Открытая позиция” (Бишкек).

Динара Ошураунова, Директор, НПО “Коалиция за демократию и гражданское общество” (Бишкек).

Айнура Сагынбаева, Директор, социологическое агентство СИАР (Бишкек).

Нурбек Токтакунов, Директор, Прецедент (Бишкек).

Наталья Утешева, Координатор программ, Лига защитников прав ребенка (Бишкек).

Ош

Сардар Багишбеков, Директор, Голос свободы (Бишкек).

Икбола Бахрамова, Менеджер Ошского филиала фонда “Развитие и сотрудничество в Центральной Азии” (Ош).

Садьжан Махмудов, Луч Соломона (Ош).

Сахира Назарова, НПО Эвокаси центр (Ош).

Тимур Шайхутдинов, НПО “Альянс либеральной молодежи” (Бишкек).

Гульнара Токтобаева, Молодежь Оша (Ош).

Эксперты

Асель Абдыраманова, Ошский Государственный Университет (Ош).

Дэйвид Гуллетт, Университет Центральной Азии (Бишкек).

¹ Все интервью были взяты в 2013 году, и организации, которые эти лица представляют, указаны в соответствии с положением на то время.

Медиа

Сабыр Абдумомунов, Ведущий журналист, Радио Ынтымак (Ош).

Санжар Ералиев, Репортер, Радио Аззатык (Ош).

Каарманбек Кулуев, Ведущий журналист, Радио Ынтымак (Ош).

Представители международных/ региональных организаций:

Росс Браун, Военно-политический отдел ОБСЕ (Бишкек и Ош).

Крис Бурнетт, Управление Верховного комиссара по правам человека (Ош)..

Павло Бялик, Управление Верховного комиссара по правам человека ООН.

Юка Хасегава, Управление Верховного Комиссара по делам беженцев ООН (Ош).

Ричард Хазелвуд, Управление Переходных Инициатив, Представитель стран (USAID).

Татьяна Житенева, Специалист Национальной Программы, Женщины ПРООН.

Георг Качарава, Специалист по институтостроительству, ОБСЕ (Бишкек).

Люсьен Лефкорт, International Resources Group (OTI Implementing partner in Osh).

Жоомарт Ормонбеков, Специалист по программам, Региональный центр ООН по превентивной дипломатии в Центральной Азии.

Олег Процык, Управление Верховного комиссара по правам человека ООН.

Андерс Троедссон, Заместитель руководителя центра, ОБСЕ (Бишкек). Александр Зеличенко, Эксперт, Евразийская сеть снижения вреда.

Представители международных НКО

Алмаз Эсенгальдиев, Дом свободы (Бишкек).

Алтаф Хашам, Сеть Развития Ага-Хана (Бишкек).

Нана Ламберт, Поиск общей основы (Ош).

Жители Оша

Октябрь 2010, июнь 2012, июнь 2013: посещение районов Оша, которые пострадали от беспорядков, произошедших в июне 2010 года, и неформальные встречи с их жителями (семьями и предпринимателями)).

Июнь 2013 г.: неформальные беседы с жителями “Люли Махалля”, небольшого сообщества на окраине города Оша, состоящего из 700 – 1000 жителей, которое, как считается, имеет связь с цыганами

Другие источники

Члены Ротари Клуба, Бишкек, Октябрь 2012 года.

Лидеры Ата-Мекен, СДПК и небольших оппозиционных партий, которые стремились к отстранению от власти Аскара Акаева, 2005-2009.